

ВОЕННАЯ

БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

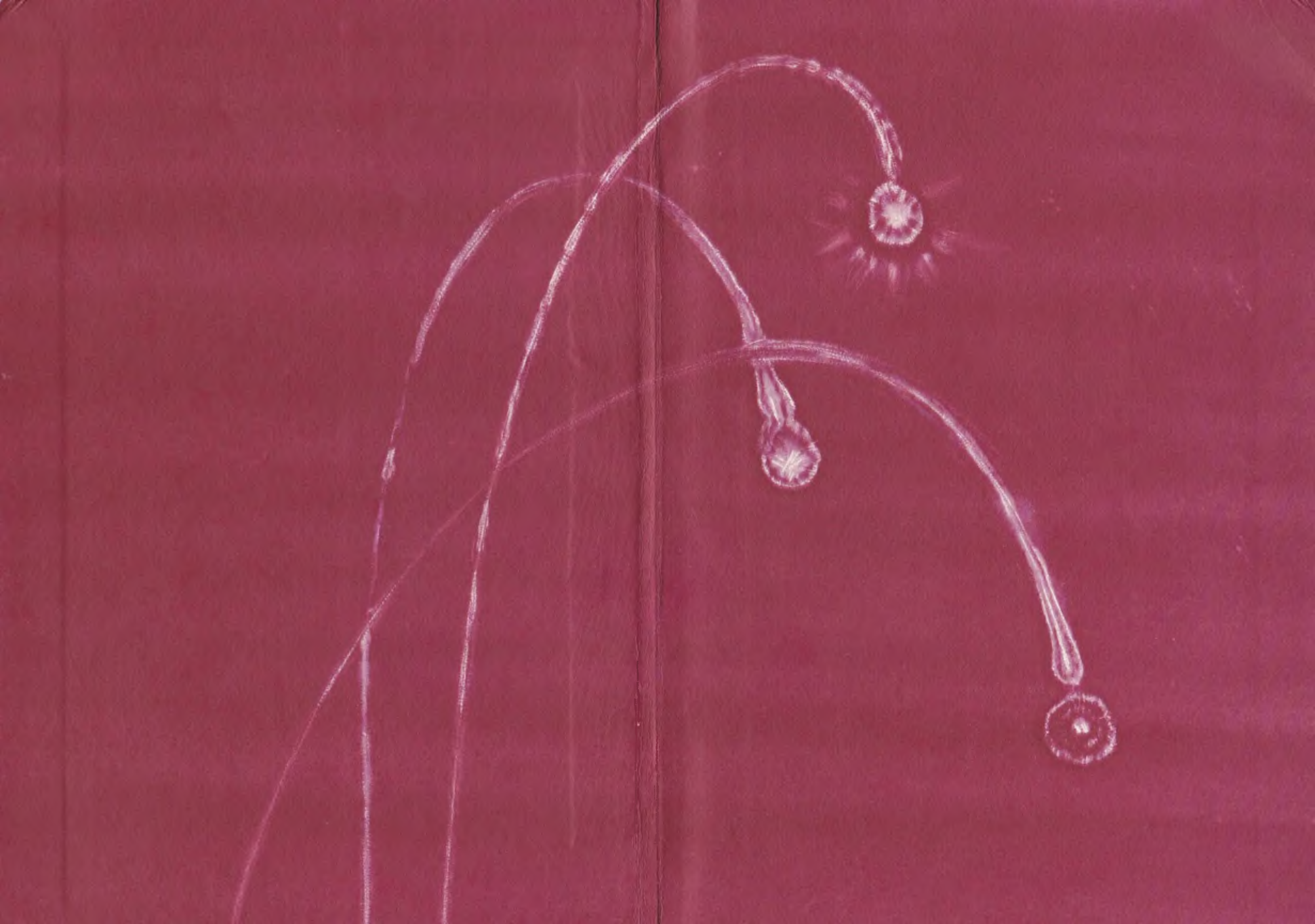

ЛИТЕРАТУРА»

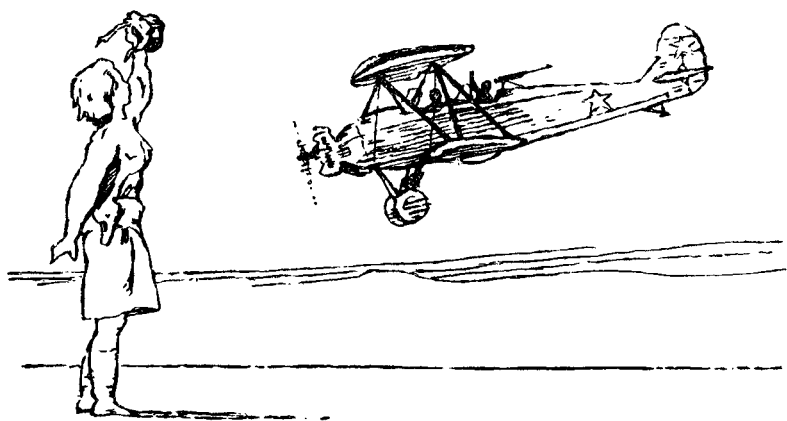
Наталья Кравцова
*ОТ ЗАКАТА
ДО РАССВЕТА*

Scan Kreyder - 24.04.2018 - STERLITAMAK

Наталья Кравцова

***ОТ ЗАКАТА
ДО РАССВЕТА***

Повесть

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

Р 2
К 77

Рисунки И. Година
Оформление А. Ременика

Кравцова Н. Ф.

К77 От заката до рассвета. Повесть. Переиздание.
Рис. И. Година. М., «Дет. лит.», 1974.

176 с. с ил. (Военная библиотека школьника).

Автор этой повести — участница Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Н. Ф. Кравцова рассказывает о подвигах летчиц, в дни войны сражавшихся в составе женского авиационного гвардейского полка.

К $\frac{0763-043}{101(03)74}$ 262—74

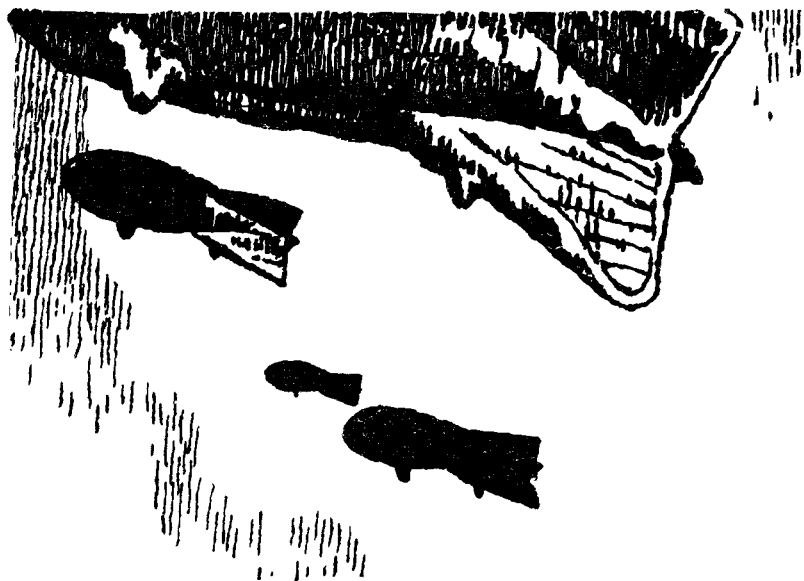
Р 2

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

НАЧАЛО

ИДЕМ НА ВОЙНУ

Мы идем пустынными улицами Москвы к Казанскому вокзалу. Серое октябрьское утро. Бьет в лицо колючий снежок. Легкий мороз сковал осенние лужи на мостовой. Зима 1941-го наступила рано.

Шагаем колонной. Стучат по булыжнику железные подковки сапог. Стараемся идти в ногу. Нас много, девушек в больших, не по росту, шинелях и огромных кирзовых сапогах. В такт шагу позвякивают котелки, привязанные к рюкзакам. Сбоку на ремне у каждой — пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны входить в комплект «снаряжения».

Скользко. В сапогах непривычно: то и дело кто-нибудь из девушек плюхается на землю под сдержанный смешок соседок.

Москва военная провожает нас. Из скверов торчат стволы зениток. Настороженно, словно прислушиваясь к далекому гу-

ду войны, стоят дома с разрисованными стенами. На стенах — зеленые деревья и серые дороги... Окна оклеены полосками бумаги крест-накрест. И дома — как слепые.

Война уже близко. Совсем близко от Москвы. Мы это знаем. Безжизненно стоят трамваи, брошенные, никому не нужные. Метро не работает. На станциях и в тоннелях люди прячутся от бомбежки. Трудные, тревожные дни, когда известий ждут со страхом.

Но мы не унываем. Потому что мы уже солдаты: на нас новенькая военная форма со скрипучим кожаным ремнем. Теперь не нужно толкаться в военкомате и просить, чтобы отправили на фронт. Все позади: и отборочная комиссия в ЦК комсомола, и медицинская комиссия, и две шумные недели в академии Жуковского, где находился сборный пункт. Сюда съезжались из разных городов девушки — пилоты и техники, здесь мы постигли азы военной дисциплины, вникая в сущность субординации...

Все это позади. Мы идем на войну.

Правда, на войну мы попадем не сразу. Впереди учеба в летной школе. Там, в городе Энгельсе, на Волге, нам предстоит провести шесть месяцев. Когда Марина Раскова, наш командир, сообщила об этом, многие ахнули: целых шесть месяцев! Но, конечно, все обрадовались: значит, решение о том, что мы будем воевать, окончательно и бесповоротно. И только одно огорчало: мы покидаем Москву в самый тяжелый для нее час, уезжаем в тыл, на восток.

...Подковки сапог стучат по булыжнику. Мы идем по утреннему городу, поем песни. Наверное, смешно смотреть со стороны на нас, нескладно одетых девчонок в длиннющих шинелях. Но нет улыбок на лицах редких прохожих. Пожилые женщины подходят к самому краю тротуара, молча стоят и долго провожают колонну грустным взглядом.

На вокзале грузим в теплушки матрацы, мешки, продовольствие. Только к вечеру эшелон трогается. Мы едем в Энгельс. Едем медленно. В потемневшем небе первые вспышки разрывов. В городе воздушная тревога. Гудят паровозы, заводы. Грохочут зенитки.

Двери в теплушках раздвинуты. Тихо звучит песня:

Прощай, прощай, Москва моя родная.

На бой с врагами уезжаю я...

Мы смотрим в московское небо. Многие — в последний раз.

НУЖНЫ ЛИ СОЛДАТУ КОСЫ?

...Еще раз звонко щелкнули ножницы и застыли в воздухе.

— Ну вот и готово, — с гордым видом произнес пожилой парикмахер и отступил от зеркала, чтобы полюбоваться своим искусством. — Первый класс!

С любопытством уставилась я на коротковолосого мальчишку, который смотрел прямо на меня. Неужели это я? Ну да, это мой вздернутый нос, мои глаза, брови... И все же — нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно таращил на меня глаза.

У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Я попробовала пригладить прямые, как иголки, волосы, но они не поддавались. Растерянно оглянувшись на мастера, и он сразу же, будто заранее приготовил ответ, скороговоркой сказал:

— Ничего-ничего. Это с непривычки. Потом улягутся.

Я хотела было высказать ему свои сомнения, но передумала. Рядом с креслом уже стояла следующая девушка. Я встала, уступив ей место.

Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Тонкая шея в широком вырезе гимнастерки. Строгий взгляд серо-голубых глаз. Тугая светлая коса.

Слегка нагнув голову и глядя на себя искоса в зеркало, Женя стала неторопливо расплетать толстую косу. Она делала это с таким серьезным выражением лица и так сосредоточенно, будто от того, насколько тщательно расплетет она косу, зависело все ее будущее. Наконец она тряхнула головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы.

Неужели они упадут сейчас на пол, эти чудесные волосы?

Мастер, поглядывая на Женю, молча выдвигал и задвигал ящики, долго и с шумом ворошил там что-то, перекладывал с места на место гребенки, щетки. Потом выпрямился и вздохнул.

— Стричь? — спросил он негромко, словно надеялся, что Женя сейчас встанет и скажет: «Нет-нет, что вы! Ни в коем случае!»

Но Женя только удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. Он сразу нахмурился и сердито проворчал:

— Тут и так тесно, а вы столпились. Работать мешаете!

Я отступила на шаг, и вместе со мной отошли к стене другие девушки, ожидавшие своей очереди.

И снова защелкали ножницы, неумолимо, решительно. Даже слишком решительно...

Нет, я не могла смотреть. Повернувшись, я направилась к выходу. Справа и слева от меня неслышно, как снег, падали кольца и пряди, темные и светлые. Весь пол был покрыт ими. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос.

Кто-то втихомолку плакал за дверью. Не всем хотелось расставаться с косами, но приказ есть приказ. Да и зачем солдату косы?

ПРИСЯГА

Обычно наш рабочий день длится десять — двенадцать часов. До обеда занятия, после обеда тоже занятия. Изучаем аэродинамику, навигацию, карты, тактику боя, бомбометание, матчасть самолета, вооружение самолета. Учимся много и напряженно. И все-таки мы находим время, чтобы читать Толстого и Бальзака и даже бегать «втихаря» на танцы или на свидания, рискуя получить наряд вне очереди. Предлоги разные: выпуск стенгазеты, самоподготовка, библиотека...

Но сегодня праздник. Занятий нет.

7 Ноября 1941 года. В этот день мы принимаем воинскую присягу.

Подтянутые и серьезные, всем своим существом ощущая торжественность и важность события, мы стоим в строю не шевелясь. В комнату врывается утреннее солнце, и кажется, что сейчас не глубокая осень, а весна.

Всего лишь месяц прошел с тех пор, как мы надели военную форму, а как ладно сидят на девушках гимнастерки и брюки-галифе. Как белоснежно выделяются узкие полоски подворотничков. И даже грубые кирзовые сапоги приобрели блеск. Сверкают на солнце начищенные пуговицы и большие медные пряжки, отбрасывая на пол пятнышки отраженного света.

Каждая из нас по очереди выходит и, взяв со стола листок с текстом присяги, читает. Можно не смотреть в текст: слова присяги навсегда врезались в память. И все же по-новому осмысливаешь знакомые фразы, когда произносишь их здесь, перед всеми.

Я читаю, и листок в моих руках дрожит. Странно слушать

свой голос: как будто не ты, а кто-то другой произносит слова...

Кругом цветы. На окнах, на столе, на полу. Белые хризантемы. Настроение необычное. В этот момент по-настоящему понимаешь, на что идешь. Мы даем клятву народу. Теперь мы настоящие солдаты.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

— Подъем!

Дежурный включает свет. Я открываю один глаз, второй, потом зажимаю оба и поворачиваюсь к стенке. Можно поспать еще минутку.

Рано — половина шестого. Вставать не хочется. Но распорядок дня у нас жесткий, впереди двенадцать часов занятий.

— Подъем!

Почему это человек, обыкновенный, нормальный человек, меняется, стоит ему только стать дежурным? Вот придет моя очередь... Придет моя очередь — и я тоже с отрешенным видом буду выкрикивать металлическим голосом: «Подъем!», «На зарядку!» Нет, видимо, тут ничего не изменить.

Девушки уже встали.

Я быстро вскакиваю, натягиваю брюки, сапоги и вместе с другими выбегаю на улицу.

Только начинает светать. Поскрипывает сухой снег под ногами.

— Станови-ись! — командует Надя, наш физорг.

Делаем пробежку, чтобы согреться. Все без гимнастеров, в нижних мужских рубашках.

Надя впереди. Она пружинисто бежит, потряхивая светлыми, почти белыми волосами. Потом останавливается, выходит вперед и, не давая никому отдышаться, сразу приступает к упражнениям.

Зарядка здорово освежает. Любители обтираться снегом трут докрасна лица, руки. Бодрые, мы вбегаем в помещение.

Есть у нас и другого рода зарядка — навигационная. Это у штурманов. Каждое утро, вынув навигационные линейки, в течение десяти минут мы решаем задачи. Соревнуемся, кто быстрее.

Почти всегда первой оказывается Катя Рябова, студентка

МГУ. Она быстро передвигает движок линейки. Кате нравится такая зарядка, и она от души радуется, когда выходит победительницей. Никто не успевает за ней угнаться, разве только Надя Комогорцева, наш физорг. Она тоже с мехмата.

Сидят они, поджав ноги, рядышком на втором этаже железных коек. Темная, смуглая Катя и светлая, голубоглазая Надя. Решают наперегонки, спешат, смеются. Но когда они, случается, замешкаются, их соседка Руфа Гашева как бы невзначай, спокойно сообщает:

— А я решила...

Тогда Надя удивленно вскидывает белые брови.

— Когда же ты успела?

У Нади удивительно веселые глаза. Они смеются всегда, даже когда она сердится.

От общежития до столовой идти довольно далеко. Идем строем, с песней. В столовой всегда полно народу — весь авиагородок питается здесь: и те, кто длительно базируется на аэродроме, и экипажи, прилетающие на короткое время. Тут можно познакомиться, неожиданно встретить старых друзей, узнать новости и просто поболтать, ожидая очереди.

До столовой и обратно нас неизменно сопровождает Дружок, славный пятнистый пес, дворняга. Он носится сбоку вдоль строя; то роет снег носом, то ложится на снег животом и тут же вскакивает, с визгом бросаясь вперед. К Наде Дружок особенно расположен. Когда мы строимся в колонну, Надя становится так, чтобы оказаться крайней, тогда можно незаметно поиграть с Дружком, дать ему кусочек сахара или корку хлеба. Пес бежит рядом с Надей, время от времени поглядывая на нее и стараясь ткнуться мордой в ее руку.

Утром перед завтраком голод чувствуется особенно остро. И мы стараемся петь как можно громче:

Там, где пехота не пройдет,
где бронепоход не промчится,
угрюмый танк не проползет,—
там пролетит стальная птица...

Возле кухни мы дружно задираем носы, с шумом втягивая воздух: пахнет вкусно. Дружок усиленно виляет хвостом и тоже принюхивается. Потом останавливается и лает: пришли.

Каждый раз запах из кухни кажется особенным и многообещающим. Но, как всегда, нас ждет разочарование — все та же пшенная каша.

Поход в столовую и обратно мы совершаем три раза в день. Орем песни, стучим сапогами. И обычно ничего интересного в пути не случается.

Но однажды произошло ЧП. Когда мы возвращались после ужина, было темно. Может быть, никто ничего и не заметил бы, если б не Дружок. Обнаружив, что Нади в общем строю нет, он заволновался и стал ее искать, а как только увидел, сразу громко залайл, выражая радость и в то же время удивление. Потому что никогда еще Надя не ходила отдельно от строя. А теперь шла она по тротуару, где было совсем темно. Шла вместе с Руфой и какими-то двумя мужчинами. Может быть, Дружок и встречал где-нибудь в городке этих летчиков, тем не менее он решил залаять еще громче и ожесточеннее. Так, на всякий случай. То ли он хотел выразить свое неудовольствие и одновременно попугать «чужих», то ли хотел показать Наде, что он тут, рядом, и она может на него всегда рассчитывать...

Лай его привлек всеобщее внимание, потому что Дружок старался изо всех сил. Если бы он мог знать, какие это имело последствия! Когда их заметили, Надя и Руфа не стали в строй, а продолжали идти вместе с летчиками до самого общепития.

Потом их «прорабатывали». Свои же университетские подруги. Надя и Руфа сидели молча, смущенные, растерянно слушая, как их обвиняют в недисциплинированности и легкомыслии.

— Просто неудобно было отказаться, — робко пыталась оправдаться Руфа. — Ребята хорошие... Из университета.

— А один — мой земляк, — поддержала ее Надя.

На ее раскрасневшемся лице прыгали белые полосы бровей, то в недоумении взлетая кверху, то сдвигаясь к переносице.

Подруги наседали, и сопротивляться не было никакой возможности. Чем больше слушала их Надя, тем больше соглашалась с ними. Она чувствовала себя виноватой, очень виноватой. Да, конечно... Идет война, и там, на фронте, гибнут люди. И в такое время нельзя думать о прогулках с мальчиками. Это правильно. Но все-таки... все-таки... У того молоденького лейтенанта, ее земляка, такая славная улыбка...

Она собралась с духом и вдруг горячо сказала:

— Ну и что ж!.. И мы тоже будем воевать. Уже скоро на фронт... А вы...

Она замолчала... И все остальные притихли.

Надя так и не попала на фронт. Не успела.

Катастрофа произошла темной, беззвездной ночью в районе полигона. «ПО-2» летали на учебное бомбометание. Погода внезапно ухудшилась, пошел снег. Во время разворота на небольшой высоте самолет вошел в глубокую спираль и врезался в землю...

„МОРЗЯНКА“

Облепленные снегом, в шинелях и шапках-ушанках, мы вваливаемся с улицы в коридор. Отряхиваемся, весело бьем друг друга по плечам, спинам. Потом, потолкавшись у вешалки и оставив на полу мокрые следы, идем в класс.

«Морзянка» — один из предметов, которые мы любим. Каждый день утром в течение часа мы передаем и принимаем радиогаммы. Работая ключом, отстукиваем буквы, цифры, добиваясь быстроты передачи. Упражняемся всюду, где только можно. Даже в столовой. В ожидании обеда выстукиваем ложками: та-та-ти-ти-ти-та-та...

Занятия ведет молоденький лейтенант. Зовут его Петя. Он всегда приходит раньше и ждет нас, сидя за столом. И всегда делает вид, что очень занят: пишет что-то, или чертит, или регулирует телеграфный ключ. Но мы-то знаем: просто ему нужно время, чтобы набраться храбрости, потому что нас, девочек, он стесняется.

Лейтенант Петя немногословен. Он старается больше молчать, но когда ему все же приходится говорить с нами, он краснеет и даже заикается. И от этого смущается еще больше.

Сегодня в классе мрачновато. За окном падает снег. Крупными хлопьями. Густой-густой. Кружась, летят, летят вниз мотыльки. Их так много, что в комнате полутемно.

Ти-ти-та-та-та. «Я-на-гор-ку-шла...»

Монотонно жужжит зуммер. Точки, тире. Тире, точки...

Мы сидим за длинными черными столами, склонив головы, слушая негромкий разговор отрывистых звуков «морзянки». В наушниках тоненько попискивают, перебивая друг друга, короткие точки и не очень короткие тире.

А в светлых проемах окон безмолвно несутся вниз мотыльки. Тысячи мотыльков. И мне на минуту кажется, что там, за окнами, совсем другой мир. Он не имеет к нам никакого отношения. Мы — отдельно.

Далеко-далеко идет война. А снег такой тихий и мягкий. И негромкая музыка «морзянки»... Может быть, война — это неправда? На самом деле ничего нет? Но зачем тогда «морзянка»? И мокрая шинель с воротником, который больно трет мне шею?

Меня клонит в сон. Я куда-то проваливаюсь... Но тут же спохватываюсь и начинаю старательно записывать слова, которые получаются, если тире и точки превратить в буквы.

Рядом со мной Галя Джунковская. Ей очень идут наушники. Похоже, что она в шапочке, которая плотно облегает голову.

Галя быстро пишет карандашом, и кончик ее носа слегка шевелится. На мгновение она поднимает темные глаза и встречается взглядом с Петей. Он моментально заливается краской. Краснеет даже шея над аккуратным белым подворотничком.

Опустив голову так, что стала видна светлая макушка, он продолжает отстукивать ключом.

По лицу Гали пробегает улыбка. Но тут же она хмурится, делает вид, что увлечена приемом. Только кончик носа дрожит часто-часто.

Ясно, она что-то задумала. Я вопросительно поглядываю на нее, и она кивает мне в ответ.

Обычно в конце урока Петя задает нам быстрый темп. Отстукивая ключом, он все ускоряет передачу до тех пор, пока мы уже не в состоянии принять ее. Тогда мы бросаем прием, а он еще некоторое время продолжает выстукивать, поглядывая на нас исподлобья. Вид у него при этом явно торжествующий. Мы сидим молча, побежденные.

И так каждый раз. Нет, дальше терпеть нельзя! Что же он передает?

Мы хитрые. Галя предлагает: «Давайте принимать конец передачи по очереди. Тогда успеем».

В последние минуты, когда Петя, разгоняя скорость, в

бешеном темпе работает ключом, мы не бросаем прием, а лихорадочно ловим звуки, складывая их в слова.

Наконец победа остается за нами. Мы читаем:

«Занятия прошли на высоком уровне. Кончаю передачу. Все девочки работали хорошо, молодцы. За это я вас целую. С горячим приветом. Петя».

В этот день лейтенант Петя уходил домой с пылающими ушами, надев шапку задом наперед.

КОНТРОЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Мороз пощипывал щеки, нос. Попрыгивая то на одной, то на другой ноге, я ждала, когда появится самолет. Пришла моя очередь лететь. У нас, штурманов, контрольные полеты. По заданному треугольнику.

Вдали в белесом небе, с той стороны, где Волга, показалась точка. Точка быстро превратилась в муху, муха — в стрекозу, и самолет «Р-5», снизившись, сел прямо с ходу, не делая обычного круга над аэродромом. Разбрасывая струей воздуха снежную пыль, он подрулил к старту.

Сначала из самолета выпрыгнул летчик — инструктор авиашколы. Походил, разминаясь, похлопал сам себя руками в теплых крагах и обернулся.

— Руднева! Не замерзла там?

Когда из кабины неуклюже вылезла Женя, я ахнула: лицо ее было покрыто инеем, а на ресницах висели льдинки. У Жени на морозе слезились глаза. С трудом разжимая губы, она сказала:

— Ну вот, наконец и прилетели...

— Иди скорей грейся! Ты в ледяшку превратилась!

— Ничего, отогреюсь, — пошевелила губами Женя и, прижав руками к груди планшет с полетной картой, достала из кармана платок, стала растирать щеки, вытирать глаза.

— Ну, готова лететь? — обратился ко мне летчик.

— Готова, — ответила я, поправляя на лице шерстяной подшлемник, закрывающий мне лоб, щеки, подбородок.

Но летчик на меня не смотрел. Он стоял, повернувшись к Жене.

— В прошлый раз я вас тоже заморозил...

— Это от ветра. Сейчас пройдет.

Я поглядывала на него нетерпеливо, а он, казалось, забыл обо мне. Видимо, не очень хотелось ему снова забираться в открытую кабину, продуваемую ветром. Чтобы протянуть время, он полез за куревом. А может быть, дело было не в том, что в кабине холодно. Просто ему хотелось поговорить с Женей.

— Вы до армии когда-нибудь летали? — спросил он ее.

— Нет, не приходилось.

Он покачал головой.

— А я думал, летали. Ориентируетесь хорошо.

— Где там, — махнула рукой Женя, — ничего не успеваю в полете.

— Для этого нужен навык, — наставительно сказал летчик, рассматривая папиросу. Он затянулся, помолчал немного и неожиданно спросил: — А на танцы вы ходите?

— На танцы? — Женя, откинув голову, засмеялась. — Нет, не хожу на танцы. Я не танцую.

Летчик остался серьезным, только повел бровью, глядя на огонек папиросы, вспыхивающей на ветру. Он приготовился было еще о чем-то спросить, но раздумал, заметив, что Женя смотрит на него иронически.

— Ну, я пойду. Спасибо за полет, — сказала Женя и, повернувшись ко мне, посоветовала: — Ты не очень высовывайся из кабины. Ветер ледяной.

Она передвинула планшет на бок, сунула руки поглубже в краги, сделала два шага и остановилась, вспомнив о чем-то.

— Да, вот что, — сказала она, обращаясь к летчику, — у меня к вам вопрос: почему вы не сразу изменили курс, когда я дала вам поправку на восемнадцать градусов? Это было на втором отрезке маршрута.

Летчик явно обрадовался, что Женя не ушла. Лицо его просияло, но тут же он замялся, не зная, как ответить. После неловкой паузы он развел руками и смущенно улыбнулся. Чувствуя, что Жене нужно говорить только правду, он посмотрел ей в глаза и спросил:

— Сказать честно?

— Честно.

— Просто не поверил. Думал, вы ошиблись. Опыта у вас маловато.

— Но как же! Ветер боковой, сильный. Да и высчитала я точно.

— Потом-то я убедился...

Она согласно кивнула, как бы прощая ему недоверие к ней, еще неопытному штурману. И он поспешно сказал, все еще растерянно, боясь, что она уйдет:

— А может быть, все-таки придете... вечером на танцы?

— Но я в самом деле не танцую! — ответила Женя серьезно.

— Ну... тогда просто так приходите.

Она в недоумении пожала плечами. Что ему сказать? Она никогда не любила танцевать. Да и зачем ей приходиться?

Прощавшись, она медленно пошла от самолета, увязая в снегу меховыми унтами. Комбинезон был ей велик, сидел на ней мешковато. На комбинезоне болтались веревочки с привязанными к ним предметами штурманского снаряжения. Ветроочет, линейку, карандаш и резинку Женя специально привязывала, чтобы не растерять в полете и всегда иметь их под рукой.

Женя была медлительна и не очень расторопна. Сказывалось то, что раньше она мало занималась спортом. Теперь, в армии, это мешало ей. В университете она изучала астрономию, которую полюбила еще в школьные годы, и, кроме того, увлекалась математикой, философией, литературой. Уже на третьем курсе она писала научные статьи по астрономии, и ей предсказывали будущее ученого. Но Женя ушла воевать...

К своим недостаткам Женя относилась сурово. Однажды мне пришлось наблюдать, как она вечером одна шагала возле общежития, отрабатывая элементы строевой подготовки. Ей трудно давался строевой шаг: вместе с левой ногой, которую она выставляла вперед, почему-то упорно взлетала вперед и левая рука. Случалось, над Женей посмеивались, но она не обращала на это внимания. И ее стали уважать.

На занятиях Женя всегда задавала вопросы. Человеку, не знавшему ее, могло показаться, что она не понимает самых простых вещей. На самом деле все было не так.

...Идут занятия по аэродинамике. В аудитории тишина. Преподаватель чертит на доске схемы, пишет формулы. Мы записываем. Все кажется простым и понятным.

Но вот он кончил, стряхнул мел с рук и повернулся к нам:

— Все ясно?

Кто-то поднял руку. Ну конечно, это Женя.

— Разрешите?

Она встает, и раздается ее тонкий, нежный голосок:

— А почему вы написали эту формулу? Как она выводится?

Преподаватель задумывается. В самом деле: как ее вывести?

Женя смотрит на него серьезно и выжидающе. И он начинает объяснять, углубляясь в высшую математику.

— Больше вопросов нет?

Не проходит и дня, чтобы Женя не спросила: «А почему?..» Ей хочется знать все. Знать глубоко. Ее интересуют и причины явлений и следствия. Так она привыкла учиться в университете.

...Я стояла, глядя вслед Жене. Ее сутуловатая фигурка становилась все меньше и меньше.

Летчик тем временем выкурил еще одну папиросу, по-прежнему не обращая на меня внимания. Он был занят своими мыслями. Что-то в Жене поразило его. А может быть, ему просто непонятно было, как это можно не ходить на танцы...

— Да-а... — протянул он неопределенно.

Потом взглянул на меня недоверчиво, словно сравнивая меня с Женей и уже заранее зная, что мне не справиться с полетом так, как смогла это сделать она. Вздохнув, он с сожалением сказал:

— По коням!

МАРИНА РАСКОВА

Нет, совсем не так я представляла себе фронт...

Небольшой донбасский поселок под Краснодоном. Мирные белые хатки. Густая трава по пояс, а в траве ромашки и клевер. Легкомысленно щебечут птицы в кустах, прыгая с ветки на ветку. Разве это похоже на войну?

Правда, линия фронта отсюда в тридцати — сорока километрах, по реке Миус. Но ведь и там, наверное, солнце, трава, цветы... Не верится.

Временами тишину разрывает неровный гул груженных бомбами самолетов. Немцы методично бомбят узловую станцию Лихая. Взрывы сотрясают землю. Отбомбившись, самолеты возвращаются назад. Летят они низко и гудят нагло, вызывающе. Мы видим черные кресты на крыльях. Где же наши истребители? Их нет... Их слишком мало. Но где-то в тылу работают за-

воды. Где-то испытывают самолеты. Их ждут здесь, на фронте. Так ждут...

Впрочем, не раз мы наблюдали, как наши одинокие «ишачки» дерзко вступали в неравный бой, вклиниваясь в строй самолетов врага. И как часто, сдерживая слезы, приходилось провожать взглядом до самой земли дымящийся самолет бесстрашного истребителя.

Первые дни мы привыкали к обстановке, изучали район боевых действий. Побывали в Краснодаре, куда нас возили в городскую баню. Жители с интересом рассматривали нас, летчиц, одетых в гимнастерки и брюки, вооруженных пистолетами. И, может быть, среди толпы молодежи, стоявшей у машины, были Уля Громова и Люба Шевцова... Только тогда еще никто не мог знать, что всего какой-нибудь месяц спустя немцы прорвут нашу оборону, займут Краснодар, и Ростов, и другие города и продвинутся вплоть до Кавказских гор и к Сталинграду. Никто даже подумать об этом не мог: ведь линия фронта долгое время была стабильной. И ходили себе по Краснодару обыкновенные девочки Уля и Люба, а будущее уже готовило им тяжкие испытания...

Здесь, в тихом украинском поселке, мы расстались с Мариной Расковой, нашим командиром. Проводив полк на фронт, она улетела назад, в Энгельс, где ее ждали два других женских полка. Перед отлетом Раскова собрала нас.

...Июньская жара висит в воздухе. В комнате тесно и душно. За окнами степь. Она тянется далеко, до самого горизонта, очерченного ровной и четкой линией.

Тишина. Слышно, как бьется шмель в окне. И в тишине взволнованный голос Расковой:

— ...Я знаю: будут трудности. Но разве же вы, девушки, не сможете с ними справиться?! Я уверена, вы станете гвардейцами!

Она стоит у стола. Подтянутая, в темной гимнастерке. На груди Золотая Звезда. Говорит она неторопливо, но страстно. Я не спускаю глаз с Марины Михайловны. Открытое лицо. Умные серые глаза, чуть выпуклый, высокий лоб. Гладкие волосы на прямой пробор. На затылке под беретом туго уложенные косы, с которыми она так и не рассталась. Мужественная и в то же время очень женственная.

Мне вспомнилось, как еще школьницей я собирала ее портреты, вырезанные из газет и журналов. Был 1938 год, когда три летчицы — Гризодубова, Осипенко и Раскова — совершили бес-

посадочный перелет Москва — Дальний Восток. А впервые увидела я ее уже в сорок первом, осенью. Это было в здании ЦК комсомола, где заседала отборочная комиссия. Я стояла в коридоре перед дверью и ждала своей очереди. Дверь. Самая обыкновенная. Но как страшно было браться за ручку этой двери: а вдруг не примут?... Я решилась и вошла. Среди женщин в военной форме я сразу увидела ее, Раскову. Она подняла голову от бумаг и улыбнулась мне. Успокоившись, я почему-то решила: примут!..

...Я слушаю Марину Михайловну, и мне не хочется верить, что наступило то время, когда она покидает нас. Семь месяцев она руководила всеми тремя полками, учила нас, летала с нами.

...Как ослепительно блестит на солнце снег! Я иду по белому полю, под ногами легкий хруст, надо мной голубеет небо. Мороз приятно холодит лицо. Сегодня мы, штурманы, летим по неизвестному маршруту. Контролирует нас Раскова.

Вдали стоит «ТБ-3» — тяжелый четырехмоторный бомбардировщик. Фигурки людей под его большими крыльями кажутся совсем крошечными.

Впереди идут три девушки. Одетые в теплые меховые комбинезоны и унты, они смешно, по-утиному, переваливаются с ноги на ногу. Рядом с ними бежит Дружок. Он, как всегда, сопровождает нас — в столовую, на полеты, на полигон. Я догоняю их, и мы идем вместе.

Вот и самолет. По лесенке мы забираемся в кабину. Дружок остается внизу, преданными глазами смотрит в открытую дверцу, готовый по первому зову прыгнуть в нее.

В кабине почти все уже в сборе. Сидят, слушают Раскову. Марина Михайловна рассказывает, как, вынужденно прыгнув с парашютом, она встретилась в тайге с медведем.

— Я притворилась спящей. Он подошел, стал обнюхивать мое лицо и вдруг лизнул нос... Язык шершавый, мне страшно захотелось чихнуть...

В это время в кабину заглядывает летчик, вопросительно смотрит на Раскову.

— Запускайте моторы! — командует она, все еще улыбаясь.

— Есть запускать моторы.

— Ну, теперь за работу, — говорит она уже серьезно. — Сегодня летим по новому маршруту. Следите по своим картам,

делайте расчеты. Я в любой момент могу спросить о местонахождении самолета.

Мы вынимаем из планшетов карты, готовим навигационные линейки, ветрочеты. Самолет, тяжело разбегаюсь, взлетает. Под рифленным крылом проплывают ангары, здания, Волга...

Весной пришел долгожданный день отлета на фронт. По большому зеленому полю аэродрома рулят наши «ПО-2». Другие уже стоят, выстроившись звеньями. Моторы работают, крутятся винты, носятся механики, машут руками.

Раскова дает последние указания. Она в комбинезоне, шлем сдвинут на затылок. Нервничает: у кого-то мотор не запускается, кто-то запоздал вырулить. К ней то и дело подбегают с вопросами. Иногда она сама крупным шагом отходит от самолета, сердито кричит что-то летчику или механику. За шумом мотора плохо слышно. Я только вижу ее возбужденное лицо, загорелое, обрамленное белым подшлемником.

Наконец все готово. Раскова садится в самолет. Поблескивают крылья новеньких «ПО-2». В майском небе, где лежит наш путь, синий простор! Сигнал к взлету — и три самолета ведущего звена трогаются с места. В воздухе весь полк собирается в один строй. Курс — на юг. На фронт!

И вот мы расстаемся. Раскова волнуется. Она часто, слишком часто меняет позу. То наклонится вперед, опираясь руками о стол, то выпрямится, крепко обхватив широкий кожаный пояс, то сожмет руки в кулаки.

Ее волнение передается нам. Мы понимаем: ей хочется сказать многое. Она хочет вселить в нас уверенность в том, что мы все сможем, все одолеем, — словом, подбодрить нас и в то же время предупредить о возможных неудачах, неизбежных трудностях.

Рядом с Расковой — Бершанская, командир нашего полка, плотная, широкоплечая, с орденом «Знак Почета». Теперь она, эта суровая на вид женщина с острым взглядом зеленоватых глаз, поведет нас через все трудности фронтовой жизни. И мы невольно стараемся уловить в ней те черточки, которые напоминали бы чем-то Марину Михайловну.

Эти минуты полны значения. Каждая из нас испытывает тревожное чувство ожидания чего-то нового, еще неизведанного, волнующего и опасного. С таким чувством делаешь шаг в пустоту, отделяясь от самолета, когда впервые прыгаешь с

парашютом. С таким чувством летишь в свой первый самостоятельный полет...

В распахнутые окна врывается тяжелое уханье. Снова бомбят Лихую. Мы стоим плечом к плечу.

Открыта новая страница жизни...

В то время мы не могли представить себе, что никогда больше не увидим Раскову. Семь месяцев спустя она погибла. Это случилось при перелете с одного аэродрома на другой. Самолет, который она вела, попал в сильный снегопад и врезался в гору.

ПЕРВЫЕ ВЫЛЕТЫ

Совершив на своих новеньких «ПО-2» большой перелет из Эптельса в Донбасс, мы прибыли на Южный фронт.

Нелегки были первые дни на фронте. Трудности встретились как раз там, где их не ожидали. Мы готовы были ко всему: спать в сырых землянках, слышать непрерывный грохот канонады, голодать и мерзнуть — словом, переносить все лишения, какие только могло нарисовать нам воображение. Но мы никак не могли предположить, что на фронте нас встретят с недоверием. Вероятно, по молодости и неопытности.

А произошло именно так. В дивизии и армии к нашему полку отнеслись с явным недоверием. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут! И вообще, умеют ли они?!

Прошла неделя, и десять дней, и больше, а боевого задания полк все еще не получал. Мы приуныли. Бершанская, командир полка, все время куда-то ездит, то и дело ее вызывают к начальству. А командир нашей эскадрильи Люба Ольховская, шумная, неугомонная Люба, ходит мрачнее тучи.

В полк приезжают инспектора, комиссии. Проверяют, изучают, присматриваются. Заставляют нас тренироваться и делать то, что мы уже давно умеем. Словом, первого боевого вылета мы ждем около трех недель. Возможно, это не такой уж большой срок, но кажется, что время тянется бесконечно долго.

Люба пытается успокоить нетерпеливых.

— Не спешите, девчата, все еще впереди, — говорит она, стараясь держаться спокойно.

А мы чувствуем — внутри у нее все кипит.

— Ничего, подождем, — продолжает она, сияясь улыбнуться.

Но улыбка не выходит: не умеет Люба притворяться.

— Подождем, пока им надоест к нам ездить! Инспекции! Проверки! Сколько же еще ждать, черт бы их побрал!

Люба негодует. В глазах ее золотистые прожилки, и кажется, что это огонь пробивается наружу.

— Мы тут сидим, а фрицы тем временем бомбят! — Она уже не может остановиться, не высказавшись до конца. — Ну, зато мы им покажем, когда начнем летать! Ух, покажем!

И она грозит кулаком неизвестно кому: не то фрицам, не то начальству, которое задерживает боевые вылеты.

Любу, которая до войны работала инструктором в летной школе, назначили командиром эскадрильи еще в Ангельсе. Зимой на Волге дули сухие морозные ветры. Мы ходили с обветренными, бронзовыми лицами и шершавыми руками. Однако полетов не прекращали, тренируясь даже в самые сильные морозы: готовились к фронту.

Высокая темноволосая девушка с быстрым взглядом из-под длинных прямых ресниц сразу понравилась нам. В ней было столько энергии и темперамента, что их хватило бы на всю эскадрилью.

В ту зиму мы хорошо узнали Любу — жизнерадостную, неутомимую. Узнали — и полюбили.

...Однажды под утро поднялся сильный буран. Порывистый ветер грозил сорвать самолеты со стопоров. Нас подняли по тревоге. Быстро одевшись, мы отправились на аэродром. Самолеты стояли на дальнем конце летного поля, и добираться к ним пришлось по компасу. В двух-трех шагах мы уже не видели друг друга: кругом была снежная стена.

С трудом продвигаясь вперед, мы отчаянно боролись за каждый метр пути. Снег больно бил по лицу. Встречный ветер толкал назад, забивал рот воздухом, выдувал из глаз слезы. Слезы замерзали на ресницах, склеивая веки.

Шли спотыкаясь, падая. Одна из девушек провалилась в сугроб, другая потеряла валенок. Кто-то заплакал — не от боли, а от чувства беспомощности... Временами казалось — нет больше сил. И тогда из снежной пелены выростала Люба.

— А ну, веселее, девчата! — кричала она навстречу ветру, подталкивая отстающих, поднимая упавших. — Еще немножко осталось! Не отставать!

Ей ниномем был ураган. Она смеялась, радуясь тому, что может померяться силами со стихией.

— Вперед! — звала нас Люба, словно в атаку.

Она привела нас точно к стоянкам. Онемевшими от мороза руками мы принялись закреплять самолеты. Тросы натягивались, как струны, самолеты гудели, содрогаясь. Казалось, вот-вот они сорвутся и, кувыркаясь, понесутся по полю.

Вьюга бушевала до вечера. Мы дежурили у самолетов. И Люба без усталости подбадривала нас.

— Вот это командир! — говорили потом девушки.

И вдруг мы узнали, что Люба несколько раз обращалась к начальству с просьбой перевести ее в другой полк. В истребительный. Пусть самым рядовым летчиком, но только в истребительный!

Мы понимали ее: Любино родное село на Украине фашисты сожгли дотла. И она хотела не просто воевать, а мстить! Жестоко мстить. Стать летчиком-истребителем, драться с врагом один на один! К этому она стремилась.

Но не пришлось Любе летать на истребителе. Вместо истребителя — тихоходный фанерный «ПО-2»! Трудно, очень трудно было ей согласиться с этим. Однако время шло, наш полк готовился вылететь на фронт раньше других, и она как будто успокоилась: можно и на «ПО-2» воевать, нужно только умение. А уж она-то сумеет!

Наступил день, когда мы наконец получили боевую задачу. В первую очередь на задание должны были лететь командир полка и командиры эскадрилий. Потом — остальные.

В этот день Люба не давала покоя своему штурману, заставляя ее еще и еще раз проверять маршрут полета, точность расчетов. Невозмутимая Вера Тарасова, полная и медлительная, на этот раз делала все быстро, с подъемом, так что Любе не приходилось подшучивать над ней, как обычно.

— Чтоб полет наш был высший класс! — смеялась Люба, поблескивая зубами.

Мы всей эскадрилей провожали нашего командира в полет.

Когда стемнело, раздалась команда запускать моторы. Один за другим, через небольшие промежутки времени, поднялись в воздух самолеты.

Первый боевой вылет не произвел на нас большого впе-

чтления. Над целью было спокойно. Никакого обстрела. Только из одного пункта по маршруту изредка лениво постреливал зенитный пулемет. Так, для острстки.

Мы возвращались разочарованные: все происходило так, как в обычном учебном полете на бомбометание. Конечно, никто из девушек не подозревал тогда, что для первых нескольких вылетов командование воздушной армии специально давало нам слабо укрепленные цели. Это делалось с намерением ввести полк в боевую обстановку постепенно.

В следующую ночь весь полк снова вылетел на боевое задание.

Вернулись все, кроме Любы.

Мы ждали до рассвета. Потом начали искать. Облетели весь район вдоль маршрута, но Любы нигде не нашли.

Она не вернулась ни на следующий день, ни потом.

Летчики соседнего полка, которые в ту ночь бомбили цель немного севернее нашей, рассказывали, что видели самолет «ПО-2» в лучах прожекторов. По самолету стреляли зенитки. Он шел к земле.

Это была Люба. Но почему самолет был обстрелян над железнодорожным узлом? Неужели они отклонились к северу случайно? Нет, это не могло произойти. Значит...

Люба, конечно, знала, что севернее—железнодорожный узел. Эшелоны на путях. И сама выбрала себе цель... Настоящую!

В ГРОЗУ

В соседнем полку погиб летчик. Истребитель. Его смертельно ранило в бою. Он дрался над Ростовом. Один против трех «мессершмиттов».

Раненный, он привел дымящийся самолет на свой аэродром и посадил его. А когда к самолету подбежали, чтобы вытащить летчика, оказалось, что он был мертв...

Вечером его хоронили. Нельзя было ждать — войска наши отступали, и на следующий день могло быть уже поздно.

Никто из нас не знал этого летчика.

Парторг Мария Ивановна Рунт пришла и сказала нам:

— Пойдемте хоронить. У них в полку осталось совсем мало народу: каждый день потери. Почти всех перебили...

Мы уже укладывались спать в большом и неудобном сарае,

который прозвали гостиницей «Крылатая лошадь». Погода стояла нелетная.

Одевшись, вышли. Небо было сплошь затянуто тучами, собиралась гроза. Мы направились к окраине станицы, где на телеге уже стоял гроб.

Полил дождь. Небо раскололось первым громовым раскатом. Причудливыми зигзагами вспыхивали молнии. В темноте мы шли за телегой по скользкой глинистой дороге. Хлюпала вода. Хлюпала под колесами, хлюпала в санogaх. Все промокли до нитки.

В тишине раздался голос Марии Ивановны:

— Товарищи, прячьте подальше партийные и комсомольские билеты!

Медленно мы шли мимо аэродрома, мимо гостиницы «Крылатая лошадь», в поле... Под проливным дождем. И молнии озаряли шествие.

Уныло брела тощая лошадка, покорно кивая головой. Телега раскачивалась на ухабах, и хлюпала под колесами вода.

Мы хоронили летчика. Никто из нас не знал его в лицо. И никто не запомнил его имени...

БОМБЯТ РОСТОВ

Раскатистые взрывы сотрясают воздух. Дрожит земля. Весь день бомбят Ростов.

Отсюда, из станицы Ольгинской, хорошо видно, как заходят на город фашистские самолеты, как летят вниз бомбы.

Скоро город будет оставлен. Наши войска уйдут. И полк наш улетит. А пока мы ходим по станице, как будто все идет так, как надо. Никто не говорит об отступлении.

Местные жители сидят у своих домов, кто на скамейке, кто на завалинке. Смотрят в сторону Ростова. Деды тихо переговариваются, медленно набивают трубки, дымят, думают. Бабы охают, всплескивая руками, строят разные предположения, но продолжают продавать семечки.

Пока мы в станице, они еще на что-то надеются.

А в окнах горит закат. Такой же закат, как и вчера. И солнце заходит точно так же, как обычно. И по заросшей травой улице важно расхаживают петухи, потрясая красными гребнями, увлекая за собой глупых кур. И сытый кот жмурится на

подоконнике, только кончик хвоста подрагивает при очередном взрыве.

И пока еще ничего не произошло. Вот только Ростов бомбят... А в остальном все как обычно. Даже странно подумать, что завтра все изменится.

Так бывает. До последнего момента не верится, что может случиться что-то ужасное. Даже когда знаешь наверняка, что случится. Потому что всегда кажется: тогда и солнце не должно светить и свет померкнет. А солнце все равно светит, и цветы распускаются...

Сидят деды и смотрят в сторону Ростова. А солнце все ниже, тени длиннее. Кончается день.

...Рано утром мы покидали станицу. Жители вышли из хат, стояли в воротах. Смотрели, как рулят по улицам наши самолеты, как вереницей ползут они, покачиваясь, к зеленому полю за околицей.

Никто ничего не говорил. Просто смотрели. Бабки — пригорюнившись, в белых платочках. Деды — забыв о трубках, зажатых в кулаке.

Самолеты двигались медленно: улицы были узкие. А нам, тем, кто сидел в кабине, так хотелось быстрее доручить до зеленого поля. Чтoб не видеть белых платочков и понурых дедовских усов...

НЕ ВИДЕТЬ БЫ ЭТОГО

Остался позади Дон. Мы отступаем. Все дальше на юг. Степи, степи... Изредка — пустые конезаводы, небольшие хутора. Стоит сухая, палящая жара.

Ночью летаем бомбить врага. Днем перебазировемся на новое место. Спим мало.

...В одном из хуторов мы задержались три дня. После ночных полетов спали прямо в саду, в тени деревьев. В полдень, проснувшись от жары, я услышала какой-то странный шум. Прислушалась: это было ржание лошадей, громоханье повозок, топот и непрерывный гул.

Я вышла за ворота и увидела, что вся дорога, огибавшая хутор, запружена войсками. Они двигались на юг...

В группе женщин, стоявших поодаль, я заметила соседку Фоминичну, которая угощала нас по утрам парным молоком.

Она подошла ко мне. С ней дочка, худенькая, большеглазая девочка лет семи. Ухватившись за юбку матери, девочка испуганно смотрела на ржавших лошадей. Иногда она поднимала лицо и взглядывала на мать вопросительно и как будто с надеждой, улыбаясь какой-то беглой, вымученной улыбкой. Казалось, она старалась сама себя убедить в том, что все хорошо и взрослые напрасно волнуются: ничего страшного нет и не будет...

— Отступают, — кивнула головой Фоминична в сторону дороги.

— Отступают... — повторила я за ней, как эхо.

— А вы как же?

— Мы? Мы — тоже...

За месяц я почти привыкла к тому, что мы отступаем. Но все чаще приходила мысль: до каких же пор?

Дорога возле хутора делала петлю, круто сворачивая на юг. Сначала я видела лица солдат. Множество лиц, которые казались мне издали совсем одинаковыми. Потом — спины. Спины, спины... Между ними — лошади, повозки. Сердце сжималось тоскливо и тягуче: до каких же пор?

...Вспомнилось первое военное лето. Такое же тягостное чувство я испытывала в августе 1941 года. Тогда, год назад, мы, комсомольцы Московского авиационного института, работали на строительстве оборонительных рубежей под Брянском и Орлом. Нас было много, целая армия московских студентов. Работали, как заправские землекопы, коная противотанковые рвы, выбрасывая вверх на три метра землю, глину, песок. Часто приходилось делать большие переходы — по тридцать и сорок километров. Босиком. Спали где попало: в стогу, в пустой школе, в сарае. Иногда над трассой рва снижались «мессеры» и строчили из пулеметов. А ночами летели на Москву тяжелые бомбардировщики... Мы яростно копали, а фронт приближался.

Как-то после очередного перехода заночевали в деревне. Я устроилась спать прямо на крыльце небольшого домика под навесом. На рассвете меня разбудил стук колес по мостовой. Я подбежала к забору. Это гроыхала пушка, которую катили по булыжнику. По дороге унылой серой массой двигались наши войска. На восток. Солдаты, худые, небритые, с воспаленными глазами, шли, тяжело передвигая ноги, не глядя по сторонам. У раненых на бинтах бурые пятна. Было тихо; только топот ног да стук колес: то пушку прокатят, то пулемет.

Ухватившись за колья забора, я молча смотрела на отсту-

павших. Они были в бою. Но почему они отступают? Я не понимала, и от этого становилось жутко. Мимо проехала двуколка с ранеными. Закусив губу, я прижалась лицом к шершавым колям. Хотелось плакать.

Долго еще мне казалось: я слышу топот и стук колес по булыжнику... Вероятно, именно тогда я решила, что пойду воевать во что бы то ни стало.

...Фоминична качнула головой и тихо сказала:

— Ох, не видеть бы этого, не видеть...

Безвольно бросив руки, она горько качала головой, глядя на дорогу. Потом стала раскачиваться из стороны в сторону всем корпусом, приговаривая:

— Ох, не видеть бы...

— Мам, мам, — дернула ее девочка за юбку. Некоторое время она испуганно поглядывала то на мать, то на дорогу. Потом громко спросила: — А куда же они, мам? Они вернутся?

Никто ей не ответил.

ТРУДНЫМИ ДОРОГАМИ

Лето 1942 года было в разгаре. Наши войска отступали. Шли на юг по пустынным Сальским степям, выжженным солнцем, по местности настолько голой и ровной, что негде было укрепиться, не за что зацепиться. Казалось, подуи ветерок, строи с места перекаати-поле — и покатится оно без остановки от самого Дона до Ставрополя.

Эти степные просторы облегчали действия немецких танков. Они быстро двигались по дорогам, настигая нашу пехоту, отрезая ей пути отступления.

Не раз наш полк выходил из-под танкового удара стремительно наступающего противника. По тревоге самолеты взлетали и брали курс в том направлении, куда двигались наши войска...

История, о которой пойдет речь, стала нам известна во всех подробностях уже потом, когда отступление кончилось и враг был остановлен в горных районах Северного Кавказа.

...Приказ срочно перебазироваться на новую точку был получен только к вечеру. Полк быстро снялся с места. Сначала уехал наземный эшелон — машины с техническим соста-

вом и штабом, потом улетели самолеты, перегруженные до отказа, увозя в задней кабине по два человека.

На аэродроме осталось два самолета. Один из них с неисправным мотором. С другим задержались две летчицы и штурман, которые ждали, когда будет устранена неисправность, чтобы улететь, захватив с собой оставшихся.

Мотором занимались инженер полка Соня Озеркова и техник Глаша Каширина. Быстро темнело. При свете карманных фонариков они пытались что-то исправить. Глаша поглядывала на дорогу — не едет ли машина с запчастями, специально вызванная из мастерских.

Дорога, проходившая через хутор, уже несколько часов была заполнена войсками. По тому, как они спешили, как в панике метались на небольшом мостике люди, повозки, лошади, ясно было, что немцы где-то недалеко.

Наконец прибыла полуторка, которой пришлось ехать окольными дорогами. С ней — техник из ремонтных мастерских. Снова осмотрели мотор, попробовали что-то сменить. Обнаружилась новая неисправность, которую нельзя было ликвидировать на месте. Требовался основательный ремонт в мастерских, а мастерские находились где-то в пути. Они снялись с последней стоянки, не успев развернуться.

Потеряв надежду исправить мотор, стали думать, что делать с самолетом. Нужно было спешить. Соня, инженер полка, была здесь старшей, и на нее ложилась вся ответственность. Она искала выход, но не находила. С кем посоветоваться? Все уехали, улетели... Сейчас улетит последний самолет: летчицам здесь больше делать нечего.

Она позвала девушек.

— Можете улетать. Мотор починить нельзя.

— А как же вы? Места нет...

— Мы с Кашириной поедem на машине. Вот с ними. — Соня кивнула на шофера и техника.

Через минуту самолет взлетел.

Соня напряженно думала. Бросить самолет нельзя: он достанется немцам. Значит, сжечь? На это страшно было решиться. Но больше она ничего не могла придумать. Она почувствовала, что руки вспотели и в голове стоит туман, путаются мысли.

Все стояли и ждали, что она скажет. Наконец Соня спросила сильным, чужим голосом:

— Сарьян, спички есть?

Глаша испуганно посмотрела на нее.

— Есть, — ответил техник.

— Давай... поджигай...

— Ясно! — сказал тот как ни в чем не бывало и нырнул под самолет.

Соня отошла. Отвернувшись и стала смотреть на дорогу. Правильно ли она поступила? А вдруг можно было придумать что-нибудь другое...

Она смотрела на дорогу. Смотрела, но ничего не видела. Не слышала ни криков ездовых, расчищавших затор у въезда на мостик, ни ржания лошадей, ни гудков машин.

Сзади вспыхнуло пламя. Соня обернулась: огонь быстро охватил самолет. Стало нестерпимо жарко. Отошли подальше.

Самолет жалобно потрескивал. Трудно было оторвать глаза от этого торжествующего огня, которому дали полную волю — гуляй!

Глаша стояла ближе всех, смотрела, как огонь пожирает самолет. Это ее самолет. Она ухаживала за ним, как за ребенком. Мыла, чистила, берегла. Встречала и провожала. Следила за тем, чтобы мотор был исправен, здоров. Кормила бензином и маслом...

Облизнув сухие губы, Глаша пошевелила загрубевшими от работы пальцами, потрогала ими шершавые ладони. Он погибал, ее самолет, и она не могла спасти его...

Подождав, когда на земле остался только небольшой костер, все четверо сели в машину.

Ехали медленно. Подолгу стояли у перекрестков, мостов из-за скопления машин. Проселочная дорога, забитая войсками, вскоре вывела на основную магистраль. Здесь ехать было еще трудней. Шофер попытался двинуться в объезд, по грунтовым дорогам, через канавы. В свете фар стояла густая пыль.

Внезапно в стороне от главной дороги машина остановилась. Волков, шофер, полез в мотор, потом под машину. И обнаружил поломку: сломался промежуточный валик. В запчастях замены не оказалось. С рассветом Волков пошел в ближайшую МТС, но вернулся с пустыми руками.

К утру дорога была свободна: основная масса отступавших прошла на восток. Только изредка проезжали последние повозки, проходили люди. Оставаться у машины не было никакого смысла. Решили идти пешком.

— Что делать с машиной?

— Давай ее в стог, — предложил Сарьян.

Рядом стоял большой стог сена. Полуторку подтолкнули, и она по уклону скатилась прямо к нему. Волков вынул из мотора какие-то части, забросил их подальше, а машину завалили сеном и подожгли.

Дальше двинулись пешком. Иногда останавливались передохнуть. Жгло солнце. Страшно хотелось пить. В небольших селениях, попадавшихся на пути, с жадностью набрасывались на воду. После одного привала встретили людей, которые говорили, что впереди есть хутора, куда уже вошли немцы. Другие утверждали, что немцев еще нет.

— Как бы там ни было, а нужна осторожность, — сказала Соня. — Прежде чем входить в деревню, будем узнавать у местных жителей, есть ли там немцы.

Так и решили.

По дорогам уже давно не проезжала ни одна машина. Не видно было людей. И это угнетало. Стояла тишина, которая давила, заставляла напряженно ждать, что вот-вот, с минуты на минуту случится то, чего они так боялись...

Шли молча. И вдруг среди гнетущей тишины Сарьян, бесшабашный на вид парень с иссиня-черной шевелюрой и глазами навывкате, запел:

Э-эх, Расскажи-расскажи, бродяга...

Пел он неприятным, громким голосом. Глаша попросила: — Перестань, не надо.

Но он продолжал, запрокинув голову:

Ч-чей ты ро-о-одом, а-атку-да ты!..

— Слушай, тебя просят — замолчи!

Но он, захлебываясь, скорее кричал, чем пел:

Э-эх, да я не по-о-омню...

— Сарьян, прекрати орать. — Соня сказала это спокойно, не повышая голоса.

Он замолчал. Потом опустил голову и медленно, раскачиваясь, как пьяный, и болтая руками, как плетью, поплелся к обочине дороги. Сел на траву, уткнувшись головой в колени. И неожиданно для всех расхохотался. Смеялся он, закатываясь, сотрясаясь всем телом. А круглые глаза его чуть не выскакивали из орбит.

— Что это он? Что с ним? — испугалась Глаша.

Волков подошел к нему, положил руку на плечо:

— Слушай, парень, ты брось эти свои истерики! Надо держать себя в руках. Чего раскис? Жара, что ли, на тебя действует?

Он говорил негромко, даже ласково, как бы уговаривал Сарьяна. И тот постепенно успокоился.

Вечером, когда на небе выступили звезды, свернули на восток. Проселочная дорога пересекала поле и дальше терялась в кустарнике. В ближайшей деревне собирались заночевать.

Где-то вдалеке послышался ровный, однообразный гул. Он становился громче, и скоро все услышали впереди шум моторов и лязг гусениц. Остановились, тревожно прислушиваясь.

— Танки... — прошептала Глаша.

— А может, это наши?.. — неуверенно произнес Сарьян.

— Надо узнать, — сказала Соня. — Я пойду на разведку. Вы ждите меня здесь. Может быть, еще кто-нибудь пойдет со мной?..

Она помедлила некоторое время, ожидая. Но никто не вызвался: у Глаши были стерты ноги, она с трудом двигалась; Волкову, видно, не хотелось идти — он сразу же лег на траву и занялся свертыванием самокрутки, вероятно, несколько не сомневаясь, что это немецкие танки; Сарьян же не хотел идти, так как побаивался Сони. Строгая, неумолимая, она часто одергивала разболтанного парня, а большей частью вообще не замечала его.

И Соня пошла одна. В темноте, еще не очень густой, она подошла к самой дороге, присела и раздвинула кусты. По шоссе один за другим грохотали танки. Они были совсем рядом, в нескольких шагах. На танках чернели кресты. Недалеко, на развилке дороги, стоял регулировщик. Он размахивал фонариком и время от времени выкрикивал что-то по-немецки.

Соня понимала, что это немецкие танки, что они двигаются на восток, что, значит, теперь придется идти по территории, занятой немцами. Но почему-то это никак не укладывалось в голову, не доходило до ее сознания. На все происходящее она смотрела как будто со стороны, как будто ее это не касалось. Так бывает, когда смотришь фильм: на экране страдают люди, происходят волнующие события, но ты знаешь, что это все-таки где-то там, что это ненастоящее. А ты — отдельно...

Она вернулась к своим и рассказала о том, что видела. В деревню решили не заходить. Переждав, когда танки проехали, отошли от перекрестка подальше и поодиночке перебежали дорогу. Потом, пройдя еще немного в сторону от шоссе, остановились в поле. Спали прямо в стогах.

Утром Соня открыла глаза, чувствуя на себе чей-то взгляд. У стога стояла женщина, разглядывая спящих.

— Вы, бабоньки, военные? И чего ж вы не скинете ту форму? Разве ж можно так?..

Женщина сказала, что в хуторе немцев нет, они проехали дальше, так что бояться нечего. Повела их к себе, накормила, дала простую деревенскую одежду.

— Если станут спрашивать, говорите, что с окопов идете, — наставляла она их. — Копали, значит, окопы. Так и отвечайте: с окопов домой, на хутор.

Два селения, которые они прошли, были пусты. В третьем, довольно большом, неожиданно наткнулись на немцев.

Войдя в станицу, сразу за поворотом, у школы, увидели группу людей в военной форме. Поворачивать назад было поздно: это могло вызвать подозрения. И они продолжали идти вперед. У всех было оружие, у Сони и Глаши — в узелках с едой, которые сунула им на дорогу женщина.

Стараясь держаться спокойно, они не спеша прошли мимо немцев. Те посмотрели на них, разговаривая между собой. А они шли, делая вид, что местные. Никто их не остановил. У Глаши дрожали руки, а Соня шла как каменная. Им казалось, немцы непременно догадаются, что одежда на них чужая и что настоящая их одежда — это военная форма...

День за днем они продвигались все дальше на восток. Ночевали в селениях у хозяек. Соня и Глаша в одном доме, а мужчины в другом, где-нибудь неподалеку. Чтобы не слишком беспокоить хозяев. Потом встречались в условленном месте и отправлялись вместе в путь.

Однажды Соня и Глаша не дождались своих попутчиков. Они почему-то не явились. А где их искать, девушки не знали. Долго ждали, но ходить по домам и спрашивать не решились.

Идти приходилось по жаре, под палящими лучами солнца. Мучила жажда. Вода считалась роскошью в этом степном краю, ее можно было найти только в селениях. А селения, большей частью хутора, где стояли немногочисленные постройки, находились на значительном удалении друг от друга.

Глаша сильно уставала. Болели ноги, кружилась голова. Иногда она готова была сесть посреди дороги и заплакать. Соня не давала ей отдыхать, все тянула и тянула за собой. Она шла впереди, изредка оглядываясь, не отстала ли Глаша. Глашина фигурка маячила сзади на некотором расстоянии.

Соня чувствовала себя более выносливой. Занятия спортом еще до войны, в военной школе, где она работала преподавателем, закалили ее. Но этот бесконечный путь босиком по горячей, пыльной дороге трудно было вынести даже ей. Ноги казались деревянными колодами, она переставляла их механически. Обернуться, сделать лишнее движение стоило большого труда. Казалось, остановишься — свалишься и не хватит сил, чтобы подняться...

Так они шли — обе в платочках, в длинных черных юбках, босиком. Невысокая, крепкая Соня — впереди. За ней немного подалше тоненькая Глаша.

Однажды у железнодорожного полотна их окликнул часовой. В это время они переходили полотно. Обе продолжали идти, будто их это не касалось. Часовой еще раз крикнул и вскинул автомат. К счастью, к проезду приближались подводы, крестьяне вели лошадей. Соня и Глаша затесались между ними и, сбежав со склона, скрылись среди деревьев.

В другой раз на дороге они встретили двух немцев-мотоциклистов. Один сидел на корточках, чинил мотоцикл, а другой ждал его. Увидев девушек, немец пошел им навстречу. Стал что-то говорить, показывая на узелки: вероятно, был голоден и хотел поесть. Он тыкал пальцем в узелок и смотрел на Глашу. Она растерялась: в узелке, кроме хлеба, лежал пистолет, завернутый в тряпку. Немец настойчиво тыкал в узелок — и она медленно стала развязывать концы платка.

Кроме двух мотоциклистов, на дороге не видно было никого, причем один из них был целиком занят своим мотоциклом и не смотрел в их сторону. Соня чуть подвинулась — так, чтобы оказаться за спиной немца, вынула пистолет и, пока Глаша развязывала узел, выстрелила ему прямо в спину. Потом подбежала ко второму, который ничего еще не успел сообразить, и сделала два выстрела в упор.

— Глаша, сюда, в кусты! — крикнула она.

Они бросились в сторону с дороги и побежали по кустарнику. Бежали долго, пока хватило сил...

Потом остановились. Тяжело дыша, Глаша молча уставилась на Соню, которая все еще держала пистолет в руке. Она

так и бежала с ним и теперь растерянно смотрела на него, не зная, что с ним делать. Ей казалось, что она все еще слышит короткий хрип осевшего на землю немца — того, что возился с мотоциклом, и видит большие черные точки в его круглых испуганных глазах...

Как-то раз к вечеру девушки, как всегда, попросились на ночлег. Хозяйка вышла на крыльцо, посмотрела на них и уже собралась было отказать, но почему-то передумала.

— Погодите, — сказала она и вошла в хату. Вскоре возвратилась и впустила их в комнату.

Неожиданно они увидели за столом человека, одетого в форму советского командира, с тремя кубиками в петлицах. Старший лейтенант. Свой!

Они обрадовались. Разговорились. Но осторожность все же заставила их быть не до конца откровенными. Соня сказала, что они медицинские сестры, отстали от своей части и пробираются к фронту. Ее удивляло, что в обстановке, когда кругом немцы, старший лейтенант не снял военной формы...

Однако он был проницаемым, этот энергичный человек с прямым взглядом темных колючих глаз. Он почувствовал, что Соня не полностью доверяет ему. Тогда он вынул и показал свой партийный билет. Соня и Глаша показали свои.

Оказалось, что он не один. С ним было еще десять бойцов с оружием и гранатами. В сарае стояли две повозки с пулеметами, запряженные лошадьми. Бойцы продвигались к линии фронта по ночам, в темноте, иногда прорываясь вперед с боем.

Старший лейтенант вел себя так, будто он был хозяином положения и не он должен был бояться немцев, а они его. Казалось, он знал все: что нужно делать, куда ехать. Ни он, ни бойцы, не сняли военной формы — об этом не могло быть и речи. И если бы пришлось, они бы наверняка, не задумываясь, вступили в бой с целой дивизией немцев...

Глаша и Соня присоединились к ним. После трех недель скитаний они уже не шли пешком, а ехали на повозках, ночью. В темноте на дороге встречались вражеские мотоциклисты, машины, патрули. Оружие всегда было наготове на тот случай, если им не удастся проскочить.

Однажды, когда повозки уже въехали в деревню, навстречу вышли немцы. Их было довольно много. Немецкие солдаты что-то закричали, забегали. Послышался треск автоматов. Но ездо-

вые, повернув назад лошадей, уже неслись прочь. С последней повозки строчил пулемет...

На следующий день в станице под Моздоком увидели красноармейцев. Здесь стояла наша стрелковая часть. В самом Моздоке царила неразбериха. Город эвакуировался. Прилетали немецкие самолеты и бомбили отходившие войска. Здесь Соня и Глаша расстались со старшим лейтенантом.

Еще в дороге заболела Глаша. Оказалось — тиф. Соня нашла коменданта города и сдала ее, совсем больную, в госпиталь. Коменданту ничего не было известно о местонахождении женского полка, и он направил Соню к представителю ВВС, который приблизительно знал, где базируется полк.

В тот же день на попутной машине она ехала по дороге, которая вела на юг. Смеркалось. Слева тянулись поросшие кустарником холмы, впереди высился горный кряж. Машина подпрыгивала на ухабах. Соня, стоявшая в кузове, смотрела по сторонам, надеясь увидеть где-нибудь самолеты.

И вдруг увидела. В стороне от дороги, на ровном поле, мелькали огоньки. На площадку сажались самолеты. Очевидно, это был аэродром подскока, откуда самолеты летали на боевые задания.

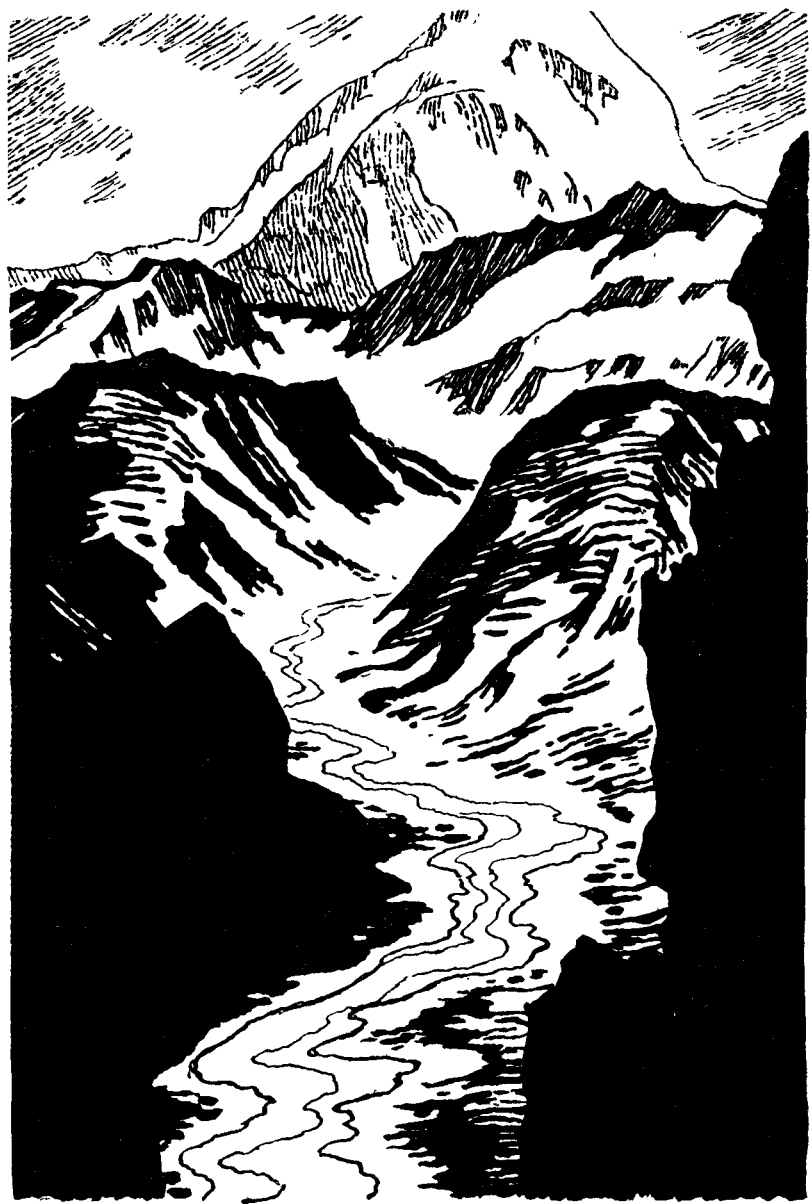
Соня не верила своим глазам: все было как в сказке. Сердце бешено заколотилось, и она что было сил забарабанила по кабине кулаками, крича:

— Стойте! Остановите машину! Это они! Они!

Выдержка и спокойствие изменили ей. Здесь был ее полк, ее работа, ее дом... Она нашла его, нашла... Она побежала напрямик к самолетам. Спотыкаясь и падая, бежала Соня по полю, словно могла не успеть, опоздать, и огоньки — зеленые, белые, красные — расплывались пятнами в ее глазах...

*НАД
ХРЕБТАМИ
И
ДОЛИНАМИ*

ГОРИТ ВСЮ НОЧЬ

Отступая, мы дошли до предгорий Кавказа. Полк расположился в зеленой станице Ассиновская. Это в долине, неподалеку от Грозного.

Мы прячем самолеты в большом яблоневом саду, прямо под деревьями. Сад окружен арыком, и нам приходится рулить самолеты по узким деревянным мостикам, перекинутым через арык. Тяжелые ветви, усеянные яблоками, клонятся к земле. Пока дорулишь до стоянки, в кабине полно яблок.

Сразу за станицей шумит быстрая Асса. Видны высокие горы. Близко Казбек. Дарьяльское ущелье. Места, воспетые поэтами. Война пришла и сюда. Линия фронта — по Тереку.

Летаю с Ириной Себровой. Она славная девушка, скромная, искренняя и отличный летчик. Характер у нее мягкий, деликатный. Мы с ней подружились.

...Бомбим вражеские позиции под Малгобеком. Горный район, сразу за хребтом.

Небо в звездах. Погода хорошая.

Над целью я бросаю вниз светящуюся авиабомбу. Она, как фонарь, повисает в воздухе. Становится светло, и я внимательно разглядываю землю.

Увидев цистерны, расположенные параллельным рядом, я заволновалась.

— Иринка, вижу склад с горючим!

Ира высовывается из кабины, смотрит вниз.

— Вон, справа! Подверни правее, еще... Довольно.

Я спешу, я так хорошо вижу эти цистерны! Нажимаю рычаг — и бомбы несутся к земле. Четыре огненных снопа вспыхивают и тут же исчезают, рассыпавшись искрами. Мимо! Я чуть не плачу от досады. Остались четыре дымка на земле, а цистерны светлеют целехонькие...

В следующем вылете я не тороплюсь. Мне очень хочется попасть в цистерны. Из всех сил я стараюсь прицелиться лучше. Ставили же мне пятерки по бомбометанию! У меня даже лоб вспотел.

Ира выдерживает прямую, которая пазывается «боевой курс».

Я чуть-чуть подправляю курс. Еще раз. Цель отличная. Самолет летит как по ниточке. Нет, я должна попасть во что бы то ни стало!

Снизу застрочил зенитный пулемет. Прошлый раз он молчал. Они там еще спали, наверное. А я промахнулась!.. Огненные трассы приближаются к нам слева. Вот-вот они полоснут по самолету. Но сворачивать нельзя.

Пулемет крупнокалиберный, спаренный — пули летят широким пучком. Я вижу, что Ира вертится в кабине, нервничает. Но курс держит. Поглядывая на трассы, я прицеливаюсь. Бросаю бомбы.

Ира сразу пикирует, успевая нырнуть под длинную трассу пуль.

На земле сильные взрывы. И вспыхивает пламя: пожар. Настроение у меня поднимается. Мы летим домой, а я все оглядываюсь: горит!

Черный дым стелется над землей, постепенно заволакивает небо. Склад горит всю ночь.

В комнату ввалилась Жека. Женя Жигуленко, или, как мы ее звали, «Жигули». Как всегда, веселая и шумная. Она из другой эскадрильи, но мы с ней большие друзья.

— Натка, у меня день рождения! Пошли пить чачу! Все пошли!

У Жеки была широкая натура. Она любила размах. Все так все. Мы живо откликнулись:

— Вот отлично! Поздравляем! Тебе сколько стукнуло?

И мы бросились теревить ее, дергать за уши. Она отбивалась, хохотала, потом сдалась и терпеливо вынесла все мучения. Уши у нее стали пунцовыми, лицо с нежной кожей в еле заметных веснушках пылало. Сверкнув озорными синими глазами, она скомандовала:

— Теперь двинули!

Мы пошли. Собрались компанией у Жекиной хозяйки. Пили чачу — виноградную водку. Шумели, пели. Одни девчонки.

У хозяйки нашелся патефон. Старый, с отломанной ручкой. И куча заигранных пластинок. «Если завтра война», «Три танкиста»... Эти мы откладывали в сторону.

Хрипели «Очи черные», отчаянно взвизгивал «Синий платочек». Мы громко чокались гранеными стаканами, закусывали солеными огурцами. Пили за летнюю погоду, за наступление...

И вдруг среди замусоленных пластинок с «Брызгами шампанского» и «Рио-Рита» — Григ! «Песня Сольвейг», печальная и нежная.

Наступила тишина. Стало грустно. Моя соседка Нина Ульяенко заплакала. Я стала утешать ее. Потом, обнявшись, мы стали плакать вместе. О чем? Трудно сказать. Что-то вспомнилось. Чему-то не суждено было сбыться. И вообще действовала чача.

К нам присоединились другие. И даже озорная Жека сидела, опустив голову, и, покусывая губы, молча плакала. Слезы капали в пустой стакан. Мы плакали тихо, мирно, самозабвенно. Было хорошо.

Выплакавшись, мы пошли получать боевую задачу.

Район Моздока — самый укрепленный на Тереке. Сюда мы часто летаем бомбить вражескую технику, войска, переправы.

Терек... Бурный, непокорный. Поэты говорят, что он шумит, рычит, вое. А сверху он кажется тихой, смирной рекой. Ночью Терек с его крутыми излучинами и плавными изгибами похож на голубоватую ленту, обретенную на темную землю.

...Светло в кабине, светло кругом. Прямые как стрелы лучи, ослепительно белые, режут небо на куски. На множество кусков. Лучи широкие: в луче самолет может кружиться, делать виражи — и не выйдет за его пределы. С земли бьют фонтаны пулеметных трасс. Из разных мест они устремляются в одну точку — туда, где летит освещенный прожекторами самолет. Кажется, что вот-вот одна из них полоснет по самолету. Они подходят близко, совсем рядом...

Бомбы сброшены, и теперь я могу подсказать Ире, как маневрировать. Она старается не смотреть на слепящие зеркала прожекторов. Старается, но все же поглядывает на них... Бросает самолет то вниз, то в сторону, уклоняясь от пулеметных трасс. Наконец, завертевшись, спрашивает:

— Где Терек?

— Лети прямо. Терек справа, — отвечаю я.

Нам бы следовало пересечь реку и лететь на юг, но — нельзя: там стена огня. И мы держим восточный курс.

Самолет медленно удаляется от цели, слабеет огонь, один за другим гаснут прожекторы. Мы уходим в темноту.

Уходим... Просто непостижимо, как нам это удастся сделать на нашем слабеньком, маломощном «ПО-2». Фанерный самолетик, тихоходный, беззащитный, такой совсем-совсем мирный со своими лентами-расчалками, открытыми кабинами и приборной доской, где перед летчиком светятся несколько примитивных приборов... Его называют громким именем «ночной бомбардировщик». Да, мы возим бомбы, подвешенные прямо под крыльями. По двести и больше килограммов за один полет. Так что, например, за пять полетов получается больше тонны...

Бомбардировщик — это верно. А ночной-то он не потому, что как-то оборудован для полетов ночью, совсем нет. Никакого специального оборудования на самолете не установлено. Ночной он потому, что за линию фронта он может летать, пожалуй, только в темноте: днем его сразу собьют... Но мы любим наш «ночной бомбардировщик», хотя он слишком прост и непритяз-

телен. Это смелый самолет и большой труженик: всю ночь, от зари до зари, он без усталости работает...

...Летит в темноте под звездами наш «ПО-2». Рокошет мотор, будто ворчит озабоченно. Остаются сзади Моздок, и зенитки, и Терек.

Поэты утверждают, что Терек — бурная, свирепая река. Я же запомню его таким, каким он кажется сверху: голубоватой лентой, вьющейся по земле. Голубоватой... Интересно, какого цвета в нем вода, когда бьют зенитки и в небе — огонь? Я никогда не успеваю рассмотреть...

НА РАССВЕТЕ

Возвращаемся из последнего полета. Очень устали и потому обе молчим, Ира и я. За ночь мы сделали шесть боевых вылетов, поработали хорошо. Правда, и нам досталось: трижды попадали под зенитный обстрел.

До аэродрома остается лететь двадцать минут. Тихо. Только мягкий рокот мотора. Но его не замечаешь, как не замечаешь привычного тиканья часов в комнате.

На западе еще сверкают крупные звезды, а на востоке небо уже светлеет. Не первый раз мы встречаем рассвет в полете.

Под крылом проплывает невысокий хребет. За ним долина, где находится аэродром. Глубокие тени на хребте похожи на мазки темно-синей краски, небрежно брошенные художником по серому фону. Уже нет густой черноты воздуха, и кажется, что посветлевшая земля приблизилась к самолету.

Здесь, на юге, рассветает быстро. Солнце еще не взошло, и сероватая мгла окутывает землю. Постепенно мгла рассеивается, вдали на горизонте отчетливо рисуются горы, внизу отсвечивают сталью речушки. А с побледневшего неба все еще никак не уходят звезды. Но скоро и они исчезают.

Солнечные лучи сначала касаются горных вершин, окрашивая их в нежно-розовый цвет. Потом на склонах гор вспыхивают малиново-красные пятна. Они движутся, как живые, опускаясь все ниже и ниже. И, наконец, солнце заливает долину, скалистые вершины и поросшие лесом склоны гор. Рассвет наступил.

Еще издали виден аэродром. Пчелками кружатся над ним наши двухкрылые самолеты. Подлетаем поближе, заходим на

посадку. Самолет плавно касается зеленого поля. Ира заруливает, и мы выходим. Разминаемся, потом медленно идем, мягко шагая по влажной траве. На сапогах остается роса. Мокрые травинки послушно сгибаются, примятые сапогом, и снова встают во весь свой рост.

Прозрачный туман, висящий в долине легкой дымкой, вдруг отрывается от земли, пригретой солнцем, приподнимается над ней и тает прямо на глазах. В этот ранний час рождения нового дня так легко дышится! Скоро поле кончается, дальше дорога, станица... И невольно я замедляю шаг, чтобы подольше побыть в этом зеленом и радостном мире.

Еще издали на пороге крайнего в станице домика я замечаю Олю Жуковскую, нашего врача. На двери красный крест. В домике медпункт. Оля сидит в белом халате, опутив руки, и смотрит куда-то вдаль. Что она там видит? Горы?

Мы подходим ближе. Я чувствую: что-то случилось.

— Оля!

Она, вздрогнув, поворачивает голову и ничего не говорит.

— Ну?..

— Валя умерла. На рассвете.

Она должна была умереть, Валя Ступова. Наша Валюша, певунья, любимица. Последние дни она совсем была плоха: ничего похожего на прежнюю, веселую, задиристую Вальку, курносую, ясноглазую... Ей долго пришлось мучиться после ранения.

Подшли другие девушки. Постояв, мы с Ирой идем в станицу. Теперь только я по-настоящему чувствую, как устала. Солнце неприятно слепит глаза. К мокрым от росы сапогам прилипает пыль. На перекрестке улиц женщина достает из кошелька воду, и пронзительно скрипит, вращаясь, ворот.

ПЕРВЫЕ ОРДЕНА

Седьмого ноября праздник — 25-летие Октября. В полк приехал командующий фронтом, который вручил нам награды. Многие получили свои первые ордена. Я — «Красную Звезду».

В то время у каждой из нас уже было на счету больше двухсот боевых вылетов. У некоторых — около трехсот. И много удачных.

Мы летали непрерывно. Бомбили то автомашины, то пере-

правы, то огневые точки, то склад, то танки... Говорили даже, что кто-то из девушек разбомбил штаб генерала Клейста, который командовал танковой армией. Во всяком случае, наземные части, стоявшие на передовой, часто благодарили нас за хорошую работу, за точные попадания.

Словом, летали мы каждую ночь. С вечера до утра. Каждый экипаж — по пять, по шесть, по семь вылетов. Если не было летной погоды, сидели в самолетах и дремали. Ждали, когда рассеется туман или перестанет дождь... Чтоб слетать хоть разок.

Никто не думал о наградах. И вдруг — ордена. Оказалось, все-таки приятно получить орден.

Когда полк выстроился, командующий увидел, что мы в брюках, в полинявших, выцветших гимнастерках, и сказал кому-то из своей свиты:

— Праздник, а у девушек нечего надеть. Сшить им форму с юбками!

Эту форму, которую нам сшили, мы надевали по торжественным случаям несколько лет, до самого конца войны.

Вечером к нам в гости приехали ребята из соседнего полка, наши «братцы». Они тоже летают на самолетах «ПО-2». И командир их приехал, полковник Бочаров. Этот братский полк базируется неподалеку от нас, в соседней станице. Мы часто бомбим одни и те же цели, иногда летаем с одного аэродрома.

Совсем неожиданно я встретила Лешу Громова, того самого, с которым вместе училась в аэроклубе. Тогда, перед войной, я уехала из Киева в Москву, в авиационный институт, а Лешу и других ребят направили в летное училище. Они мечтали стать летчиками-истребителями. Но не успели: началось отступление, и всех курсантов разбросали по авиационным полкам. Теперь Леша — штурман в полку «ПО-2». Он только недавно прибыл туда.

Леша такой же, как и был, только возмужал немного. Высокий, широкоплечий, с добрым и мужественным лицом. У него темные глаза, такие темные, что даже зрачков не видно, энергичный подбородок и крупные, красиво очерченные губы. Черные выходящие волосы падают на лоб.

— Я узнал, что ты здесь, и приехал, — сказал он.

Мы стали вспоминать аэроклуб, школьные годы, друзей — то время, когда еще не было войны и когда казалось, что впереди все так легко и прекрасно.

...Кончились полеты. Мы, курсанты аэроклуба, едем в город. Мчится по шоссе грузовик. Мелькают мимо деревья, столбы, небольшие домики. Пригороды Киева. Ближе к городу заводы. В кузове тесно. Мы все стоим, держась друг за друга.

Я стою у самой кабинки, облокотившись о крышу. Рядом Леша. Он держит мою руку в своей большой теплой ладони, и я чувствую, какой он сильный и ласковый. Ветер растрепал мои косы, и длинные пряди волос бьются о Лешину щеку. Я стараюсь отодвинуть голову, а Леша наклоняется еще ближе...

Прошло всего два года с тех пор. Но как давно это было!

КОГДА ТЕБЯ ЖДУТ...

Полеты, полеты... С заката до рассвета. Мы бомбим переправы через Терек, бомбим врага в станицах, в Моздоке. Ищерская, Прохладный, Малгобек, Ардон...

Глубокой осенью погода здесь неустойчива, она может измениться внезапно.

...Горный поселок Дигора. Сверху он кажется маленьким, совсем игрушечным. Светящаяся бомба медленно опускается на парашюте, освещая крутой склон горы, светлые полосы пересохших русел небольших речушек и сам поселок. Я отчетливо вижу каждый дом, белую ленту дороги и машины, стоящие на окраине. Пока четыре широких луча пытаются нас поймать, мы бомбим машины.

Первый вылет прошел успешно. И второй тоже был удачным. А вот третий...

Мы пролетели уже половину пути по направлению к Дигоре, когда наткнулись на облака. Они двигались двумя ярусами. Некоторое время мы летели между ними, но вскоре самолет окунулся в сплошную облачность. Не могло быть и речи о том, чтобы продолжать полет к цели. Решили возвращаться с бомбами. Ира взяла обратный курс. Еще раньше я заметила, что ветер усилился и резко изменил направление. Значит, нас несло в сторону. Но куда и насколько? Этого я не знала, потому что точных расчетов не вела. Просто не было необходимости: мы летали по ориентирам, которых в этом районе больше чем достаточно. Теперь же земля совершенно не просматривалась.

Мы пролетели в облаках довольно долго. Наконец Ира спросила:

— Где мы находимся?

Я ждала, что она это спросит, и нервничала. Мне не хотелось отвечать «не знаю». Ведь она так верила мне...

Я медлила с ответом, крутилась в кабине, то поглядывая на часы, то делая пометки на карте, чтобы хоть приблизительно определить место, над которым летел самолет. Потом призналась:

— Ира, я не знаю. Понимаешь...

Но объяснять было нечего.

Минутная стрелка двигалась медленно, очень медленно, и мне казалось, что в облаках мы летим уже много часов. По моим предположениям, мы все еще находились над долиной. Но как проверить? А кругом горы...

Временами мы выходили из облачности, но внизу под нами проплывали светловатые клубы, похожие на вату. Иногда темнели небольшие просветы. Я до боли в глазах вглядывалась в темные разводы: что там — хребет или долина? Можно ли снижаться? А если горы?

Ира молчала. Теперь она, вероятно, на меня не надеялась. Мы летели и летели, а облакам не было конца. Что же дальше? У меня пересохло во рту и тягуче-неприятно засосало пол ложечкой. Очевидно, закрыло весь наш район и аэродром тоже.

— Ира, я брошу САБ¹. Может быть, увидим что-нибудь.

— Давай.

Через несколько секунд вокруг стало белым-бело. САБ утонул в облаках. Мы летели, как в молоке. Потом наступила темнота: САБ сгорел.

Темнота казалась еще более густой и зловещей. Мне стало страшно. Нужно было на что-то решиться: лететь дальше или пробивать облака наугад.

Снова попробовала делать расчеты, но получилась ерунда, и я совсем запуталась. Чувствуя себя виноватой, позвала:

— Ира... я ничего не знаю...

— Ну, что ты? Не волнуйся. Давай подумаем вместе: далеко снести нас не могло. Значит...

Вдруг внизу что-то блеснуло. Светлая расплывчатая точка. Еще одна... И уже совершенно ясно я увидела на земле свет

¹ САБ — светящаяся авиабомба.

фар. Направление луча все время менялось: машина ехала по извилистой дороге.

— Иринка, жми в этот просвет! Видишь — фары. Там дорога!

Не теряя времени, Ира направила самолет туда, где между облаками появился просвет. Вскоре мы очутились ниже облаков. По дороге, которая вела к узким воротам в ущелье, ехали машины. Рядом вилась речушка. Мы привязались к ней и летели вдоль ее русла, пока не прошли ущелье. Шел снег, и видимости не было почти никакой: на высоте около тридцати метров мы еле-еле различали светлую полосу реки. Но теперь мы уже знали наверняка, что долетим.

За горой, в нескольких километрах от нас, должен был стоять прожектор. Выйдя на него, мы могли легко найти свой аэродром. Однако прожектора не оказалось: просто его не было видно. И только случайно я заметила вдали сквозь пелену снега светлый, живой кусочек луча, самое его основание. Как будто луч обрубил, оставив только крошечный корешок, который чуть-чуть шевелился.

На аэродроме непрерывно стреляли ракеты. Они пятнами растекались в облаках. Нас ждали. Хорошо, когда тебя ждут...

Т И Ш И Н А

Наконец началось наступление и у нас, на Закавказском фронте. Почти полгода, с августа 1942 года, мы летали в районе реки Терек. Успехи наших войск под Сталинградом принудили немцев начать отступление. Они поспешно уходили с Кавказа, боясь оказаться отрезанными.

В первых числах января мы начали двигаться вперед. Полк оставил станицу Ассиновскую и перелетел через Терек на новую площадку, сразу за рекой.

...Полетов нет: еще не подвезли бомбы. Наземный эшелон в пути, поэтому летчикам самим приходится дежурить у самолетов.

Над площадкой, где рассредоточены наши «ПО-2», висит луна. Вернее, четверть луны. Но она так четко обрисована и так ослепительно блестит, что видно и остальную, слегка затусшеванную часть диска. Поле, покрытое свежим, недавно выпавшим снегом, залито бледно-голубым светом.

Сразу за нашими самолетами стоят самолеты «братцев», которые тоже прилетели сюда, за Терек. «ПО-2» темными пятнами выделяются на снегу.

Я медленно хожу вдоль самолетов, мягко ступая унтами по снегу. Вместе со мной движется моя тень. Она совсем короткая: месяц высоко, почти над головой. Я стараюсь наступить на нее, но она ускользает все вперед, вперед...

Леша Громов тоже дежурит сегодня. Мы с ним виделись вечером в столовой. Я знаю — он придет ко мне. И, улыбаясь неизвестно чему, я снова охочусь за собственной тенью... Вскоре он приходит, большой, плечистый, похожий на медведя, в комбинезоне с широким меховым воротником и в мохнатых унтах.

— Давай дежурить вместе.

Я рада ему. Мы идем рядом. Теперь по снегу скользят две тени — одна короче, другая подлиннее. Возле моего самолета останавливаемся.

Тихо. Поблескивает обшивка крыла. Покрытый чехлом мотор и лопасти пропеллера, торчащие в стороны, кажутся огромной птицей, которая приготовилась взлетать.

Сегодня тишина особенная. Немцы бегут, фронт с каждым часом удаляется, и у меня такое ощущение, будто на время раздвинулись тучи войны и стал виден светлый кусочек мира...

— Как я рад, что нашел тебя, — говорит Леша.

Он уже говорил мне это однажды. В Киеве, два года назад. Тогда еще не было войны...

Мы стоим, облокотившись о крыло... Говорить не хочется. Я чувствую на спине тяжесть Лешиной руки и даже сквозь меховой комбинезон ощущаю ее тепло. Нам обоим хорошо. И нет никакой войны...

Внезапно воздух сотрясает взрыв. Где-то недалеко, за станцией. Мы прислушиваемся, гадаем, что бы это могло быть. Но все опять спокойно, и мы забываем о взрыве.

Проходит час и еще один час. За это время луна опустилась ниже, тени удлинились, стало темнее.

Вдали послышались голоса. Это идут нас сменить. Как жаль, что дежурство кончилось...

Январь 1943-го. Мы продолжаем наступать, перелетая из станицы в станицу, все ближе к Кубани.

Солдато-Александровка. Здесь мы были полгода назад при отступлении. И, конечно, все девушки останавливаются у своих прежних хозяек.

Навстречу нам вышла вся станица. Ребятишки окружили нас тесным кольцом.

— Тетя Ира! Тетя Рая!

— К нам пойдемте, тетя Надя! Я вас сразу узнал!

— А какой это орден? Можно потрогать?

— А фрицы уже теперь не вернутся?

Наша хозяйка встретила Иру и меня с восторгом. Всплеснув руками, бросилась обнимать.

— Ох вы, мои девочки-голубушки! — приговаривала она. — Да я ж сердцем чуяла, что мы еще свидимся! И сны ж мне такие снились!

Она все хлопотала, крутилась возле нас, шлепала ребят, чтоб не мешали.

— И как же вы не боялись? Темно ж! А высоко — страху не оберешься!

Она рассказала, как вели себя немцы, где стояли орудия, танки, зенитки. И как прилетали ночью самолеты бомбить фашистов, а ей так хотелось подсказать, куда бросать бомбы. Она была убеждена, что прилетали именно мы, девушки. Мы не стали разубеждать ее, хотя нам не приходилось бомбить в этом районе.

Муж ее на фронте. Ушел в первый день войны. Жив ли — не знает. Ни одной весточки с тех пор. Дома четверо детей.

Мы порылись в рюкзаках, собрали ей для ребят теплые вещи.

Был канун Нового года по старому стилю.

Хозяйка раздобыла муки, испекла пирог, и мы отпраздновали нашу встречу.

Белоголовый Ванюшка не отходил от Иры. Время от времени он осторожно трогал орден Красного Знамени и при этом доверчиво заглядывал ей в глаза.

— А вы большие бомбы кидали?

— Большие.

— Вон с того самолета?

— С того. И с других тоже.

Наш «ПО-2» стоял у самой хаты, его можно было видеть

из окна. Соскочив с табуретки, Ванюшка подбежал к окну, чтобы еще раз посмотреть на самолет.

В полночь мы гадали. Жгли бумагу, ставили рядом со сгоревшей бумагой свечу и разглядывали тень на стене, угадывая, что изображено.

— Чепуха все это, — говорила, посмеиваясь, Ира, но продолжала жечь бумагу: все-таки интересно.

У меня получилась тройка лошадей и еще что-то, вызвавшее самые различные толкования. А у Гали Докутович — гроб. Никто не хотел, чтобы — гроб. И мы всячески изошлись, придумывая несусветную чушь. Фантазии хватало.

— Это трамплин! Значит, будет большой прыжок на запад! Мне казалось, что убедительнее этого ничего нет.

— Нет, это рояль, — задумчиво говорила Женья Руднева.

— Не трамплин это, не рояль, а самый обыкновенный стол. Обеденный стол...

— Бросьте, девчонки, выдумывать! — решительно закрыла дискуссию Галя. Она почему-то настаивала на своем варианте, доказывая, что на тени изображен гроб. И громко смеялась, хотя замечено было, что смеяться ей не хочется.

Впоследствии я часто вспоминала этот вечер и гадание: через полгода Галя не вернулась с задания.

Пробовали гадать и по-другому. По старинному русскому обычаю, как у Жуковского. Только не было у нас легких башмачков, как у Светланы. Приходилось вместо башмачка бросать через забор тяжелый сапог... На это решились не все: перспектива остаться без сапога не радовала.

Кто-то предложил выйти на улицу и спросить имя у первого встречного. Так можно совершенно точно узнать, как будут звать суженого. Накинув шинели на плечи, мы с хохотом выбежали на мороз. Но встречных не оказалось. Улица была пустыня. Только часовой у самолетов, не то казах, не то киргиз, судя по акценту, громко выкрикивал:

— Какой пропуск, знаешь?

Перебивая друг друга, мы пытались объяснить ему, что хотим узнать его имя. Но он ничего не понимал и упрямо твердил свое:

— Пропуск «Калуга» знаешь?

— Знаем, знаем...

— Какой?

— «Калуга»!!

Возвращаясь, мы заметили у ворот нашей хаты маленькую

фигурку. Это был Ванюшка. Когда его окликнули, он сразу же нырнул во двор и скрылся.

На следующий день мы с Ирой прощались с гостеприимной хозяйкой, с ее ребятами. Только Ванюшка куда-то исчез, и никак его не могли дозваться.

Но когда я садилась в самолет, то неожиданно обнаружила пропавшего мальчишку в штурманской кабине. Он сидел на полу, скорчившись, уткнувшись носом в колени, и молча поглядывал на меня снизу вверх, ожидая, что я буду делать.

— Вот ты где! Что же ты, с нами полетишь?

— С вами!.. — обрадовался Ванюшка.

УБИТЫЙ НЕМЕЦ

Новое место базирования — станция Расшеватка. Вчера еще здесь были немцы, а сегодня мы. И сегодня уже нашим самолетам не хватает радиуса действий, чтобы бомбить врага.

Жители рассказывают, как немцы отзывались о нас, о наших самолетах «ПО-2». Они знали, что их бомбят женщины, и сочиняли всякие небылицы, называя нас «ночными ведьмами», утверждая, что мы, летчицы, бывшие заключенные, которых специально выпустили из тюрем, и т. п.

Расшеватка вся в пожарах. Низко над станцией, над раскинувшейся вокруг нее станицей стелется густой дым. На складе горит зерно, и в воздухе запах гари. Дымно, грязно. Всюду следы лошадей, на снегу отпечатки копыт.

Здесь прошел, преследуя врага, кавалерийский корпус генерала Кириченко. Здесь были бои. Еще не убраны трупы. Лежат убитые лошади.

На обочине дороги, ведущей к аэродрому, мы с Ирой наткнулись на труп убитого немца. Он лежал за бугорком, и я чуть не споткнулась о него. Остановились и молча стояли, рассматривая.

Немец был молодой, без мундира, в голубом нижнем белье. Тело бледное, восковое. Голова запрокинута и повернута набок, прямые русые волосы примерзли к снегу. Казалось, он только что обернулся и в ужасе смотрит на дорогу, чего-то ожидая. Может быть, смерти...

Мы впервые видели мертвого немца так близко.

На счету каждой из нас было уже около трехсот боевых вы-

летов. Наши бомбы сеяли смерть. Но как она выглядит конкретно, эта смерть, мы представляли себе довольно смутно. Просто не задумывались об этом, а скорее всего не хотели думать.

«Подавить огневую точку», «разбомбить переправу», «уничтожить живую силу противника» — все это звучало настолько привычно и обыденно, что не вызывало никаких неясностей. Мы знали: враги истязают и уничтожают советских людей, сжигают наши села, города. Многому я сама была свидетелем. Чем больший урон мы нанесем врагу, чем больше фашистов мы убьем, тем быстрее наступит час победы. Убивать фашистов! Казалось бы, что может быть легче? Для этого мы и пошли воевать.

Так почему же теперь, глядя на убитого врага, на его белое, бескровное лицо, на котором оставался и не таял свежий снег, на откинутую в сторону руку со скрюченными пальцами, я испытывала смешанное чувство подавленности, отвращения и, как ни странно, жалости...

Завтра я снова полечу на бомбежку. И послезавтра и потом, пока не кончится война или пока меня не убьют... Такие же немцы, как этот...

Где же тогда место жалости?..

ВАЛЕНКИ, ВАЛЕНКИ...

Село Красное. Сюда мы прилетели днем.

А сейчас вечер. На улице слякоть, идет мокрый снег.

Мы с Ирой сидим на печке в теплой хате, наслаждаемся. Щелкаем семечки и крутим патефон.

Полетов нет. Хорошо — можно хоть денек отдохнуть.

Хрипло поет надтреснутая пластинка:

Валенки, валенки-и... не подшиты, стареньки!

Растет гора шелухи на печке. Ира нерешительно предлагает:

— А не пора ли на боковую?

Я киваю головой: пора. Завтра с утра опять перелет на новое место. И... продолжаем машинально щелкать семечки. Жареные, вкусные — трудно оторваться.

Внезапно стук в окно. К стеклу прижимается чье-то лицо.

Я вижу смешно приплюснутый нос и руку с растопыренными пальцами.

— Быстро на аэродром! На полеты!

Выглядываю в окно: снег не идет, темное небо в звездах. Как говорится, вызвездило.

Молча мы натягиваем на себя комбинезоны, надеваем унты. Не хочется выходить из теплой хаты.

А патефон визжит:

Валенки, валенки...

Других пластинок нет, это единственная.

Хозяйка стоит у печки, сложив руки на животе. Смотрит на пас жалостно.

— Салют, Ефимовна! — улыбаемся мы ей и выходим в черную ночь.

До утра мы успели сделать два долгих вылета. Немцы оказались далеко: они отступали безостановочно, отходя в направлении Краснодара. Мы бомбили автомашины, которые шли колонной, с включенными фарами.

На рассвете, вернувшись с аэродрома, мы с Ирой вошли в хату. Старались не шуметь, чтобы не разбудить хозяйку. Но, открыв дверь комнаты, остановились на пороге в изумлении: паша Ефимовна стояла у печки на том же самом месте, что и вечером, в той же позе, сложив руки на животе. И смотрела жалостно — точь-в-точь как вчера. Как будто и не ложилась...

— Вы что, Ефимовна? Так и стояли всю ночь? — спросила шутя Ира.

— Верну-улись... — сказала она вдруг нараспев и отошла наконец от печки. Потом спросила: — И что ж, всегда так — целую ночь?

— Да как придется...

Она покачала головой недоверчиво и облегченно вздохнула.

— Ну теперь спите.

Мы забрались на печку. Я долго еще ворочалась.

— Ира, она и в самом деле не ложилась?..

В станице Джерилиевской нас застала весенняя распутица. Днем аэродром превращался в болото с густой глубокой грязью. Только к середине ночи на несколько часов немного подмораживало, и до утра мы все-таки летали.

...Утром, возвращаясь с аэродрома, я подхожу к дому с опаской. Небольшой домик, где мы с Ирой поселились, стоит в глубине двора. Все входят в него спокойно: открывают калитку и через двор идут к крыльцу. И только мне одной так нельзя, потому что у меня есть враг — большой белый гусак с длинной шеей и бесцветными круглыми глазами. В сущности, безобидная домашняя птица. Целый день вместе со своими собратьями он важно расхаживает по двору, что-то выискивает, щиплет прошлогоднюю травку, чистит перья или же о чем-то рассуждает. Но стоит ему заметить мое приближение, как он немедленно преображается: воинственно расправляет крылья и с криком бросается мне навстречу с дальнего конца двора. Вытянув шею, шипит и норовит ущипнуть меня.

Я отбрыкиваюсь, отшвыриваю его сапогом, пробивая себе дорогу к крыльцу. И так — каждый раз... Мне редко удастся ускользнуть от гусака. Когда бы я ни вернулась, он всегда тут как тут, как будто ему точно известно, когда я приду.

Иру он не трогает. Она не спеша идет к дому и может даже погулять во дворе. А мне приходится потихоньку красться к дому, прячась за забором. Быстрыми перебежками я мчусь к двери и, только захлопнув ее, чувствую себя в безопасности.

Почему-то он невзлюбил меня. Вероятно, каким-то образом догадывался, что я боюсь гусей. Это осталось у меня еще с детства, когда однажды мне пришлось удира́ть от мирных птиц. В ужасе я бежала по улице, а они налетали на меня, маленькую, худенькую девочку, и больно щипали за ноги. С тех пор я их панически боюсь...

Сегодня Ира задержалась, и я возвращаюсь одна. Сначала высматриваю, где гусак. Убедившись, что он еще не видит меня, опометью бегу через двор.

После полетов мы легли спать в девять утра. Но уже через два часа проснулись. Никак нам не удастся выспаться: ведь отдыхать приходится днем, когда в доме идет обычная жизнь. По комнатам бегают хозяйские дети, глуховатая бабка говорит громко, почти кричит.

Я открываю глаза и сразу же зажмуриваюсь: в окна бьет яркий солнечный свет.

— Проснулась? — слышу я голос Иры.

Она сидит на кровати, поджав ноги, и держит что-то на ладони.

— Что это у тебя?

— Это? Вот — пятый...

— Кто пятый?

— Бекас пятый! Понимаешь, ползают прямо по простыне...

Я вскакиваю и откидываю одеяло. Мы молча истребляем паразитов.

Собственно говоря, ничего удивительного нет. Дом, где мы живем, как и многие другие дома в станице, полон народу. Только одна хозяйская семья состоит из семи человек: старик со старухой да невестка с четырьмя детьми. В станице — много солдат. Здесь и раненые, и те, кто на отдыхе с передовой.

По дороге проходят группы, какие-то части. Солдаты заходят к хозяевам, просят переночевать, не раздеваясь спят прямо на полу. Теснота...

В комнату заглядывает бабка.

— Проснулись, мои солдатики? — приветствует она нас. — Что же вам не спится? Аль не ложились?

— Просто не спится, бабуся.

— То детвора вас разбудила. Я их сейчас угомоню. А вы спите, спите...

Но спать мы уже не могли.

Одевшись, я вышла в другую комнату. Как обычно, дед сидел у окна, набивал трубку.

В доме все заботы ложились в основном на бабу. А дед жил своей особой жизнью, не обращая внимания на шум и гам. Он любил посидеть, подумать, обсудить мировые проблемы. С удовольствием брал наши полетные карты и, надев очки, внимательно рассматривал. Иногда вверх ногами. Ничего не понимая, важно кричал, покачивал головой и говорил:

— Придумают же люди! Вон какая станица, сколько в ней домов, а на бумаге она всего-навсего точка... Н-да-а...

Вот и сейчас дед поворачивается ко мне и, желая, видимо, завязать разговор, произносит:

— А говорят, немец из Румынии подкрепления берет. Как, а?

— Где там, дедушка, он уже к самой Кубани отошел. Прогоним его!

— Н-да-а... Так-то оно так...

Пока он собирается с мыслями, я быстро выхожу в прихожую умыться. Дверь на крыльцо открыта, и я осторожно выглядываю: по двору, раскачиваясь на коротких ногах, важно расхаживает мой враг...

Днем командир полка собрала летчиков. Вид у нее был озабоченный: в полку кончались запасы горючего, а обстановка требовала, чтобы мы летали. Подвоза не было, так как дороги развезло и машины застревали. Запасы продуктов тоже подошли к концу. Уже несколько дней в столовой мы ели одну кукурузу, да и то без соли.

Бершанская решила послать в город Кропоткин несколько самолетов за горючим и продовольствием, заправив их остатками имеющегося бензина.

— Сначала полетят пять самолетов из первой эскадрильи, — сказала она, — а когда они привезут горючее, в рейс отправятся остальные.

С большим трудом взлетели самолеты с раскисшего аэродрома. Проводив Иру, я возвращалась домой одна. Подойдя к калитке, вспомнила про гусака и стала искать его глазами среди других птиц, но, к моему удивлению, его нигде не было. Я свободно прошла через двор и оглянулась еще раз: от этой вредной птицы можно было ожидать любого подвоха.

Открыв дверь, я сразу все поняла: из кухни вкусно пахло жареным... Это он, мой гусак! Сердце защемило: зачем же его так...

Бабка радостно встретила меня:

— Вот и пришли! А где ж Ира?

— К вечеру прилетит, — ответила я мрачно.

— А я вам угощение приготовила, гусочку. Изголодались там на кукурузе, без хлеба. Садись, садись, чего там, не стесняйся.

Нет, я не могла есть моего гусака. Мне было жаль воинственную птицу, и, расстроенная, я ушла в свою комнату.

Ночью мы летали. А утром я шла домой в плохом настроении: теперь никто уже меня не встречал...

Ю Л Ь К А

Она пришла к нам в полк неожиданно, девчонка с осиной талией и независимой походкой.

Осень ярким ковром лежала на склонах гор. Под ногами

шуршали листья. И снежная вершина Эльбруса белой волной светлела на фоне синего неба.

В то время мы уже несколько месяцев воевали. И первые, совсем новенькие ордена сверкали на наших гимнастерках. Мы прочно закрепились у предгорий Кавказа и не сомневались в том, что теперь путь наш лежит только вперед.

Ее звали Юлей. Нет, Юлькой. Потому что все в ней говорило о том, что она — Юлька. Лихой, отчаянный летчик. Орел! И то, что ей только девятнадцать, — пустяк. Дело совсем не в этом.

Ходила она, гордо подняв голову, будто всем своим видом хотела сказать: «Вы меня ждали — вот я и пришла. И теперь мое место здесь!» Возможно, она боялась, что ей не сразу разрешат летать на боевые задания. А ей очень хотелось воевать.

Юлька. Черная кожанка, туго затянутая ремнем, аккуратные хромовые сапожки, шлем набекрень. Из-под шлема солнечный ореол светлых волос.

Вначале Юлька больше молчала. Присматривалась, поводя темной бровью. Щурила глаза, улыбалась краешком рта, не разжимая губ — не то презрительно, не то удивленно. И непонятно было, нравится ей у нас в полку или нет.

А когда начала летать, сразу все увидели — нравится. Уж очень отчаянно летала Юлька. И ничего не боялась: ни зениток, ни выговора за лихачество. Летного опыта у нее явно не доставало. Зато было с излишком бесшабашной смелости.

Мы полюбили Юльку. И уже не могли себе представить, как же мы раньше жили и не знали, что есть на свете веселая девчонка с чуть вздернутым носом, еле заметными веснушками на нежной коже и брызгами радости в глазах.

Без Юльки? Можно ли без нее? Соберутся девушки — Юлька запекает песню. Станут в круг — она уже в центре, отбивает чечетку или плывет, подбоченясь, так легко, словно ноги ее не касаются земли.

В Юльке нам нравилось все. И то, как она по-мальчишески рисовалась под бывшего летчика, и даже то, как относилась к жизни — с нарочитым пренебрежением.

Я помню Юльку всегда жизнерадостной, веселой.

И только однажды я видела ее совсем другой — притихшей, задумчивой.

Это было под вечер, когда мы собирались на полеты. В ту ночь мы должны были бомбить немецкий штаб и боевую технику в

едной из кубанских станиц под Краснодаром. Юлька молча натянула на себя комбинезон, надела шлем, перекинула через плечо планшет, села на деревянные нары и безвольно опустила руки. Потом вдруг резко откинулась назад, легла на спину. Так она лежала некоторое время, глядя в потолок. О чем она думала? Мы ждали.

Наконец она с усилием сказала:

— В этой станице я выросла. Там моя мама...

Никто не произнес ни слова. Трудно было что-нибудь сказать.

Юлька решительно поднялась и куда-то ушла.

Через полчаса командир эскадрильи ставила нам боевую задачу. Задание было несколько изменено: нам предстояло бомбить боевую технику на окраине станицы, а Юлька со своим штурманом должна была на рассвете уничтожить штаб в самой станице.

— Я там знаю каждый дом, — объясняла она всем со странной торопливостью.

Мы понимали: она волнуется.

Штаб Юлька действительно разбомбила. Утром прилетела назад довольная, возбужденная. Размахивая шлемом, рассказывала:

— Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела!..

Усталые, мы медленно шли по ровному полю аэродрома. Героем дня была Юлька. И все это признавали.

— А немцы не ждали бомбежки, — продолжала она. — Я спланировала совсем неслышно. Они только потом спохватились. Начали стрелять, когда слышали взрывы.

Ветер трепал светлые Юлькины волосы, лицо ее горело. Такой она запомнилась мне на всю жизнь — на фоне ветреного неба, гордая и счастливая.

Вскоре наши войска освободили Юлькину родную станицу. Но ей самой уже не пришлось там побывать. В одну из черных мартовских ночей Юлька была смертельно ранена.

Всего несколько месяцев летала с нами Юля Пашкова. Наша Юлька. А казалось — годы...

ОНИ С КРЕСТАМИ

Над целью нас обстреляли. Осколком снаряда повредило мотор, и назад Ира летела так осторожно, как будто вела машину, груженную динамитом. Мотор давал перебой, но все же она дотянула до аэродрома.

До утра больше не летали. С рассветом все самолеты, кроме нашего, улетели на основную точку. А мы остались ждать, пока техники исправят мотор. Наш «ПО-2» стоял на окраине станицы, рядом с траншеей.

Тося, техник, сразу же приступила к работе. Ей помогала ее подруга Вера.

— Тут работы не так уж много. Быстро сменим что надо. Через час-полтора будет готово, — пообещала она. — Идите отдохните.

Нам с Ирой делать было нечего, и мы решили прилечь в пустой хате, неподалеку от самолета. Страшно хотелось спать.

Спокойно шли мы по заросшей травой улице. Было тихо.

Внезапно послышался гул, и мы увидели истребителей, летевших парой совсем низко. Мы не сразу сообразили, что это фашистские самолеты.

— Иринка, они с крестами!

Только я успела сказать это, как раздались выстрелы. Истребители, пикируя один за другим, стреляли из пулеметов и пушек. Мы забежали в хату.

Кругом стоял грохот, от пушечных выстрелов дрожали стены, дребезжали стекла. С испугу я бросилась зачем-то закрывать окна. Как будто это могло защитить нас.

Снаряды рвались на дороге, в саду, возле хаты. Пробило дырку в потолке, другую — в глиняной стене. Мне стало страшно: убьют нас вот так, нелепо... где-то в хате...

Хотелось куда-нибудь спрятаться, но, кроме стола и кровати, в комнате ничего не было. Мы залезли под стол и сидели там, пока не кончилась штурмовка. Стол, конечно, не броня, но все-таки... Какая ни есть, а крыша над головой.

Когда, расстреляв боеприпасы, фашистские летчики улетели, мы побежали к нашему самолету. Техники уже хлопотали возле него. Он был цел, наш «ПО-2». Только в фюзеляже зияло две дыры да левое крыло было порядком разорвано. Поджечь его истребители не успели — видно, боеприпасов не хватило.

Тося ворчала:

— Проклятые, добавили нам работы. Не могли попозже прилететь...

Рука у нее чуть выше локтя была перевязана белым лоскутом, на котором краснело пятно.

— Что у тебя с рукой? — спросила Ира.

— Это? Да ничего, ерунда.

— Ее ранили. Правда, кость не задета, — сказала Вера. И тут же возмущенно добавила: — Она же из траншеи выбежала, когда они строчили по самолету! Не могла усидеть! Как же — спасти хотела!

— Дай лучше ключ, — не обращая внимания на то, что о ней говорили, сказала Тося и стала завинчивать гайку.

Потом посмотрела на нас и засмеялась:

— Я б им, чертям, показала, как строчить по самолету! Просто не успела... Быстро улетели. А рука ничего, вот смотрите...

Она несколько раз согнула и разогнула руку, глядя на нас.

Мы любили своего техника. Ведь успех боевого вылета зависел и от нее. Наш самолет всегда был исправен, мотор работал безотказно. А кроме того, Тося умела как-то вовремя улыбнуться, пошутить, и от этого становилось легче на душе, спадало напряжение перед трудным вылетом, улучшалось настроение.

Я смотрела, как уверенно двигаются ее ловкие, сильные руки. Левая, вероятно, все-таки сильно болела, потому что Тося берегла ее, стараясь особенно не утруждать. Там, где не могла сама, она говорила Вере, что и как делать.

Она душой болела за свой самолет. И сейчас, наблюдая, как она работает, я чувствовала себя в чем-то виноватой: ведь я пряталась под стол в то время, когда Тося выбегала, чтобы спасти самолет. Пусть даже спасти его было невозможно...

ЦВЕТУТ ЯБЛОНИ

Большой аэродром под Краснодаром. Настоящий — с капо-нирами. Так что наши «ПО-2» стоят не где-нибудь у хаток на деревенской улице, а на стоянках, окруженных земляным валом. Стоят важно и никого не боятся.

Но с воздуха их отлично видно. И в первую очередь их выдают капониры... В этом мы убедились, когда нас два-три раза пробомбили фашистские самолеты. Нет, лучше летать с небольшой площадки где-нибудь на окраине станицы и прятать самолеты в садах! Не пужно нам настоящего аэродрома!..

...Весна 1943-го. Апрель. Станица Пашковская в белом тумане: цветут яблони, абрикосы.

Я иду по тропинке у самого забора, задевая плечом ветви деревьев. Сыплется на землю белый снег лепестков. Идем троим: Жека Жигуленко, Нина Ульяненко и я.

Вечер. На темном небе блестит узенький серп месяца. Со всем рядом, у самого кончика месяца, — крупная звезда. Она будто манит его, увлекая за собой, а сама отходит все дальше и дальше, и расстояние между ней и месяцем постепенно увеличивается...

У нас трепировочные полеты. Мы, штурманы, хотим стать пилотами. Нас трое. Четвертая Рая Аронова. Она в госпитале после ранения. Собственно говоря, у каждой из нас за плечами аэроклуб. Но и только, больше никакого опыта. А ведь в полку все летчицы — бывшие инструкторы и опытные пилоты.

...Внизу под крылом проплывает широкая лента Кубани. Станица в светлых клубах цветущих деревьев. И мне кажется, что даже здесь, на высоте трехсот метров, я чувствую запах яблоневого цвета.

Изредка мигает на земле посадочное «Т» из электролампочек. Надолго включать его нельзя: летают немецкие самолеты.

— Можно на посадку, — говорит Сима Амосова. Сегодня она долго проверяла меня, заставив проделать почти все, что я умела.

Я делаю разворот, и тонкий серп месяца уплывает в сторону. Выводя самолет из разворота, вспоминаю своего инструктора в аэроклубе.

Маленького роста, в черной кожанке; одно ухо шлема — кверху, заправлено под резинку очков, другое — книзу. Бывший летчик-истребитель Касаткин, как большинство инструкторов, считал своим первейшим долгом ругать курсантов во время полета. Когда я запаздывала делать разворот и внизу уже появлялась окраина Киева, он кричал в трубку, как мне казалось, радостным голосом:

— Ну что ты сидишь, как египетская царица?! Разве не видишь — пора разворот делать?

Меня он ругал не так, как ребят. Для меня, единственной в группе девушки (а всего нас в аэроклубе было трое), он выбирал особенные слова. Все-таки он был джентльменом! Но в любом случае он всегда употреблял прилагательное «египетский». Видимо, именно в это слово он вкладывал весь свой запал.

— Разве это «коробочка»? Это же самая настоящая египетская пирамида!

Однако на земле, после посадки, он менял тон и, обращаясь ко мне уже на «вы», спокойно говорил:

— Все хорошо. Так и продолжайте.

А в следующем полете снова с увлечением ругал.

Но, несмотря на то, что Касаткин всячески изощрялся, склоняя слово «египетский», он все же довольно быстро научил меня летать и выпустил в самостоятельный полет в первой десятке.

На фронте, летая штурманом, я часто сама водила самолет: Ира отдавала мне управление. Обычно на цель вела самолет Ира, а обратно — я. Так что ночные полеты не были для меня новостью, и после двухнедельной тренировки я была готова к тому, чтобы справиться со всеми элементами боевого полета.

...Иду на посадку. Когда самолет останавливается, я оборачиваюсь в ожидании замечаний от контролирующей меня Симы. Но она уже на крыле, улыбается, нагнувшись ко мне.

— Поздравляю, товарищ лейтенант! Теперь вы летчик. Разрешаю летать на боевые задания.

Я не сразу нахожу, что ответить. Не верится, что уже на следующий день я буду смотреть на цель из передней кабины, буду сама сражаться с прожекторами... Я с благодарностью смотрю на Симу — это она поддержала нас, штурманов, когда мы попросили командира полка разрешить нам тренировки. Она энергично взялась за короткий срок сделать из нас летчиков. Мне хочется обнять и расцеловать ее, но субординация не позволяет: Сима Амосова — заместитель командира полка по летной части. И я только отвечаю радостно и, конечно, не по уставу:

— Спасибо...

Легко спрыгнув с крыла, Сима дает знак заруливать на сто-

янку. От избытка чувств я срываю самолет с места и рулю так быстро, что Валя, техник, сердито кричит на меня и грозит мне кулаком...

А РЕЧКА МАЛЕНЬКАЯ...

Сразу за станицей пруд, поросший камышом. Каждый вечер мы слушаем лягушечьи концерты. Кваканье разносится по всей станице. Даже на аэродроме слышно звонкое пение лягушек, и только шум мотора, работающего на полной мощности, заглушает его.

В стройном хоре без труда различаешь отдельные голоса. Почти ни одна из лягушек не квакает в буквальном смысле слова. Они что-то выкрикивают, каждая свое.

«Пи-ва! Пи-ва!»

«Курро-Сиво! Курро-Сиво!»

«Тё-ть! Тё-ть! Тё-ть!»

Уже стемнело. Скоро одиннадцать. Но кажется, что еще рано, потому что небо светлое. Луна плывет высоко-высоко. На ней отчетливо видны темноватые пятна, похожие на земные материки.

Сегодня я впервые поведу самолет на цель, как летчик. И Жека Жигуленко тоже. Мы с ней вместе шли на аэродром, но об этом никто из нас не обмолвился ни словом. Пусть будет все, как всегда... Как раньше.

На старте, как обычно, все заняты своими делами. Получив боевую задачу, летчики расходятся по самолетам.

Я иду к своей «шестерке», и девушки на прощание желают мне удачи — кто улыбкой, кто кивком головы или приветственным взмахом руки.

— Распадается, распадается благородное штурманское словце, — говорит штурман полка Женя Руднева. Она сегодня «вывозит» меня.

— Ничего. Новые, свежие силы волеются в славную штурманскую семью, — отвечала я в том же тоне.

Действительно, с прибытием в полк группы летчиц, так называемого «пополнения», стала остро чувствоваться нехватка штурманов. После того как в феврале нам присвоили гвардейское звание, в полку стало четыре эскадрильи вместо двух.

И если к нам присылали женщин-летчиц, работавших инструкторами в аэроклубах, и даже техников, то штурманов взять было неоткуда: их просто не было. Тогда Женя Руднева организовала внутриполковой «университет»: девушки из вооруженцев и кое-кто из техников стали изучать штурманское дело. Преподавала сама Женя и лучшие штурманы полка. Девушки, которых обучала Женя, души в ней не чаяли. Занимались с энтузиазмом, ходили за ней по пятам...

Еще некоторое время орут, перебивая друг друга, лягушки. Потом кваканье сменяется фырканием и рычанием моторов.

Я взлетаю. Мы с Женей летим бомбить немецкую технику в населенном пункте. И Женя, как штурман, говорит мне все то, что я всегда говорила своему летчику. И я слушаю ее так, будто все это мне неизвестно...

Вот и цель впереди. Обыкновенная. Ничего особенного. Я уже бомбила ее раньше, она мне хорошо знакома. И все же сегодня она выглядит по-другому. Населенный пункт разросся, небольшая речушка со светлым песчаным руслом кажется огромной рекой, а лесок за ней вдруг стал больше и темнее.

Я знаю, сейчас зажгутся прожекторы. Их здесь четыре. И пулеметы начнут стрелять. Но мы уже почти над целью, а они молчат. И я начинаю нервничать...

Наконец зажглись. Застрочили пулеметы — все так, как и должно быть. Женя спокойно направляет самолет на цель, бомбит, уводит меня от пулеметных трасс. Мы даже выходим из лучей. Сами.

Я оглядываюсь: нет, все-таки речка совсем маленькая, а лесок такой же, как и был...

— Ну, теперь ты летчик обстрелянный, настоящий летчик, — громко смеется Женя.

...В следующую ночь мы бомбили переправу. Сплошная облачность заставляла нас лететь на высоте ниже восьмисот метров. В небе — ни звездочки. Внизу темнела Кубань. Неподалеку от линии фронта горели пожары, и в воздухе стояла дымка. Красноватые отблески лежали на темных клубах туч.

Когда прожекторы поймали самолет, зенитные пулеметы обрушили на него весь свой огонь. Женя спокойным голосом говорила что-то, а мне казалось, что нам уже не выбраться... В самый неподходящий момент мне вдруг страшно захотелось

узнать, что будет через пять минут. Будет ли мой «ПО-2» лететь с курсом домой или...

Мы вернулись домой. И еще два раза слетали на цель.

А утром после боевой ночи я никак не могла уснуть. Тогда я взяла карандаш...

...Не скоро кончится война,
не скоро смолкнет гром зениток.
Над переправой — тишина,
и небо тучами закрыто.

Зовет мотор: вперед, скорей,
лети, врезаясь в темень ночи!
Огонь немецких батарей
как никогда предельно точен.

Еще минута — и тогда
взорвется тьма слепящим светом...
Но, может быть, спустя года
во сне увижу я все это.

Войну и ночь. И свой полет.
Внизу — пожаров свет кровавый.
И одинокий самолет
среди огня над переправой.

*«ГОЛУБАЯ
ЛИНИЯ»*

УБИТА НАД ЦЕЛЬЮ

Доложив командиру полка о выполнении задания, я уже хотела уходить, но задержалась на старте. В воздухе вспыхнула и медленно погасла красная ракета. Сигнал бедствия.

На посадку заходил самолет. Не зажигая навигационных огней, без обычного круга над аэродромом.

Бершанская нахмурила брови: что-то случилось.

— Пржектор! — распорядилась она.

И сразу посадочная полоса залилась мягким, рассеянным светом.

Самолет снижался неуверенно. Далеко от посадочных знаков. Слишком далеко. В свете луча был отчетливо виден белый номер на хвосте. «Тройка». «Это вернулась Дуся Носаль», — подумала я.

Командир полка вынула папиросу и стала машинально чиркать зажигалкой, продолжая смотреть на самолет. Папироса в руке смялась, но Бершанская не замечала этого. С тревогой она следила за приземлением самолета.

Почти у самого края аэродрома он тяжело стукнулся колесами о землю, пробежал немного и остановился. Видимо, летчик не собирался рулить к старту.

— «Санитарка»! Быстро! — хрипловатым голосом крикнула Бершанская.

Машина с красным крестом уже ехала через аэродром. Все бросились на посадочную полосу.

Когда я подбежала к самолету, Дусю вынимали из кабины. Ее положили на носилки. Сняли шлем с головы. Неподвижно, неестественно согнувшись, лежала она на носилках, поставленных прямо на землю. Свет прожектора падал на безжизненное лицо. На виске темнело пятно.

«Зачем ее так положили? Ей же очень неудобно... — подумала я. — Зачем ее так положили?» Эта мысль не давала мне покоя. Я не хотела, я отказывалась понимать, что теперь это не имеет значения.

Подошла Бершанская. Штурман Глаша Каширина шагнула ей навстречу.

— Товарищ командир... задание выполнено. — Она глотнула воздух и шепотом добавила: — Летчик... Дуся... убита.

Я смотрела на Дусю. Казалось странным, что она никогда не поднимется, даже не пошевелится...

Прожектор погас, и только луна освещала голубоватым светом ее лицо. Белела цигейка отвернутого борта комбинезона. Светлели пятнистые унты из собачьего меха. Трехцветные — из рыжих, белых и черных пятен. В полку только у Дуси были такие, и она хвасталась, что поэтому ей всегда везет...

Рядом стоял Дусин самолет. Прозрачный козырек в передней кабине был пробит. Снаряд прошел через плексиглас, оставив в нем круглое отверстие, и разорвался в кабине.

На следующий день Глаша рассказала, как это случилось.

Они уже взяли обратный курс, чтобы лететь домой, когда справа, чуть выше, на фоне луны мелькнула тень. Глаша успела различить двухфюзеляжный немецкий самолет. Он пролетел и тут же исчез. Сказав об этом Дусе, она стала еще внимательней смотреть по сторонам. Дуся тоже вертела головой.

Справа под крылом поблескивала Цемесская бухта. На берегу, раскинувшись большим полукругом, светлел Новороссийск. Время от времени над «Малой землей», плавным уступом вдающейся в море, желтоватым светом вспыхивали «фонари» и, оставаясь висеть в воздухе, освещали позиции наших войск. Вражеские самолеты бомбили прямо по траншеям...

И все-таки немецкий летчик увидел их раньше. Он атаковал «ПО-2» спереди, спикировав на освещенный луной самолет. На мгновение яркая вспышка ослепила Глашу, и в тот же момент темная громада, закрыв собой небо, с шумом промчалась над ними. Глаша сразу поняла, что означала эта вспышка. Она окликнула Дусю. Раз, второй, третий...

Дуся не отвечала. Голова ее была опущена на правый борт, как будто она разглядывала что-то внизу, на земле. Но так странно опущена... Лбом она упиралась в борт...

Поднявшись с кресла в своей кабине, Глаша протянула руку вперед, к Дусе, тронула ее за плечо, затормозила, затрясла... Дусина голова беспомощно закачалась и ткнулась в приборную доску.

Глаша почувствовала, как от ужаса холодеет сердце. Неужели... неужели убита?!

Тем временем самолет, опустив нос, разворачивался, набирая скорость. Когда Глаша взялась за ручку управления, оказалось, что двигать ею почти невозможно: тело Дуси осело вниз, надавив на ручку.

Глаша встала во весь рост, перегнулась через козырек кабины подальше вперед и, захватив руками меховой воротник Дусиного комбинезона, с силой потянула его кверху, приподняв отяжелевшее тело. Руки стали липкими... Совершенно спокойно она вытерла их о свой комбинезон. С этого момента чувства ее притупились. Она знала, что нужно делать и как поступать. Все же остальное ее как будто не касалось...

Перед самой войной Глаша училась летать в аэроклубе. Теперь это ей пригодилось.

Она с трудом вела самолет. Тело Дуси сползало вниз, и время от времени Глаша вставала и подтягивала его кверху, чтобы высвободить управление. Она летела, как во сне. Ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим...

Точно такое же чувство она испытывала, когда вместе с Соней Озерковой, инженером полка, выбиралась из окружения. В то время она была механиком самолета. Прошло восемь месяцев, и многое изменилось: Глаша стала штурманом. С Дусей она полетела на задание впервые. И вот теперь возвращалась с ней, с мертвой...

Дусю убили... Неужели убили?!

Дуся... Лучший летчик в полку. Своенравная и резкая, веселая, остроумная, жизнерадостная... Таких или любят, или нет, но равнодушными к таким не остаются.

Время тянулось медленно. Рядом с самолетом бежала луна. Та самая луна, которая провожала их до самой цели и потом так предательски осветила самолет. Но теперь она немного отстала и держалась на некотором расстоянии, поглядывая на самолет издали, как будто боялась к нему приблизиться.

Увидев знакомые огоньки аэродрома, Глаша словно очнулась от сна. Волнуясь, дрожащими руками она зарядила ракетницу. Ракету... Красную ракету... Предстояло самое трудное — посадить самолет. Сможет ли она?.. Двинуть ручку управления на себя было невозможно...

Убрав газ, Глаша планировала на посадочную полосу, освещенную прожектором...

Утром после трагической ночи, когда кончились полеты, Бершанская сказала Ире:

— Себрова, перегоните самолет Носаль на основную точку.

Ирии самолет требовал небольшого ремонта, и его решили оставить здесь, на аэродроме «подскока», куда мы прилетали ежедневно для боевой работы.

— Есть! — ответила Ира, и мы пошли туда, где отдельно от других стоял Дусин самолет.

Провожая Иру, я задержалась на крыле, и мне бросилась в глаза забрызганная кровью фотография на приборной доске. На меня смотрел чубатый парень с орлиным носом и решительным ртом. В форме летчика, с петлицами. Это был Грыцько, Дусин муж.

И я вспомнила, как попала сюда эта фотография. После того как однажды в полете из отверстия на приборной доске вылез мышонок и страшно напугал Дусю, она решила заклеить отверстие. Потом ей пришла в голову мысль закрыть его фотографией.

Прикрепляя фото своего Грыця, она в шутливом тоне приговаривала:

— Вот. Пусть! Пусть попробует, что такое война. А то спит себе там, в тылу. А жена должна воевать...

Грыць был инструктором в летной школе на Урале. Он готовил летчиков-истребителей, и его не пускали на фронт. Дуся часто вспоминала его. Они собирались воевать вместе. У них было горе. Большое общее горе...

Только один раз Дуся рассказала нам об этом своем горе. Слишком тяжело было вспоминать.

За несколько дней до начала войны у нее родился сын. В то

время они с Грыцем жили в пограничном городе в Белоруссии. Дуся еще лежала в роддоме, когда рано утром началась бомбежка. Рухнули стены, развалилось здание. Дуся чудом осталась жива. Но она не могла уйти с того места, где еще недавно стоял большой, светлый дом. Там, под обломками, лежал ее сын... Ее оттаскивали силой, а она скребла ногтями землю, цеплялась за камни...

Дуся старалась забыть все это. Она летала, летала и каждую ночь успевала сделать больше боевых вылетов, чем другие. Никто не мог угнаться за ней. Она всегда была первой.

...Через день мы хоронили ее. Она лежала в гробу строгая, с перебинтованной головой. Трудно было сказать, что белее — ее лицо или бинт...

Прозвучал салют. Три залпа из винтовок. Низко-низко пролетели парой краснозвездные истребители. Они покачали крыльями, посылая прощальный привет.

Свежий холмик вырос на окраине станицы. С деревянного памятника смотрела Дуся: темные крылья бровей, внимательный взгляд, упрямый подбородок.

Через несколько дней мы узнали из газет, что Дусе присвоено звание Героя Советского Союза. И кто-то нацарапал на свежей краске памятника: «Евдокия Носаль — летчик-герой»...

РАССКАЖИ, КАК ЦВЕТЕТ МИНДАЛЬ

В палате их было трое. Штурман Хиваз Доспанова лежала с переломом ног. Техник Таня Алексеева уже поднялась после желтухи. У Раи Ароновой никак не затягивалась глубокая рана в бедре.

Одна койка оставалась свободной.

Я навещала их каждый день. Госпиталь размещался недалеко от санатория, куда присылали на короткий отдых летчиков из боевых полков. Здесь, в южном курортном городе, было много солнца и тишины.

Девушки подолгу не отпускали меня, в десятый раз слушая о том, что делается в полку, как течет жизнь за стенами госпиталя, или, как они выражались, «на воле». Когда я входила к ним в комнату, они встречали меня радостными восклицаниями, а Хиваз вместо приветствия говорила, улыбаясь:

— Натусь, расскажи, как цветет миндаль...

И я протягивала ей веточку нежных бледно-розовых цветов. Я специально делала большой крюк по дороге, чтобы сорвать ее.

Хиваз любила расспрашивать о том, высокие ли тут горы, и какие деревья цветут в парке, и можно ли перейти вброд речку... Слушала она с широко раскрытыми глазами, и я была уверена, что она живо представляет себе сиреневые горы, за которыми прячется солнце, и мысленно скачет по камням через узкую бурлящую речку.

Она забрасывала меня вопросами, и я без конца рассказывала обо всем, что знала и видела. Не решалась только сказать о гибели Дуси... Они еще не знали об этом.

Слушая меня, Хиваз вдруг отворачивалась к стенке и потом, быстро повернув голову, смотрела на меня требовательным взглядом.

— Как ты думаешь, буду я летать?

Она не спрашивала, будет ли она ходить. Вероятно, летать и ходить означало для нее одно и то же.

Гибкая и тоненькая Хиваз, всегда такая легкая и стремительная, уже два месяца лежала неподвижно, закованная в гипсовый панцирь от плеч до кончиков пальцев на ногах. Только руки оставались свободными. Ноги были переломаны в нескольких местах — выше и ниже колен. Кости срастались неправильно, их ломали и снова составляли...

Грустно было смотреть на нее. Раньше она никогда не могла усидеть на месте, как ветер носилась по аэродрому, по общежитию, по станице. Всегда спешила что-то узнать, о чем-то рассказать, кого-то разыскать. Появляясь внезапно то здесь, то там с яркой лентой или цветком в волосах, она приносила с собой шум, веселье, суматоху.

Теперь, когда Хиваз спрашивала, будет ли она летать, я отвечала ей, что это зависит только от нее самой. На губах девушки появлялась недоверчивая улыбка, но мой ответ ей, видимо, нравился. Она вздыхала и просила:

— Еще расскажи...

Как-то раз утром я задержалась в санатории: из полка приехали две летчицы. В госпиталь я пришла без цветов. По дороге все время думала, как сообщить девушкам о смерти Дуси, но так ничего и не придумала.

В палате было тихо. Хиваз спала, Рая писала, облокотившись о подушку. Перед ней на тумбочке лежал исписанный листок: письмо от Дуси, полученное всего несколько дней назад.

Когда оно пришло, Дусю уже похоронили. Я подсела к Рае, но ничего не сказала.

Хиваз открыла глаза и, увидев меня, невесело улыбнулась. Я догадалась: снова будут ломать. И с облегчением подумала, что сегодня уж никак нельзя расстраивать ее.

Когда в палату вошла Таня, девушки с любопытством повернули к ней головы. От нее, «ходячей», всегда ждали новостей. Она знала это и старалась полностью оправдать возлагаемые на нее надежды: не было случая, чтобы она не принесла «лежащим» какого-нибудь известия или просто маленькой новости госпитального масштаба.

Перекинув через плечо черпую косу, Таня подняла худую руку и помолчала, выжидая. Она предвкушала удовольствие сообщить что-то новое. Вид у нее был торжествующий, цыганские глаза весело поблескивали.

— Девочки, — сказала она и сделала паузу. — Борода пачал ходить!

— Ур-ра! — закричала Хиваз, моментально приходя в восторг. — Таня, Таня, спляши вместо меня! Нет-нет, я сама!

Она тут же с помощью пальцев и кистей рук изобразила какой-то замысловатый танец.

У летчика, по прозвищу «Борода», были переломы ног, и он долго лежал в гипсе. Хиваз ни разу не видела его, но всегда передавала приветы через Таню. Они были друзьями по несчастью, и все, что касалось Бороды, Хиваз принимала близко к сердцу.

— Это — первое. — Таня снова подняла руку. — А второе...

— Ну!!

Я напряженно ждала: сейчас она скажет о Дусе...

— Второе: к нам привезли Тасю Фокину. Только не волнуйтесь — могло быть хуже. У нее разворотило челюсть при вынужденной посадке.

— Как же это она так? — спросила Рая.

— Кажется, самолет зацепился за дерево. На взлете отказал мотор.

— А где же она? Где? — волновалась Хиваз. — Ты видела ее?

— Видела. Сейчас ее приведут. И еще могу вам сообщить, что послезавтра меня выписывают! Готовьте письма в полк!

— Счастливая!

Таня сияла, ей не терпелось скорее уехать в полк. Нет, она не успела узнать о Дусе. Конечно, рано или поздно девушкам

все равно станет известно. Пусть только не сегодня, когда у Хиваз операция...

Открылась дверь.

— А вот и Тася.

В сопровождении сестры вошла Тася с перебинтованной вдоль и поперек головой, казавшейся неправдоподобно большой.

— Вот вам и четвертая, — сказала сестра и повела ее к свободной койке.

— Привет!

— Здорово!

— Тася, подойди же сюда, я тебя не вижу! — нервничала Хиваз, вертя головой.

Начались расспросы. Почти не двигая ртом, Тася промывчала все полковые новости. Только после этого ее оставили в покое. Но и она ничего не сказала о Дусе. Вероятно, была уверена, что девушки знают о ее трагической гибели.

Взявшись обеими руками за голову, Тася с минуту молча посидела на стуле, потом улеглась на койке, повернувшись лицом к стенке. Она устала и не хотела больше участвовать в разговоре. Слышно было, как она потихоньку кряхтит, чтобы не стонать.

Рая попросила Таню:

— Покарауль у двери. Предупреди, если появится сестра.

Таня вышла, а Рая достала из-под матраца толстую палку, которую там прятала, и, опустив ноги на пол, осторожно встала. Опираясь на палку, медленно прошлась по комнате.

— Больно? — спросила я, видя, что она морщится.

— Понимаешь, ноет все время. Но сколько же можно лежать? И так уже вторую неделю.

Врач еще не разрешал ей ходить, но у Раи была своя теория: ногу нужно упражнять, тогда рана быстрее заживет.

Утомившись, она села на койку и потрогала больное бедро.

— Смешно: почему-то кажется, что одна нога короче другой.

Хиваз смотрела на нее с завистью.

— Вот и тебя скоро выпишут...

Она вздохнула, вероятно подумав о предстоящей операции, и, ни к кому не обращаясь, спросила:

— А я смогу летать?..

Приближалось время обхода врача. Сегодня хирург назначит Хиваз час операции. Обычно он оперирует после обеда.

В раскрытое окно заглядывало солнце. Вместе с легким ве-

терком в комнату врывались запахи весны и тут же смешивались со стойким больничным запахом. Недалеко отсюда высились горы. Цвели деревья. По утрам в долине роз стоял прозрачный туман. Ничего этого девушки не видели. Они только знали название города: Ессентуки.

Я встала, собираясь уходить. Хиваз подняла на меня черные испуганные глаза и тихим капризным голосом протянула:

— Не-ет, не уходи-и...

Она попыталась улыбнуться, словно просила простить ее слабость.

— Расскажи, как... цветет...

Не договорив, она закрыла лицо руками и сказала:

— Иди.

Медленно отступая к двери, я продолжала смотреть на Хиваз. Она лежала, закрыв ладонями лицо, и я не знала, как ее успокоить.

— Я приду, Хиваз... Завтра.

Повернувшись к двери, я чуть не столкнулась с Таней. Она вошла незаметно и стояла тихо, с потухшим, отсутствующим взглядом, опустив голову. Ее лицо, обычно подвижное, окаменело. Все сразу поняли: что-то произошло. Я догадалась: Дуся...

Нерешительно Таня подняла голову, обвела всех взглядом и сказала:

— Дусю Носаль... убили.

— Не может быть! — воскликнула Рая. — Я же ей письмо... Таня повернулась ко мне.

— Это правда. Уже десять дней прошло, — подтвердила я.

На тумбочке еще лежало Дусино письмо. Она подбадривала Раю и Хиваз, обещала прилететь за ними, когда их будут выпишивать из госпиталя.

Рая вдруг рванулась, будто хотела вскочить и немедленно куда-то бежать, но, застонав от боли, осталась сидеть в постели, запрокинув голову и закусив губу. Ее густые темные волосы, собранные в пучок, рассыпались по подушке.

Хиваз ничего не говорила и только в ужасе смотрела на меня. Губы ее подрагивали, будто она хотела что-то сказать, но у нее не получалось. Наконец еле слышно она прошептала:

— Лучше бы меня...

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Они не вернулись в ночь на Первое мая. Их долго ждали, дежурили на аэродроме, но они так и не прилетели.

Праздник был омрачен. Днем десяти летчицам торжественно вручали ордена. Каждая выходила из строя, и командир дивизии поздравлял ее и передавал награду. А два ордена некому было получить, и они остались лежать на столе в красных коробочках...

Прошло три дня, и мы узнали, как все произошло.

...Когда обстрел прекратился, Руфа еще раз оглянулась: на земле, в самом центре развилки дорог, горела автомашина, одна из тех, по которым она бомбила. Темный дым клубился над огнем.

— Посмотри, Леля, машина горит! — сказала она в переговорную трубку.

Но Леля не ответила, и Руфа сразу почувствовала: что-то произошло... Стояла тишина. Такая удивительная тишина, какой в полете не бывает. Эта тишина резала слух.

Она взглянула на мотор: винт замер, широко раскинув неподвижные лопасти. В передней кабине Леля, пытаясь запустить мотор, нагибалась, двигала рычаги, подкачивала заливным шприцем бензин... Винт не двигался. Самолет планировал, теряя высоту, и стрелка высотомера скользила от цифры к цифре в сторону нуля.

Наконец Леля коротко произнесла:

— Все. Не запускается.

— Что, попали в мотор, Леля? — спросила Руфа, хотя и так все было ясно.

— Да. Еще когда ты бомбила.

Включив свет в кабине, Руфа нашла по карте место, где находился самолет, и моментально определила, что до линии фронта не дотянуть.

— Сколько остается до линии фронта? Успеем? — услышала она Лелин голос.

Можно было сразу же уверенно сказать «нет», но так не хотелось произносить это «нет», что она, помедлив, ответила:

— Точно не знаю... Держи курс восемьдесят градусов. Так ближе всего.

— Руфа, скажи мне, сколько минут до линии фронта? — повторила Леля настойчиво.

— Десять.

Внизу, чуть светлея домами и прямыми улицами, проплыла станица. Высота быстро падала. Было ясно: придется садиться на территории, занятой немцами. Обе девушки разглядывали землю, темневшую внизу: черные массивы леса, неширокая бегущая змейкой река, в лесу — серые прогалины, пересекающие массивы под прямыми углами.

Леля предложила выбрать для посадки одну из таких прогалин и, подвернув самолет так, чтобы лететь вдоль нее, продолжала снижение.

— Подсвети у самой земли ракетами, — попросила она.

— Зачем, Леля? Лучше в темноте.

Конечно, ракеты не помогут: все равно на второй круг не уйдешь. А немцы обратят внимание. И Леля не стала настаивать. Пусть — в темноте.

Руфа оторвала взгляд от земли и посмотрела вверх, на звезды, мерцающие в небе, на полосу Млечного Пути над головой. Кто знает, может быть, она никогда больше не увидит ни этих звезд, ни Лелю — ничего...

— Леля, — позвала она, — я хочу... давай с тобой простимся... На всякий случай.

— Глупости! Приготовься к посадке!

Земля приближалась. Самолет летел по центру прогалины, с обеих сторон под крыльями тянулась граница леса. Ухватившись за борта кабины, Руфа следила за тем, как вырастают по бокам темные стены. Ракетницу она все-таки держала наготове. Слева совсем близко мелькнули деревья. Справа... Сейчас — земля. Внезапно — толчок! Машина, резко с треском развернувшись, остановилась, накренившись набок.

Руфа больно стукнулась обо что-то лбом, потеряла ушибленное место и позвала сначала тихо, прислушиваясь к собственному голосу, потом громче:

— Леля! Леля!

Молчание. Поднявшись во весь рост, она увидела, что Леля сидела, уткнувшись головой в приборную доску. Тогда она выбралась из кабины на крыло и стала тормозить подругу.

— Очнись, Леля! Очнись!

Медленно та подняла голову, потрогала рукой.

— Ты сильно ушиблась, да? Ну ответь!

— Дерево... зацепили...

Самолет лежал, накренившись, в каком-то странном положении. Вся левая плоскость была исковеркана и поломана. Шасси подкосилось.

Недалеко в лесу стреляли вверх ракеты. Нужно было спешить. Не их ли это ищут?

— Ты можешь идти, Леля?

— Пойдем, — ответила она, придя в себя и снова превратившись в прежнюю Лелю, которая все может.

Они покинули разбитый самолет и поспешили к реке, протекавшей вблизи от места посадки. Эту речку Руфа отметила еще в воздухе, когда они садились. Там, в кустах, сняли с себя все лишнее и утопили в воде. Остались в гимнастерках. Пистолет у них был один, у Руфы. Она отдала его Леле.

— Возьми. Ты — командир.

Ориентируясь по звездам, девушки пошли на восток. Напрямик, лесом. В темноте по толстому бревну перебрались через овраг и снова долго шли по лесу. Начало светать. К этому времени они уже двигались вдоль дороги на открытом месте. Лес кончился. Днем идти было опасно, и, выбрав в стороне от дороги глубокую воронку от бомбы, они просидели в ней до вечера. Слышали, как мимо прошла группа вражеских солдат. Потом два телефониста, переругиваясь, тянули провода связи. По дороге проезжали машины, мотоциклы.

С наступлением темноты сверху донесся знакомый звук: летели на боевое задание «ПО-2».

— Слышишь? — сказала Руфа.

Они постояли, глядя в вечернее небо, где, постепенно удаляясь, рокотал «ПО-2» — ночной бомбардировщик, такой родной маленький самолетик... Что там думают о них дома?..

Ночью опять шли, а потом ползли. Впереди то и дело взвизгивали вверх ракеты. Там была линия фронта, проходившая вдоль железной дороги.

Вперед продвигались медленно, переползая от кустика к кусту, от воронки к воронке. Иногда перебежали, низко пригибаясь к земле. Все время они старались держаться вместе. Но однажды где-то рядом с ними застрочил пулемет. Это было уже близко от железной дороги. Девушки разбежались в стороны и потеряли друг друга. Долго звали они шепотом и искали одна другую, пока, наконец, не нашли. Обрадовавшись, крепко обнялись, как после продолжительной разлуки.

Когда железная дорога была уже рядом, они притаились в кустах, выжидая удобный момент, чтобы пересечь ее. Раке-

ты, освещавшие дорогу, взлетали вверх методически, через определенные промежутки времени. Выбрав перерыв между вспышками, Леля и Руфа перебежали железнодорожное полотно. Опять раздалась пулеметная очередь. Испугавшись, что их заметили, девушки залегли в низком кустарнике.

Началась перестрелка. Трудно было разобрать, откуда и куда стреляют. Решив, что, видимо, перестрелка не имеет к ним никакого отношения, они, подождав немного, поползли дальше. Вскоре наткнулись на воду. Начинались кубанские плавни, те самые, которые так хорошо всегда видно сверху, с самолета.

Небо бледнело. Наступал рассвет. И снова нужно было переждать светлое время. Они выбрали в плавнях глухое место, заросшее камышом, и уселись на большой коряге, выступающей из воды.

Обе ничего не брали в рот уже вторые сутки.

— Страшно хочется есть...

Руфа вспомнила, что однажды читала, как Бауман в тюрьме потуже затягивал ремень, когда чувствовал сильный голод.

— Леля, затяни ремень как можно туже, — сказала она.

— Зачем?

— Будешь меньше чувствовать голод.

Леля улыбнулась и ничего не ответила. Потом погрустнела и, глядя куда-то в сторону, негромко сказала:

— Сегодня второе мая. Это день моего рождения.

— Правда, Леля? Поздравляю... Ну что же тебе подарить?

Машинально Руфа сунула руку в карман брюк и вдруг обрадованно воскликнула:

— Есть! Есть подарок! Вот!

Она достала два семечка. Два. Больше не было, сколько она ни шарила.

В плавнях они сидели целый день. Изредка неподалеку ухал миномет. Слышна была временами стрельба. По очереди девушки дремали, каждую минуту открывая глаза.

Вокруг них на ветках прыгали птички, их можно было даже потрогать — они не боялись. По-весеннему грело солнце. Зеленые лягушки, зажмурив глаза, сидели на кочках...

Вечером, выбравшись из плавней, они долго шли зарослями, а потом лесом. Случайно наткнувшись на шалаш, замерли в испуге: что делать? В шалаше заговорили по-немецки, и девушки бросились бежать. Только они успели спрятаться за каким-то холмиком, как из шалаша выскочили два немца, прострочили вокруг из автоматов и потом некоторое время еще стояли при-

слушиваясь. Один из них ушел спать, а другой остался караулить. Он то ходил, напевая что-то, то садился, и только к утру, когда начало светать, немец задремал. Тогда девушки осторожно отползли в сторону.

Они снова шли по лесу до тех пор, пока не наступил полный рассвет. А когда стало совсем светло, решили, что одна из них влезет на дерево и посмотрит, далеко ли тянется лес.

На пригорке у оврага стоял ветвистый дуб. Руфа забралась на него и на сплетении толстых веток, в углублении, увидела стреляные гильзы. Здесь сидел разведчик или снайпер. Чей?..

Она хотела уже лезть выше, как вдруг до нее донесся голос Лели:

— Стой! Руки вверх!

Внизу Леля направила дуло пистолета прямо на солдата, который, видимо, поднимался из оврага. Солдат поднял руки. Оружия при нем не было.

— Не двигаться! Отвечай — кто такой?

Тот растерянно смотрел то на Лелю, то на Руфу, спрыгнувшую с дерева. Судя по форме, это был наш, русский солдат. Совсем молодой парень, круглолицый, чем-то похожий на Швейка.

— Ну отвечай! Или я буду стрелять!

— Да я... Тут вот вышел на минуту. Вода там, в овраге...

У девушек отлегло от сердца: свой. Но руку Леля не опустила.

— Где твоя часть?

— Тут, недалечко... За бугром.

Парень то растерянно улыбался, то испуганно таращил глаза, когда Леля сердитым голосом задавала ему вопросы.

— Где немцы?

— Да тут, рядом, за леском... недалечко. — Он головой показал на запад.

— Покажи документы. Ладно, опусти руки.

Солдат порылся в кармане, виновато протянул небольшую книжечку.

— Эх, ты! — сказала Леля. — Что ж ты так? А если б тебя немцы?

— Так я ж вижу — вы свои...

— Свои... А может быть, чужие! Откуда ты знаешь? Ну, води нас к командиру!

В тот же день их привезли в полк.

— Девочки, Леля Санфирова и Руфа Гашева вернулись!

Весть моментально разнеслась по полку. Их обнимали, расспрашивали, поздравляли с наградой. А они, грязные, усталые, похудевшие за эти дни, вяло отвечали на вопросы, через силу улыбались. Им хотелось спать, только спать...

РАЗВЕ ЖЕ Я ДАМ ТЕБЯ В ОБИДУ!

Приближается время выруливать самолеты. Мы идем по ровным зеленым улицам станицы. Из-за деревьев, выглядывают белые домики. В садах, где стоят наши «ПО-2», уже работают механики, расчехляют моторы, готовят самолеты к полетам.

Тихо. В траве перекликаются кузнечики.

— Хорошо, а! — говорит Жека, и в ее глазах отражается закат. Она идет рядом со мной, размахивая тонким прутиком, сбивая на ходу травинки.

На землю уже ложится тень, и только верхушки деревьев еще золотятся, да рыжеватые Жекины волосы ярко пламенют.

— Жека! Жигули! Наша эскадрилья вылетает сегодня первой! — кричит издали Жекин штурман.

— Ладно, еще рано! — отвечает она.

В это время неподалеку слышится тарахтение мотора. На повороте улицы появляются на мотоцикле ребята из соседнего полка. Останавливаются. Жека не может пройти мимо этой техники равнодушно.

— Можно прокатиться? А ну, покажите, как тут управлять.

Ребята охотно объясняют, где и как нажимать.

— Давай? — предлагает она мне.

Мы пробуем по очереди. Сначала ездим на легном поле, где нет никаких препятствий. «Осваиваем» технику. Потом принимаем решение прокатиться вдоль улицы, по станице.

Жека садится за руль, я — сзади верхом. Шум, грохот — весело! Сначала все идет нормально. Но вот Жека разгоняет мотоцикл (надо же порисоваться перед ребятами!). Вдруг из-за угла машина! Жека решает развернуть мотоцикл влево, в переулок. А скорость не убрала. И мотоцикл с большим радиусом разворота скачет через канаву прямо на деревья.

Я успеваю закрыть глаза перед тем, что должно случиться, и чувствую сильный удар: переднее колесо застревает между стволами деревьев. Жека грохается вперед, зацепившись голо-

вой за дерево, а я делаю сальто в воздухе и шлепаюсь о землю спиной. Больно, даже дыхание перехватило. Но мы знаем: на нас смотрят. И поднимаемся, улыбаясь, как будто ничего не произошло, как будто именно это мы и собирались сделать.

Ребята бросаются... к мотоциклу. Нет, он цел.

Хочется сесть и отдышаться. Но уже поздно, нужно идти к своим самолетам. Слышно, как тарахтят запущенные моторы. Кое-кто уже вырывается.

Сначала шагаем молча, переживаем случившееся. Жека трогает огромную шишку на лбу. Потом, посмотрев друг на друга, громко хохочем.

Через час мой самолет уже приближался к району, где сосредоточились части противника. Как ни старалась я подойти к цели неслышно, все равно нас поймали. Широкие цепкие лучи. И как раз в тот момент, когда Лида Лошманова, мой штурман, готовилась бомбить. В кабине стало светло. К самолету потянулись спизу оранжево-красные ленты. Три крупнокалиберных пулемета швыряли вверх огненные шары.

Двадцать секунд я должна была вести самолет по прямой, не сворачивая. Всего двадцать секунд... Пах-пах-пах! Пах... Щелкают оранжевые шарики. Их много. Они будто пляшут вокруг самолета, все теснее окружая его.

— Еще немножко... — говорит Лида.

Я послушно веду самолет. Мы с Лидой еще не привыкли друг к другу, присматриваемся. В полете она спокойна, говорит мало, только самое необходимое. Вообще она мне нравится. У нее продолговатое смуглое лицо и умные, немного грустные глаза.

Пах-пах-пах!.. Земля плывет под нами медленно. Очень медленно. Наконец Лида произнесит:

— Готово.

Бомбы сброшены. И мне странно, что среди этой пляски шаров мы все еще летим... Стреляют кругом. Я швыряю самолет то вправо, то влево, то вниз. Я уже не понимаю, что я делаю, где земля, а где небо. Вижу только блестящие зеркала прожекторов и огненные зайчики, весело бегущие к самолету.

Но почему луна внизу? Ведь это лупа! Я узнаю ее. Немножко на ущербе. Она светила нам всю дорогу... А зеркала в противоположной стороне. Сейчас они вверх. А луна внизу... Значит, самолет в перевернутом положении! Я делаю невооб-

разимый маневр. Сама не понимаю какой. Но все становится на место: луна вверху, зеркала внизу.

Неожиданно рядом с зеркалами несколько ярких вспышек. Взметнулись кверху снопы искр — и лучи погасли. Еще два взрыва. Грохот. Это рвутся бомбы, сброшенные самолетом, который летел следом за нами. Кто-то из девушек выручает меня...

— Наташа, возьми курс пятнадцать градусов, — напоминает Лида.

Да, да, конечно. Я беру курс домой,двигаю ручкой управления: вправо-влево, вперед-назад. Мотор работает, самолет летит. Но все еще не верится, что ничего не произошло.

На земле я выясняю, что это была Жека.

— Так я же знала, что это ты! — говорит она. — Я вылетела почти сразу за тобой.

Она, смеясь, обнимает меня.

— Разве же я дам тебя в обиду!..

ИРИНКА МОЯ, ИРИНКА...

Мы лежим на пригорке, Ира и я.

Горько пахнут степные травы. Отсюда виден край станции, где укрыты в садах самолеты.

Я лежу не шевелясь. Белые облака плывут по небу, словно льдины по реке. Надо мной у самых глаз — ромашка. Она кажется очень большой на тонком стебле. Я легонько пригибаю ромашку книзу. Потом отпускаю. Она, как живая, кивает головкой.

Мы молчим. Я не вижу Иру, но чувствую, что она неспокойна. Ей хочется что-то сказать. Наконец она садится.

— Я пойду, Наташа.

— Еще рано.

Она смотрит на часы.

— Да, рано... Но я все-таки пойду.

Я провожаю ее глазами, пока она не скрывается между самолетами среди деревьев.

Ира, Иринка, Ириночка! Я знаю, отчего ты волнуешься перед полетами. Ты беспокоишься не о себе. Командир нашей эскадрильи Дина Никулина в госпитале. Она тяжело ранена. За эскадрилью отвечаешь ты. Нужно посылать людей на боевое задание. А это не просто. Особенно для тебя с твоим мяг-

ким, деликатным характером. И особенно сейчас, когда в полку почти каждую ночь потери.

На западе вспыхнул закат. Где-то там солнце опускается в Азовское море. А здесь, в станице, верхушки деревьев пылают, будто их кто-то поджег.

Мне вспомнился такой же яркий закат. Первые боевые вылеты. Тогда я летала штурманом. У меня не было постоянного летчика, и мне приходилось часто дежурить по части.

Однажды я собиралась на дежурство. В общежитии было пусто: все ушли на полеты. В то время наш полк летал бомбить переправы на Дону, по которым двигались немецкие войска.

В открытую дверь я вдруг увидела, что в соседней комнате кто-то есть. На койке неподвижно сидела девушка. Ирина! Она тоже не летала: ее самолет был неисправен после аварии.

Я тихонько подошла к ней. Она не шевельнулась. Устремив взгляд куда-то в окно, все смотрела и смотрела в одну точку... Может быть, на красную вишенку, что заглядывала в окно? Или на далекий горизонт, где в поле светлели квадраты ржи? О чем она думала?

Мне всегда нравилась эта скромная, удивительно симпатичная девушка. Ей как-то сразу не повезло, хотя она прекрасно летала. Она чуть не разбилась в Энгельсе в роковую ночь, когда на ее глазах погибли четыре наши девушки. Сама Ирина и ее штурман чудом остались живы. Потом, на фронте, в одном из первых боевых вылетов она повредила на посадке самолет. По натуре очень впечатлительная, она тяжело переживала свои неудачи. И, мне кажется, на какое-то время даже потеряла веру в себя. Впрочем, это чувство неуверенности переживает рано или поздно почти каждый летчик.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь хорошее. Но я не находила нужных слов. Просто стояла рядом и молчала. И вдруг спросила:

— Хочешь... я буду с тобой летать, Ирина?

Я спросила ее так, потому что знала: их экипаж собираются разъединить. Она посмотрела на меня странно, как будто сквозь прозрачное стекло, и отвернулась.

— Не знаю. Мне все равно...

Все равно... Сначала я не знала, как это понять. Потом подумала, что, конечно же, ей должно быть все равно. И в конце концов решила, что это значит — она согласна. Согласна! И я тут же бросилась в штаб.

Мысль о том, чтобы летать с Ирой постоянно, пришла ко мне неожиданно, когда я увидела ее одну, печальную и одинокую. Через минуту я уже сидела перед начальником штаба Ракобольской и с решительным видом готовилась начать разговор.

Умные черные глаза, казалось, заранее читали мои мысли. Она чуть-чуть улыбалась, слушая мою просьбу. Конечно, она все понимала: ведь и она сама — штурман и тоже хотела бы летать! Но Раскова назначила ее начальником штаба. Ее, бывшую студентку, не получившую никакого военного образования. Видимо, здесь был учтен не только большой опыт общественной работы в университете, но и организаторский талант.

Я всегда удивлялась тому, как она, сугубо гражданский человек, смогла так сразу превратиться в начальника штаба, в руках которого находились все нити управления полком. Ее уважали, слушались. Несомненно, ей было трудно. Но мы даже не догадывались об этом. Она вела себя так, будто всю жизнь работала начальником штаба. Ей удавалось быстро, на ходу решать сложные вопросы, исправлять ошибки, учиться...

— Хорошо, — сказала Ракобольская. — Я думаю, мы так и сделаем. Будешь летать с Себровой.

Она ободряюще улыбнулась.

Так у меня появился «свой» летчик — Ира Себрова. Чем ближе я узнавала ее, тем больше она мне нравилась. Душевная мягкость сочеталась в ней с высокой принципиальностью и твердостью характера. С Ириной в одном экипаже я летала около года. Но и потом, когда я стала летчиком, мы были неразлучны. По крайней мере, на земле. Да и в воздухе каждая из нас всегда знала, чувствовала, где находится другая.

Прошел год. Теперь мы летали на Кубани. «Голубая линия» вражеской обороны, которая была так названа потому, что она проходила в основном по рекам от Азовского моря до Черного, оказалась совсем не голубой. Ее с успехом можно было назвать огненной...

...Почти следом за Ирой я спустилась с пригорка. Но у самолетов ее уже не было, она ушла получать боевую задачу для эскадрильи. Вернувшись от командира полка, Ира собрала нас.

— Противник усилил ПВО, укрепив ряд пунктов вдоль линии фронта. Сегодня первые два экипажа должны разведать огневые средства противника. Точно засечь расположение зенитных средств. Пройти вдоль дороги от Крымской...

Она подробно объяснила задание и маршрут. Потом помолчала.

— Разведчиками полетят: я и... — она взглянула на меня, — Наташа.

Улыбнувшись про себя, я подумала, что такая уж она есть, моя Иринка: на опасное задание она должна лететь непременно сама. Ей просто неудобно посылать кого-нибудь другого! Я не в счет, конечно. И когда ей все же приходится посылать и других, она испытывает чувство неловкости перед ними...

Я поднялась в воздух вслед за Ириной. Мы летели порознь, но все время я знала, что она где-то рядом. В стороне зажглись прожекторы, застрочили зенитные пулеметы — это Ира. Наши маршруты пересекались в районе станицы Киевской.

— Наташа, подлетаем к Киевской. Будь внимательна: здесь много зениток, — предупредила меня штурман Полина Гельман.

Впереди вспыхнули прожекторы. Один, два, пять... Белые лучи, как щупальца, вцепились в самолет. Снизу, словно вырываясь из земли, били огненные фонтаны трасс. Скрещиваясь в одной точке, они, казалось, прошивали самолет насквозь. Там были Ира и Женья Рудисева.

Мы с Полиной спешили к ним на помощь. Но что мы могли сделать против этой массы огня? Отвлечь на себя? Частично нам удалось это сделать. Кроме того, у нас еще оставались бомбы. Полина выбрала ближайший прожектор. Прицелившись, бросила бомбы на зеркало. Луч погас. Еще две бомбы она бросила туда, где стоял зенитный пулемет.

Мы были совсем рядом с Ирой. Видели, как ее самолет кувыркается в лучах. Внезапно он пошел вниз, вниз... И мы потеряли его: он исчез в черноте ночи.

Назад мы летели молча. Что с Ирой? Почему падал самолет? Я спешила, выжимая из мотора все возможное. Спешила, словно она ждала меня на земле. Но Иры на аэродроме не было. Время тянулось медленно. Я уже готова была поверить в самое страшное, как вдруг до моего слуха донесся едва различимый звук. Рокот мотора все ближе, ближе... Летел «ПО-2».

Через несколько минут мы с Полиной бежали навстречу рулившему самолету. Я вскочила на крыло.

— Иринка! Женья! Вы прилетели!

Ира удивилась.

— Ну да. А как же иначе! Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего... Просто я видела ваш самолет в лучах, а потом потеряла. Это было над Киевской.

— Над Киевской? Да, нас там немножко обстреляли.

Ира была спокойна. Она даже не подозревала, что мы так волновались.

— Да-да, мы с Полиной видели. Но теперь все хорошо, все очень хорошо...

Голос у меня задрожал. Я спрыгнула на землю.

Девушки ушли докладывать командиру полка, а я отошла в сторону, в темноту. Хотелось немного побыть одной.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Солнечный летний день. С утра весь полк взбудоражен. Большое событие — нам вручают гвардейское знамя. Уже четыре месяца, как мы гвардейцы, — и наконец торжественная церемония вручения. В штабе мне объявили, что приказом меня назначили знаменосцем полка. Значит, я должна буду нести гвардейское знамя. Как я справлюсь?

Наглаживаемся и причесываемся самым тщательным образом. И, конечно, надеваем юбки. Хочется хоть на один день снова приобрести свой естественный вид. Правда, на ногах — сапоги. Туфель ни у кого нет, но не беда!

К нам на праздник приехали девушки из «сестринского» полка. Они летают днем на пикирующих бомбардировщиках. Здесь же, на Кубани. Теперь их полк носит имя Марины Расковой. Все мы радуемся вместе и, конечно, вспоминаем ее, Раскову. Вспоминаем, как ей хотелось видеть нас гвардейцами...

Церемония вручения знамени происходит на большой поляне возле пруда. Весь личный состав полка стоит в строю, по эскадрильям. Наступает торжественный момент. Командующий 4-й Воздушной армией Вершинин читает Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Хором мы повторяем клятву гвардейцев.

— Клянемся! — разносится далеко за пределы поляны.

И где-то в овраге гулко отдается эхо:

«...немся!»

Наш командир Бершанская принимает знамя. Она становится на колено и целует край знамени, опушенный золотой бахромой. Затем она передает гвардейское знамя мне, знаменосцу. Вместе со мной два ассистента: штурман Глаша Каширина и техник Катя Титова.

Знамя большое, ветер колышет тяжелое полотнище, и меня качает вместе со знаменем. Я еще не знаю, как с ним обращаться, но крепко держу древко. Это знамя мне теперь нести до конца войны.

Играет духовой оркестр. Радостное волнение охватывает меня, и я поглядываю на девчат: у всех настроение приподнятое, они чувствуют то же, что и я.

Проносим знамя вдоль строя. Впереди широким шагом идет Бершанская, за ней еле успеваем мы. Я чуть наклоняю древко вперед. Алый шелк с портретом Ленина развевается на ветру...

МНЕ СНИТСЯ СНЫ

Опять мне приснился сон. Этот сон мне часто снится. После той ночи, когда я впервые увидела, как в воздухе горит самолет.

А может быть, и нет.

Может быть, он приснился только один раз, но запомнился навсегда. И только во сне мне казалось, что я уже видела его раньше...

Начинается он с картины бешено мчащихся всадников. Где-то далеко на горизонте. Силуэты людей и коней ярко-синие, а фон — оранжево-красный. Как зарево. Потом я различаю, что это пожар. Пляшут языки пламени, клубится красная пыль. Кони несутся лавиной. Их много, они приближаются, вырастают в огромные черные фигуры и, сливаясь, сплошь закрывают яркий фон. Я слышу громкий храп и топот копыт и просыпаюсь в ужасе...

...До цели оставалось лететь еще несколько минут, когда впереди зажглись прожекторы. Те самые пять прожекторов, которые ловили нас в каждом полете. Зажглись — и сразу поймали самолет, который находился над целью. Мы с Лидой видели, как он барахтается в лучах, пытаюсь выскользнуть из перекрестья.

— Ты не помнишь, кто вылетел перед нами? — спросила я Лиду.

— Кажется, Рая Аронова. А может быть, и нет.

В эту ночь мы летели на цель третий раз, а уже после первого вылета очередность обычно нарушалась.

Лучи, разрезая темноту, освещали самолет, и он казался светлым серебристым мотыльком, запутавшимся в паутине.

— Что это они не стреляют? Держат, а не стреляют..

«Они» — это немцы. В самом деле, с земли по самолету не стреляли. Просто держали в лучах. Здесь были зенитки, несколько крупнокалиберных пулеметов, но все они молчали. Самолет медленно летел, оставаясь в перекрестье, и паутина лучей шевелилась.

Скоро все выяснилось. В воздухе неподалеку от «ПО-2» мелькнула тень и вспыхнула желтая ракета. Такие ракеты были только у немцев. Что-то блеснуло в луче прожектора, и в направлении самолета цепочкой побежали сверху голубоватые огоньки — трассирующие пули.

Истребитель! Фашистский истребитель вышел на охоту за нашими «ПО-2». Так вот почему молчат зенитки! Они боятся поразить свой самолет и отдают «ПО-2» на расправу истребителю. А тот спокойно расстреливает наши тихоходные самолеты, попавшие в лучи: лучшей мишени не придумаешь!

Снова побежали голубоватые огоньки — трассирующей лентой прямо в перекрестье лучей. Внизу разорвались бомбы — это по цели отбомбился «ПО-2». Лучи упрямо гели его, и вдруг я заметила на самолете яркую точку. Точка росла, становилась ярче... Огоны!

— Наташа, что это?! Они горят!..

Пламя охватило весь самолет. Он стал падать, оставляя за собой светлую извилистую полоску дыма... Отвалилось горящее крыло. Вспыхнули один за другим огоньки — красные, зеленые. Это рвались ракеты в кабине штурмана.

Кто же это? Кто?

Меня охватила мелкая дрожь. Как в ознобе, застучали зубы... Что-то говорила Лида, но я не слушала ее, не отвечала. Я смотрела, как все ниже и ниже опускался пылающий комок. Коснувшись земли, он взметнулся кверху снопом искр — и замер. Небольшой костер на земле — вот и все, что осталось от самолета...

Прожекторы выключились один за другим. Стало темно. Еще минуты две — и они снова зажгутся. На этот раз, чтобы схватить нас.

Наш самолет приближался к одному из наиболее укрепленных районов «Голубой линии»...

Нет, нельзя же так! Нужно что-то придумать! Не лезть же самим в раскрытую пасть...

Мы стали кружиться возле цели, набирая высоту. Потом, осветив цель, с высоты полторы тысячи метров планировали, лавируя между прожекторами. Я продолжала планировать на приглушенном моторе и после того, как Лида сбросила бомбы. Прибор показывал триста метров, когда я включила газ полностью. Мы уходили к линии фронта на малой высоте.

Но что это? За спиной опять светло! На цель пришел следующий самолет. Он не знает об истребителе!.. И невозможно ему сообщить об опасности, и невозможно ничем помочь!

Минута — и он в лучах. Опять молчат зенитки. Все повторяется: вспыхивает желтая ракета «Я — свой», летят цепочкой голубые огоньки — и «ПО-2» горит...

В эту темную ночь сгорели над целью четыре «ПО-2». Восемь девушек: Женя Крутова, Соня Рогова, Аня Высоцкая, Галя Докутович, Валя Полунина, Лена Саликова, Женя Сухокурова и Глаша Каширина.

Я часто вижу сны. Цветные. Наверное, оттого, что мы летаем ночью и остается масса световых впечатлений. Вспышки зенитных разрывов, яркие лучи прожекторов, пожары, цветные ракеты, пулеметные трассы, перестрелка на земле — и все на фоне темной ночи. Это врезается в память, остается надолго.

И после войны мне долго снились цветные сны. А потом все прошло. Сны стали серыми, обычными, без ярких красок...

ТАЛИСМАН

Сквозь плотно запавшиеся окна прорвался узкий солнечный луч. Как живой, заиграл тысячами светлых пылинок. Медленно пополз по одеялу. Это Галина койка.

А Галя не вернулась...

Слышно было, как ворочались на соломенных матрацах девушки. Никто не спал. Полеты были тяжелые.

Солнечный луч двигался дальше. Осветив кусочек стенки, он стал подкрадываться к кукле. Кукла — Галин талисман. Подарок знакомого летчика, который летал на «бостонах».

У куклы было семьдесят три боевых вылета. Она сидела,

прислонясь к подушке, растерянно глядя в пространство. Вдруг неподвижное лицо ее оживилось, засветилось, как будто она вспомнила что-то хорошее. Но луч скользнул дальше — и оно погасло.

Я закрыла глаза. Спать, спать... Вечером снова на полеты.

Ты мой белый, шелковистый,
Не скучай, друг, без меня...

До войны Галя увлекалась прыжками. Это ее стихи о парашюте. Белый, шелковистый...

А Галя сгорела. У нее не было парашюта. Вместо парашютов мы брали дополнительный груз бомб.

Хорошо бы уснуть...

Это случилось вчера. Был обыкновенный вечер, такой, как другие. Поднимая пыль, рулили к центру поля самолеты. Приземистые, похожие на стрекоз «ПО-2» раскачивались на ухабах. Ровный рокочущий гул стоял над аэродромом.

Но вот последний самолет пристроился сбоку к остальным. Мотор фыркнул и умолк. И сразу наступила тишина. Такая густая и липкая, что стало больно ушам и захотелось крикнуть: «А-аа-а!» Казалось, голос твой растает в тишине.

Я громко позвала:

— Галя!

— Чего, Нат?

Галя сидела сзади, в штурманской кабине. Зашелестела бумага.

— Мне показалось, что я оглохла. Но теперь слышу: квакают лягушки, ругаются механики...

— Машина развозит бомбы, кричит дежурный по полетам, — продолжила Галя.

— Ты пишешь? Письмо?

— Нет. Так просто. Пришло кое-что в голову.

— А-аа. Ну, пиши, — сказала я и подумала: «Стихи, наверное».

Она опять зашуршала бумагой — спрятала в планшет.

Я уселась в кабине поудобнее. Запрокинула голову — теперь я видела только небо и кусочек крыла. Можно было отдохнуть, даже вздремнуть: самолет, улетевший в дивизию за боевой задачей, еще не вернулся.

На землю спускались теплые летние сумерки. Очертания самолетов стали нечеткими, расплывчатыми. На небе выступили первые звездочки. словно испугавшись, что появились слишком рано, они слабо мерцали в вышине. Их трудно было увидеть сразу. Но если выбрать небольшой участок неба и долго всматриваться в него, то обязательно найдешь две, три и даже пять неярких серебряных точек.

— На-ат,— сказала Галя,— почему-то мне все еще не верится, что мы полетим вместе. Странно...

Сердце у меня сжалось, словно кто-то сдвинул его и не отпускал.

— Почему? — спросила я. Спросила очень тихо. Я знала, почему.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что ты летчик. Всегда мы были штурманами, и вот теперь... ты... — Голос ее стал тише, и она умолкла совсем.

Мне стало жарко, на лбу выступили капельки пота. Я медленно, стараясь, чтобы Галя не заметила моего волнения, стянула с головы шлем, расстегнула воротник комбинезона.

Уже не в первый раз я испытывала это тягостное чувство. Мне было жаль Галю, до слез обидно за нее. И в то же время я чувствовала себя виноватой, словно отняла у нее самое дорогое, близкое сердцу. Мечту? Может быть.

Нас было пятеро. Пять девушек-штурманов, которые умели управлять самолетом. Все мы хотели стать летчиками. И Галя мечтала об этом. Может быть, больше всех. Но именно ей одной это не удалось.

Несчастный случай. Нелепость. Это произошло ночью между вылетами. Пока механики ставили заплату на пробойне в крыле, Галя прилегла отдохнуть. Она уснула в траве у самолета... Когда ее вынули из-под колес бензозаправщика, никто не надеялся, что она будет жить.

Потом госпиталь. Сломанный позвоночник долго не срастался. Спустя полгода Галя, не долечившись, вернулась в полк. И снова летала. Только о мечте своей больше не говорила.

Некоторое время мы молчали. Я не умела и не пыталась утешать Галю.

От земли, щедро нагретой за день солнцем, поднимался теплый воздух. Неслышными, легкими прикосновениями он успокаивал, и казалось, что погружаешься в мягкую, ласковую волну. Хотелось забыть обо всем и ни о чем не думать.

Только сидеть так, не двигаясь, и ничего не видеть, кроме темного крыла на фоне неба и голубоватого мерцания звезд, чистых, только что родившихся.

Галя заговорила первая:

— Когда я вот так смотрю на звезды, мне кажется, что все уже было раньше... И я жила уже однажды, давным-давно. И вечер был точь-в-точь такой же...

Помолчав немного, она вдруг сказала совсем другим, глуховатым голосом:

— Знаешь, прошел ровно год с тех пор...

— Да. Июль.

— А мне кажется, что все это случилось только вчера.

— Не думай об этом.

— Если бы не ужасная боль по временам. Она мне постоянно напоминает. И так мешает...

— Ты слишком устаешь, Галка. Много летаешь. Так нельзя!

— Нет, я не о том. Я не могу не летать. И не могу простить себе, никак не могу!

— Но ты же не виновата!

— Виновата. Ранение в бою — это одно. А искалечиться просто так, ни за что ни про что — это совсем другое.

— Ты могла бы работать в штабе, — сказала я. — Но сначала все равно нужно вылечить.

— А война? Я бы презирала себя всю жизнь. Другие умирают, а мне ведь только больно.

— Не все умирают. И потом, не обязательно, чтобы летала именно ты...

Я чувствовала, что говорю не то.

— Не надо, Нат, — попросила она.

Да, да, не надо. Все равно она будет летать. Будет, несмотря ни на что.

Описав дугу в полнеба, упала яркая звезда. Еще одна... еще.

— На-ат!

— Да?

— Ты задумала?

— Нет. Не хочется.

— А я задумала...

Спрашивать, какое желание, не полагалось. И мы сидели в своих кабинах, глядя, как темнеет вечернее небо.

Все чаще чья-то невидимая руки чертила по небу в разных

направлениях четкие серебряные линии. Они появлялись неожиданно и тут же бесследно исчезали, внося что-то тревожащее в неподвижную тишину вечера.

Я думала о Гале. Она всегда казалась мне сильной, целеустремленной. Впервые я увидела ее в Москве, еще до войны. Прыгали парашютистки — студентки авиационного института. С неба на зеленый ковер аэродрома опустилась девушка. Высокая, гибкая, она ловко «погасила» парашют, и белый шелк купола упал к ее ногам. Галю окликнули, и она обернулась. Темные, узкого разреза глаза, смуглое красивое лицо. Еще тогда я заметила в ее глазах какое-то особенное выражение радости. Словно сй было известно что-то очень хорошее, от чего растут крылья и удесятятся силы, и словно радость эту она хочет отдать всем.

Да, Галя была удивительной девушкой. А могла бы я вот так же, как она? Переносить эту боль, жить с ней и летать, летать...

Не раз ей предлагали уйти с летной работы. Но она упорно не соглашалась. Однажды, когда командир полка осторожно заговорила с ней на эту тему, Галя пошла на отчаянный шаг.

— Вы думаете, что я не могу летать? Что мне трудно?

Глаза ее лихорадочно заблестели, она неестественно громко засмеялась и воскликнула:

— Смотрите!

Быстро запрокинув руки назад, она согнула колени и сделала «мостик». В первое мгновение все окаменели от неожиданности.

Выпрямившись, Галя стояла бледная как мел и улыбалась. Подбежавшая к ней командир полка смотрела на нее серьезно, нахмутив брови.

— Зачем же ты... так? — тихо сказала она. — Разве я не понимаю?..

Галю отправили в санаторий, но летать разрешили.

Приехала она оттуда счастливая. Привезла с собой куклу — подарок. В Галиной жизни появился Ефимыч, от которого стали приходиться письма.

Когда над нашим аэродромом пролетала на запад девятка «бостонов», все знали: это Ефимыч повел свою эскадрилью.

...Стемнело. Самолета с боевой задачей все еще не было. «ПО-2» стояли в шахматном порядке, готовые к вылету.

Мелькал свет карманных фонариков — механики проверяли заправку горючим.

— В детстве, совсем еще девчонкой, я мечтала о подвигах. И почему-то была уверена, что погибну как-нибудь трагически... Ты слушаешь меня, Нат?

— Да. А теперь?

— Потом все прошло. А сейчас...— Галя помедлила.

— Что сейчас?

— Я иногда опять чувствую себя девчонкой.

— Все это вздор. Через десять лет мы с тобой будем вместе вспоминать этот вечер.

— Не могу себе представить. Странно, почему? Я ведь так легко воображаю себе все, о чем думаю.

— Просто это еще очень не скоро.

— Странно...— повторила Галя.

— А талисман твой? — пошутила я.

— Я не верю в это.

— Кукла с тобой?

— Да. Но я беру ее просто потому, что она от Ефимыча.

— Сегодня пролетали «бостоны». Ты видела?

— Они вернулись без потерь. Всей девяткой.

Мне хотелось поговорить с Галей о рассказе, который она написала в наш полковой литературный журнал. Но что-то останавливало меня. Рассказ назывался «Кукла». О девушке-летчице, погибшей за Родину. После нее осталась только обгорелая кукла-талисман. Ясно, что Галя написала о себе. Зачем она это сделала? Нарочно, чтобы испытать судьбу?

Но я только спросила:

— А он в самом деле такой... хороший, твой Ефимыч? Я прочла рассказ.

Она ответила не сразу.

— Не знаю. Может быть. Но я хочу, чтобы он был таким. Другим я его не представляю.

— А если он все-таки другой?

— Тогда... Нет, это невозможно. Я бы почувствовала.

...Послышался знакомый рокот — это возвращался самолет. Над стартом взмыла ракета. На несколько секунд из темноты вырвались силуэты самолетов, машин, людей. По земле пробежали длинные косые тени и быстро слились вместе. Ракета, рассыпавшись, погасла, оставив в воздухе светлый дымок.

Вскоре мы получили боевую задачу. Сразу на старте все

ожило, задвигалось. Заработали моторы, забегали зайчики фонариков.

Я приготовилась включить мотор, как вдруг кто-то громко позвал:

— Докутович! Галя!

— Здесь! — отозвалась Галя.

К самолету подошла Женя Руднева, штурман полка.

— Минуточку!

Она взобралась на крыло и обратилась сразу к нам обеим:

— Девочки, как вы посмотрите на то, чтобы вас разъединить на сегодня?

— Почему?

— Видишь ли, Галя, летчик Аня Высоцкая из второй эскадрильи просит дать ей более опытного штурмана.

— А у них разве своих нет? — спросила я.

Мне не хотелось отдавать Галю. Да еще в другую эскадрилью.

— Мы уже все прикинули: по-другому менять состав экипажей нельзя. Цель сложная, а у Высоцкой всего два боевых вылета.

— Ну что ж, если так... — сказала Галя и неохотно начала вылезать из кабины.

Женя прыгнула с крыла и ждала ее у самолета.

— Я знаю, Галочка, что не обрадовала тебя. Но нужно. Прошу тебя, будь внимательна. Мне кажется, что Аня чувствует себя не совсем уверенно.

— Хорошо. Не волнуйся.

— Я почему-то боюсь за тебя... — вырвалось у Жени. — Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она смотрела на Галю глазами, полными тревоги. Женя относилась к Гале с большой нежностью и уважением. Она знала, как ей бывает трудно, и все-таки верила в ее необыкновенную силу воли. Пожалуй, в полку она любила ее больше всех.

— Что ты, Женя! Все будет в порядке! — Галя тронула Женю за плечо и улыбнулась. Она уже повернулась, чтобы идти, когда Женя воскликнула:

— Постой, постой, я совсем забыла! Я и обрадовать тебя могу! — и протянула конверт.

Галя взглянула на письмо и спрятала его в планшет.

— Прочту, когда вернусь! — радостно сказала она и на прощание махнула рукой.

Усаживаясь в задней кабине, мой новый штурман удивленно воскликнула:

— Кукла! Какая чудесная! Чья она?

— Галя забыла. Беги скорей, отдай ей!

— Сейчас.— И она, взяв куклу, поспешила к старту, где стоял готовый к взлету самолет.

Через минуту она возвратилась.

— Опоздала! Уже улетела!

— Садись быстрей!

Приближалась наша очередь взлетать. Дежурный подал мне знак выруливать. В это время по взлетной дорожке, рассыпая снопы искр, бежал самолет. Там была Галя.

Самолет долго не хотел отрываться от земли. Но вот он, тяжело рыча, поднялся в воздух. Еще некоторое время были видны голубоватые огоньки выхлопов мотора. Потом ночная тьма поглотила его. Самолет улетел на запад. Туда, где стреляли зенитки, где в небо врезались ослепительно белые лучи прожекторов. Улетел, чтобы никогда больше не вернуться...

...Солнечный луч куда-то исчез. По-прежнему никто не спал. И кукла удивленно смотрела перед собой.

Хорошо бы уснуть...

Ты мой белый, шелковистый,

Не скучай, друг, без меня...

СЕНТЯБРЬ

Пришел сентябрь. Мне двадцать один год.

В этот день льет дождь. Мокрые деревья, мокрые листья. Прямая трава.

За окном — подсолнух. Слегка качается на длинном стебле. Головка опущена и нервно подрагивает. Кажется, что подсолнух живой и кем-то обижен.

На топонькой вишне блестит намокшая кора. Вишня клонится к забору и перебирает слабыми веточками, как руками. Будто хватается за воздух...

Я смотрю, как текут по оконному стеклу струйки воды. Ветер бросает капли в окно, и они дробно стучат, словно бегут наперегонки. И снова тихо.

Стукнулся о стекло большой черный жук. И он мокрый.

Посидел на подоконнике, подвигал рогами и свалился. Куда-то в траву. От ветра.

Грустно. Хочется всплакнуть. Просто так. Чуть-чуть. Потому что осень и беспомощно клонится к забору вишня...

Я прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. Закрываю глаза. И думаю — ни о чем. Тоскливо-тоскливо на душе.

А дождь льет и льет. И дробно стучат в окно капли, стекая вниз прозрачными струйками. И полетов, наверное, не будет. Плохо.

Сами собой приходят стихи:

Дождь стучит по стеклам.
Вечер. Грусть.
Все кругом намокло.
Ну и — пусть!

В тишине шуршащей
легкий стук.
Прогудел летящий
черный жук...

*МОРСКИЕ
ВЕТРЫ*

ДЕСАНТ

Прорвана «Голубая линия» — сильно укрепленная оборонительная полоса, которую немцы удерживали полгода. В октябре 1943 года наши войска полностью освободили Таманский полуостров.

Мы ходим по земле, которую еще вчера называли «территорией, занятой противником», и живем в домиках, где еще вчера жили немецкие солдаты. Это они построили деревянные нары, на которых мы спим. Во дворе дома, как рассказывает хозяйка, стояли зенитки. И конечно, эти зенитки стреляли по нашим самолетам.

Уходя из станицы, немцы заминировали дома. Мины с часовым механизмом. Их еще не успели обезвредить, и мы соблюдаем осторожность: на наших глазах взорвались три дома. К счастью, пустые.

Здесь, в станице Курчанской, мы не задерживаемся. Уже через день перелетаем поближе к Крыму.

...Вот он, Крым! Здесь пока еще враг. Темный выступ Керченского полуострова с перовой линией берега четко выделяется на фоне моря. Он лежит за проливом, распластавшись, как шкура большого зверя. Неподвижный, молчаливый...

Самолет медленно ползет по небу. Скорость — сто двадцать километров в час. Ночная темнота настолько сгустилась, что мне хочется протянуть руку из кабины и потрогать эту черноту...

Линия берега уже под крылом. Тихо. Но скоро все изменится. Едва там, внизу, услышат мой самолет, как сразу включатся десятки прожекторов. Я жду, где вспыхнет первый... Главное, чтоб не схватил сразу.

Включился. Слева. Я немного приглушаю мотор. Второй, третий... Лучи, направленные строго вверх, замирают и так стоят, уткнувшись в небо, как высокие сосны в лесу. Лес прожекторов. Ни один не шелохнется. С земли — ни единого выстрела по самолету. Наверное, это своего рода «психическая обработка». Вообще-то действует: на своих маленьких «ПО-2» мы лезем вверх, повыше... Набрав высоту побольше, планируем на цель, обходя прожекторы. Мотор работает «шепотом», и нас почти не слышно.

Вскоре «психическая обработка» прекратилась. Нас стали встречать зенитным огнем. Просто. Без выкрутасов.

Операция по захвату плацдарма в Крыму началась в ноябре. Первый морской десант оказался неудачным. На море поднялся шторм. Катера, тендеры, мотоботы, на которых под вражеским огнем плыли десантники, разбросало по всему Керченскому проливу, и только немногие из них достигли берега южнее Керчи. Здесь, в районе Эльтигена, десантники закрепились на небольшом участке побережья и держались полтора месяца, отрезанные от основных сил. На своих «ПО-2» мы летали каждую ночь к Эльтигену, снижались над маленькой площадкой у школы и бросали туда мешки с продовольствием, боеприпасами, медикаментами...

При высадке десанта штормом унесло в открытое море поврежденные катера, тендеры. С одного из них приплыли два моряка, просили о помощи...

Мы получили задание — искать тендеры.

Азовское море разбито на квадраты. Воображаемые, конечно. И наши «ПО-2» летают по квадратам.

У меня свой квадрат. Штурман Ниппа Реуцкая внимательно всматривается в море. Делаем развороты под прямым углом. Летим над самой водой — высота не больше тридцати метров. Для хорошего обзора надо бы побольше, но сверху, как огромный пресс, давят на самолет пизкие свинцовые тучи, прижимая его к морю.

— Пора разворачиваться, — говорит Ниппа. — Возьми курс строго на запад.

Теперь мы летим параллельно берегу, где-то километрах в сорока от него.

Сыро. Моросит мелкий дождь. Мы продрогли. А кругом бескрайнее серое море в мелких волнах, от которых рябит в глазах и кружится голова. Берега не видно.

Я смотрю на однообразную поверхность моря и теряю представление о высоте. Мне вдруг кажется, что обычные небольшие волны — это огромные валы, катящиеся по морю, и что я лечу слишком высоко. Нужно бы спуститься ниже. Но я знаю: ниже нельзя, потому что на самом деле мы летим низко.

Проверяю высоту по прибору — все правильно, стрелка высотомера колеблется где-то между цифрами «20» и «30». В голову лезут глупые мысли: чуть отдать от себя ручку управления — и самолет нырнет в воду...

Слышу неуверенный голос штурмана:

— Наташа, вон слева, похоже, что-то темнеет на воде, видишь?

Вглядываюсь, но решительно ничего не вижу. Все же мы летим к тому месту, где Ниппе что-то померещилось. Ничего. Волны, волны. Серое море, серое небо...

Ищем день, два — все напрасно. Никаких признаков хоть какой-нибудь лодчонки. А где-то они ведь есть, пропавшие тендеры. И там люди, без пищи, возможно, раненые.

Мы ищем упорно, настойчиво. Потом оказалось, что их прибило к берегу где-то далеко от того района, в котором мы искали. На тендерах было повреждено управление. Среди десантников многие еще были живы...

Второй десант оказался удачнее. Войска высадились восточнее Керчи и продвинулись с боями на десять километров.

Теперь, когда мы летим бомбить врага, то знаем, что есть внизу кусочек и «нашей» земли. Плацдарм. Несмотря на бомбежку, на артобстрел, его надежно удерживает мор-

ская пехота. Этот плацдарм получил название «Огненная земля».

Не раз наши самолеты, подбитые зенитками, совершали вынужденную посадку на этой земле, отвоеванной у врага.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

В одну из боевых ночей не вернулась из полета Ира, которая улетела на задание со штурманом Ниной Реуцкой. Я дежурила по части и узнала об этом только утром. Никто ничего не мог сказать о них толком, потому что их самолет вылетел последним.

Я ходила сама не своя, не зная, что думать. И вдруг они вернулись, приехав на попутной машине, живые и невредимые, с бледными, осунувшимися лицами.

Потом Ира рассказала подробно, как все произошло. В то время наши войска уже захватили плацдарм на побережье Керченского полуострова, и это спасло девушек.

На востоке чуть рассеивалась ночная мгла, когда Ира, возвращаясь с очередного задания, подлетала к аэродрому. Ближился рассвет.

Зарулив на линию старта, она собиралась выйти из самолета, но увидела, что к ней спешит Бершанская.

— Себрова, может быть, успеете до рассвета слетать еще раз?

Ира думала, что больше не придется. Восемь раз она уже бомбила цель в эту ночь и порядком устала. К тому же в последнем полете ей показалось, что временами мотор работал со стуком. Не мешало бы проверить. Но сказать об этом Бершанской сейчас, когда она стояла и ждала ответа, глядя на нее, Ира не смогла. Командир полка знала, что скоро будет светло, но все же спрашивала. Значит, надо было. Скажи ей Ира о моторе, и она бы немедленно запретила лететь. Но для проверки работы мотора потребовалось бы время, а каждая минута была дорога...

— Хорошо,—ответила она, чувствуя себя неловко, будто в чем-то провинилась. Ей показалось, что она даже покраснела.

— Как работал мотор? Нормально? — спросила техник Люба Пономарева, заливая в бак горючее.

Бензин широкой струей лился в горловину из шланга, тихонько шумел бензозаправщик, работая на малом газу, и, немного поколебавшись, Ира решила не отвечать Любе, сделав вид, что не расслышала вопроса.

— Бомбы подвешены! — крикнула девушка из небольшой стайки вооруженцев, которые теперь уже не спеша отходили от самолета: они кончили свою работу.

— К запуску!

Проворная Люба уже стояла у винта. Прокрутив его, она крикнула, отбегая в сторону:

— Контакт!

Через минуту самолет бежал по полю навстречу занимавшейся заре.

Иринины опасения относительно мотора оправдались. Снова появился стук, но мотор тянул, и она решила идти к цели. На востоке, там, откуда должно было появиться солнце, светились розовые полосы над темным, в тучах горизонтом, а на западе еще оставалась ночь. От смещения тьмы и света в воздухе висела туманная мгла. Но с каждой минутой становилось все светлее...

Зенитки открыли огонь с запозданием. Видимо, не ждали такого позднего посещения. Они стреляли точно: разрывы окружили самолет. После каждой вспышки в небе оставался висеть темный дымок...

Отбомбившись, Ира взяла курс на восток. Наконец обстрел прекратился. Стало тихо-тихо. Совсем тихо, потому что мотор молчал. И неизвестно было, сам ли он остановился или же в него попал осколок. Громко затикали часы в кабине... Потом Ира почувствовала резкий запах бензина — вытекало горючее. Значит, все-таки осколок...

К счастью, линия фронта была близко.

— Будем садиться, — сказала Ира как можно спокойнее. Ей не хотелось пугать Нину, которой еще ни разу не приходилось садиться на вынужденную.

— А куда... садиться? — упавшим голосом спросила Нина.

Действительно, здесь, на небольшом клочке земли, который удерживали под Керчью наши войска, невозможно было найти площадку для безопасного приземления. Изрытая земля, вся в ямах и воронках, в колючей проволоке и надолбах, насквозь простреленная, израненная...

Самолет снижался в серую мглу, в неизвестность. Девушки внимательно разглядывали землю, но так и не смогли выбрать места для посадки. Высота падала, па горизонте и по сторонам вырастали горы, и обем казалось, что они опускаются в глубокий темный колодец.

Последние метры... Впереди Ира увидела черную массу, падвигавшуюся прямо на самолет. Пронеслась мысль: «Сейчас врежемся...» И колеса коснулись земли. Короткая пробежка — и самолет, круто развернувшись, уткнулся носом в землю. Правое колесо попало в воронку. Это было спасением: до крутого холма впереди оставались считанные метры.

Откуда-то появилась машина, из нее выскочили два солдата, спросили у девушек, не ранены ли, указали направление к пристани и уехали. На ходу крикнули:

— Не задерживайтесь: катер уйдет! Скоро начнется бомбежка!

Уже совсем рассвело. Осмотревшись, девушки молча переглянулись, пораженные тем, что увидели. Нет, им просто повезло... Рядом с самолетом лежал на боку танк со свастикой. С другой стороны были танковые заграждения, сзади — телеграфные столбы, за ними — разбитый истребитель.

Захватив с собой спасательные жилеты, которые выдавались на случай падения в море, Ира и Нина пошли к берегу. Там комендант пристани пристроил их на переполненный катер, который готовился к отплытию на Большую землю. Усталый, небритый, с воспаленными глазами, он нервничал, то и дело поглядывая на часы и торопя капитана катера: надо было успеть переплыть пролив до начала бомбежки. Авиация противника ежедневно по нескольку раз методично бомбила наш плацдарм на полуострове и пролив, не давая возможности подвозить подкрепления высадившимся в Крыму десанникам.

Наконец катер в море. Он до отказа забит ранеными. Под брезентом — убитые, умершие от ран. И снова Ира почувствовала себя неловко: ведь только они вдвоем тут здоровые...

Один из раненых слабым голосом обратился к Ире:

— Девчата... из полка... Бершанской?

— Да.

— А... что?.. — Он чуть повел глазами в сторону Крыма. Ему трудно было говорить.

Ира догадалась.

— Да вот пришлось сесть там, в Крыму. Подбили нас. Теперь возвращаемся в полк.

— А-а-а... Пономареву... Любу знаете?.. Механиком она...

— Любу? Конечно, знаем! А кем она вам приходится?

— Сестренка... родная... Привет... скажите: видели...

Он задергал верхней губой, хотел улыбнуться. Губы у него были сухие, запекшиеся.

— Она к вам обязательно приедет. Куда вас положат, в госпиталь? Тут есть близко, в Фонталовской.

— Да... в живот... Не успею я...

Он устало закрыл глаза. Одними губами попросил:

— Пить...

Но воды не оказалось. Раненых было много. Они сидели, лежали, тихо стонали. Два санитар, измотавшись при погрузке, дремали, изредка поглядывая в сторону Крыма. Капитан тоже посматривал на небо, ожидая налета.

Большой участок пролива был заминирован, и катер плыл не напрямик, а по кривой. До причала оставалось уже несколько десятков метров, когда послышался нарастающий гул бомбардировщиков. Через минуту весь пролив покрылся водяными столбами. Бомбы рвались и на берегу.

Под грохот взрывов катер причалил, и все, кто в состоянии был двигаться, бежали, шли и даже ползли на берег, укрываясь в воронках. Только тяжелораненные остались на катере... Остался и Любин брат.

Ира и Нина пересидели бомбежку в глубокой яме. Бомбы рвались совсем близко, оглушая свистом и грохотом. Осколки и песок сыпались сверху в яму. Когда самолеты улетели, они выбрались, отряхиваясь, наверх и сразу увидели, что на том месте, где еще недавно покачивался на воде катер, было пусто, только обломки плавали да какие-то непонятные предметы... На берегу кто-то истерически кричал и лез в воду...

Спустя час девушки ехали в полк на попутной машине. Ира никак не могла забыть Любиного брата, его усталого, серого лица и тихо покачивающиеся на море обломки... Как сказать Любе? Эта мысль не выходила из головы.

Она рассказала ей сразу же. Люба не заплакала, только ушла к морю и долго сидела там одна на берегу.

А вечером Ира снова полетела на задание. На резервном самолете. И Люба провожала ее в полет.

Ночью немцы бомбили аэродром «братцев». Леша Громов был дежурным по полетам. Все, кто находился на старте, бросились рассредоточивать самолеты. А бомбы падали, и дрожала земля от взрывов.

После короткого перерыва снова бомбежка. Ребята прятались в воронках.

Спасая самолеты, Леша бегал по полю и прыгнул в воронку слишком поздно: его ранило осколками... Ранило тяжело.

Всех пострадавших увезли в Краснодар, в госпиталь.

На следующий день, когда стало известно о несчастье в «братском» полку, я полетела в Краснодар. Заодно мне дали какое-то поручение.

Приземлившись на большом аэродроме, я порулила в ту сторону, где на краю поля стояли брезентовые палатки с красным крестом. Там я надеялась узнать, куда увезли раненых. Оказалось, они были еще здесь, в палатках.

Почти все ребята были ранены сравнительно легко. И только у Леши серьезное ранение. В руку и поясницу. Он лежал на животе и не мог ни поворачиваться, ни даже шевелиться. Бледный, с огромными глазами, глубоко запавшими, он приподнял с подушки голову и попытался улыбнуться.

— Леша... Как ты чувствуешь себя?

Я присела на корточки, чтобы ему не нужно было поднимать голову.

— Ничего... Все будет в порядке.

— Сильно тебя?.. Тебе очень больно?

Вопросы были глупые. Я и так видела, что ему плохо и он сдерживается, чтобы не стонать. На лбу у него бисером выступили капельки пота. Мне хотелось плакать. Почему их тут держат, не везут в госпиталь? Говорят, что там все переполнено, но к вечеру будут места...

Я смотрела на Лешу глазами, полными слез. Еще недавно мы с ним ходили по обрывистому берегу, слушали рокот моря. Радовались, что освобожден наш Киев. И вот лежит он передо мной неподвижно, сильный, большой Лешка, лежит с глубокой раной, совсем беспомощный, и старается делать вид, что ничего серьезного нет. Даже пытается улыбнуться...

— Ты... не смотри на меня... так...

Я проглотила слезы, но губы мои задрожали, когда я попробовала что-то произнести.

Леша заметил и стал успокаивать меня:

— Не надо... Что ты? Лешка еще летать будет. Как ты...

Я знала: он тренировался, чтобы стать летчиком. Он не хотел отставать от меня.

— Ну конечно, будешь. Только выздоравливай.

Он прикрыл глаза. Ему трудно было напрягаться. Я наклонилась к нему и поцеловала в холодный лоб.

— Наташенька...

— Я прилечу к тебе, Леша. Держись... Поправляйся.

— До свидания. До скорой встречи.

— До скорой...

Но прилететь к нему мне не удалось. Шло наступление, мы много летали. А через некоторое время мне сказали, что Леша умер. От гангрены. Рана оказалась слишком глубокой: были повреждены внутренние органы.

До последнего вздоха он находился в сознании и говорил обо мне... Он знал, что умирает.

— Был Лешка, и нет его...— повторял он. Лежа на животе и повернув голову набок, он все смотрел и смотрел на кусочек синего неба, где, он знал, ему никогда уже не бывать.

Его похоронили на краю аэродрома, где находилось небольшое кладбище. Здесь хоронили летчиков.

Потом я летала в Краснодар опять. На простой деревянной пирамиде была прикреплена его фотография.

Я долго стояла над могилой и смотрела на размытые дождями черты Лешиного лица...

ЦЕЛЬ — БАГЕРОВО

Багерово — небольшая железнодорожная станция к западу от Керчи. Сюда приходили немецкие эшелоны. Они подвозили к фронту оружие, снаряды, подкрепления.

Мы уже не раз летали на эту цель и знали, что бомбить ее не просто. Стоило только нашему «ПО-2» приблизиться к станции, как сразу же включались прожекторы и зловещие длинные лучи устремлялись навстречу самолету. С высот, окружавших станцию, били зенитки.

В прошлый раз погода была отличная: чистое, звездное небо, ни облачка. В такую погоду можно подойти к цели неслышно: лезь себе вверх, сколько понравится, а потом плани-

руй, приглушив мотор, и, осветив цель, бросай бомбы. Ну, а там уж как повезет. Во всяком случае, штурман успевает прицелиться и отбомбиться до того, как прожекторы схватят самолет.

А сегодня... Нет, неподходящая погода, чтобы бомбить Багерово!

Усаживаясь в кабине, мой штурман Нина Реуцкая сказала хриплым, простуженным голосом:

— Наташа, смотри, какая луна! Мы отлично увидим все на земле!

— И нас тоже с земли отлично увидят,— добавила я.— Видишь, как низко нависла облачность?

Нина — совсем молодой штурман. У нее пока еще не хватает опыта, чтобы распознать опасность там, где ее не ждешь. Да и вообще все на свете представляется ей в розовых тонах, так что мне часто приходится разочаровывать ее.

На мгновение задумавшись после моих слов, она осторожно спросила:

— Ты думаешь, что и над целью такая же погода?

— Угу.

Тонкие облака, освещенные луной, сливались вместе, образуя светлую пелену. Заволакивая все небо, она медленно плыла на высоте не более шестисот метров.

— Значит, придется бомбить ниже облаков? — допытывалась Ниночка.

— Ничего другого не остается!

Бомбить с малой высоты на фоне светлых облаков означало, что с земли самолет будет виден, как на экране. Нина, конечно, понимала это не хуже меня. Она еще раз изучающим взглядом скользнула по небу и потом некоторое время сидела молча.

Однако мрачные мысли редко приходили в голову моему штурману. А если и приходили, то очень ненадолго. Уже спустя минуту она как ни в чем не бывало мурлыкала себе под нос веселую песенку, забыв о луне, облаках и зенитках.

Скорее всего, она была права: зачем волноваться раньше времени?

Нина пришла к нам в полк в сорок третьем, когда мы воевали уже полтора года. До этого она работала связисткой, тоже на фронте. Ей не было еще и девятнадцати, хотя ростом, она, пожалуй, перегнала всех наших девушек. Очень юная и очень непосредственная, с добродушно-доверчивым выражением свет-

лых глаз и ямочками па щеках, она вызывала к себе чувство умиления, какое обычно испытывают к детям.

Она никогда не унывала, не сердилась. Ни трудностей, ни страха она не испытывала.

Первое время мне казалось, что Нина просто не понимает, что на свете существуют зло, опасность, несчастье. Потом, когда я узнала ее лучше и привыкла к ней, я поняла, что у нее просто счастливый характер: любая сложная задача казалась ей легкой, за всякое дело она бралась с охотой и радостью.

Штурманом Нина стала уже в полку, занимаясь вместе с другими девушками в специальной группе. Летала она с удовольствием и почему-то очень верила в меня, в мои летные способности. Сама я далеко не так была уверена в своих силах, хотя, впрочем, не разубеждала своего штурмана.

Дождавшись своей очереди взлетать, я запустила мотор, и через каких-нибудь три-четыре минуты мы взяли курс в сторону Керченского пролива.

Вскоре впереди заблестело море, затем показались темные очертания берега. За проливом начинался Керченский полуостров.

Линию фронта мы пересекли, набрав предварительно «солидную» высоту, метров восемьсот, чтобы лететь выше облаков.

— Запас высоты не помешает, — сказала я Нине, — а спуститься ниже мы всегда успеем.

Отсюда, «свысока», мы посмеивались над немецкими прожектористами. Ползающие по облачности светлые пятна говорили о том, что они пробовали достать наш самолет.

Но вот настало время спуститься ниже. Я спланировала до пятисот метров, и мы очутились под нижней кромкой облаков. Перед нами как на ладони лежала станция. Поблескивая под луной, плавно изгибалась линия железной дороги. Светлели здания, от которых расходились ленты проселочных дорог.

До цели оставалось лететь две минуты. Чтобы сохранить высоту, я плавно увеличила газ. Самолет летел, разрезая носом рыхлае сырые клочья, то входя в облака, то выныривая из них.

Мы летели низко. Наш «ПО-2» выделялся на фоне освещенных луной облаков, и у меня было такое ощущение, будто я иду по улице без платья. Мне снился когда-то такой сон.

Просто забыла надеть платье. Все смотрят, а спрятаться некуда.

Вероятно, Нина чувствовала то же самое, потому что она сказала:

— Давай пройдем еще чуть-чуть в облаках...

А станция все ближе. Сейчас нас обнаружат. Впрочем, там, внизу, уже, конечно, слышат самолет. Только выжидают. Это самый неприятный момент, когда ты знаешь, что наверняка будут стрелять, но пока еще не стреляют, молчат. И ты ждешь: вот сейчас... еще секунда... нет, две... Ну, что же они медлят?!

Вокруг все тихо. Так тихо, что даже привычный звук мотора куда-то исчезает. Но уже в следующее мгновение все может измениться.

В такие моменты у меня в желудке появляется ощущение холода. Как будто я проглотила лягушку, и она там шевелится, скользкая и холодная. Я знаю, что лягушка — это страх. Обыкновенный противный страх перед тем, что сейчас начнется. И злюсь сама на себя, потому что все равно я пройду через все то, что меня ждет.

Как всегда, прожекторы включились внезапно, хотя к этому я приготовилась заранее. Они схватили наш самолет сразу, им не пришлось даже искать его.

Нина бросила осветительную бомбу. Еще одну. Они повисли в воздухе, и стало очень светло. Мы отчетливо увидели эшелоны на путях. Не обращая внимания на прожекторы, Нина занялась прицеливанием. Я выдерживала боевой курс, стараясь не смотреть по сторонам и на землю, где ослепительно горели зеркала прожекторов.

Наш «ПО-2» — в перекрестье лучей, а мне нельзя даже немного свернуть с курса. Иначе — промахнешься. И я вдруг почти физически ощутила, как кто-то цепкими пальцами медленно сдавливает мне горло. А сопротивляться нельзя...

Рывкнула первая зенитка. За ней — еще одна. И еще. Разрывы ложились где-то выше. Но зенитчики быстро исправили ошибку. Яркие вспышки приблизились к самолету. Снаряд разорвался прямо впереди, и мне инстинктивно захотелось свернуть, бороться, вырываться из лучей!.. Как трудно удержаться! Секунды... секунды... Иногда они кажутся часами.

Наконец цель под нами. Самолет качнуло. Это оторвались бомбы.

— Готово, — сообщила Нина и, как всегда, наполовину вы-

сунулась из кабины, глядя на землю. Каждый раз я боялась, как бы она не выпала оттуда вслед за бомбами.

Заложив глубокий крен, я увидела взрывы на станции. Вспыхнуло пламя.

— Попали! — закричала Нина хриплым голосом.

Но я не успела рассмотреть, что именно горело: мне было не до цели. Рядом с самолетом раскатисто, с сухим треском рвались снаряды. Сразу со всех сторон. Пахло порохом, гарью.

Мысли вертелись вокруг одной, главной: быстрее уйти, выйти из-под обстрела... Бросая самолет из стороны в сторону, я стремилась избежать прямого попадания снаряда, угадывая, где разорвется следующий. Из всех сил выжимала скорость. Ветер свистел в ушах, дрожал самолет, но мне казалось, что он висит на месте.

Сначала Нина срывающимся голосом пробовала подсказывать мне, как маневрировать. Потом замолчала — бесполезно.

Мы уходили на север, в море. Сюда было ближе, чем до линии фронта, да и ветер не был встречным.

От каждого залпа зениток самолет вздрагивал. Хотелось сжаться в комок, спрятаться поглубже в кабину. Я невольно пригибала голову...

А сзади сидела Нина и молчала. Мне некогда было сказать ей даже слово.

И вдруг мне показалось, что она молчит потому, что с ней что-то случилось. Испуганно я заорала в переговорную трубку:

— Нина! Нина!

— Что такое? Наташа, что с тобой? — встревоженно спросила она шепотом.

— Ничего, ничего, — ответила я, сообразив наконец, что она, видимо, сорвала голос. Поэтому ее и не слышно.

Самолет быстро снижался: маневрировать можно было только за счет потери высоты. Прибор показывал 400 метров, потом 300... 200...

Впереди совсем близко отливало сталью море. Мы медленно приближались к нему. Проекторы не выпускали нас, пока мы не оказались низко над водой. Уже перестали стрелять зенитки, уже замелькали под крылом белые барашки волн, а лучи все продолжали держать наш самолет, опускаясь вместе с ним все ниже, ниже. Они почти легли на землю, освещая холмы, редкие

деревья на берегу. Вероятно, немцы ждали, что мы упадем в воду.

Когда наконец лучи погасли и до нас с Ниной дошло, что «наша взяла», я спросила ее:

— Ну, как самочувствие?

— Нормально,— прохрипела она.— Посмотри на плоскости!

Я увидела две больших дыры в нижнем крыле. Насквозь просвечивало верхнее. Лонжерон был перебит. Словно флаги, болтались куски перкали.

— Ничего, долетим,— сказала я преувеличенно бодрым голосом, а сама еще раз подвигала рулями. Нет, управление не перебито, все в порядке.

Я подвернула самолет ближе к берегу, и вскоре под нами стала проплывать крымская земля, пересеченная оврагами, изрытая траншеями. Где-то здесь проходила линия фронта.

Внезапно я почувствовала слабость во всем теле, ноги мои затряслись, запрыгали, стуча о пол кабины. Я сняла их с педалей, попробовала прижать колени руками. Потом вытянула, расслабила — ничего не помогало. Ноги продолжали танцевать и совершенно не слушались меня.

Я приуныла. Все страхи остались позади, мы летим домой. Что же это со мной? Мне было не по себе. Однако Нине я ничего не сказала.

В это время раздался ее сильный голос:

— Наташа, давай покричим.

«Покричим» значило, что мы должны убрать газ и на малой высоте поприветствовать наземные войска (крикнуть «Привет, пехота!» или что-нибудь в этом роде). Многие верили, что пехота их хорошо слышит, и честно «кричали», снижаясь над передовой. И мы с Ниночкой при удобном случае проделывали то же самое.

Но в этот раз мне совсем не хотелось «кричать». Да и не было желания выяснять, шутит Нина или нет. И я сердито ответила ей, что кричи, мол, сама: твой голос услышат лучше.

Как бы там ни было, а ее предложение вывело меня из угнетенного состояния. Ноги мои постепенно успокоились.

Над проливом облаков уже не было. На море сверкала лунная дорожка. До самого аэродрома мы летели в ясном небе. Тихо и мирно светили звезды.

Еще издали я увидела стартовые огни. Несколько неярких огоньков на земле. Там нас ждали. Там был наш дом.

ТЕМНАЯ НОЧЬ...

От крайней стоянки самолета до крутого обрывистого берега несколько шагов. Дальше — море. Азовское. Днем оно зеленовато-серое, с четкой, чуть выпуклой линией горизонта, густо-синей полоской, разделяющей небо и воду. А ночью, темной беззвездной ночью его не видно. Стоишь у обрыва, и впереди — чернота. Но постоянно слышишь его шум, раскатистый, однообразный. Даже в полете кажется, что он сопровождает тебя.

Здесь, у самого моря, наша летная площадка. Рядом с ней, в поселке, мы живем. Всю зиму и весной...

Погода — штормовая. Гудит море. Мы летаем на Крым, бомбим фашистов под Керчью. Сильный северо-восточный ветер гонит наши «ПО-2» на цель с такой скоростью, что они мчатся, как истребители. Зато назад ползут долго-долго. Целую вечность.

Сегодня у меня штурманом — Хиваз Доспанова. Неугомонная девчонка. Вернувшись из госпиталя, она продолжает летать. Ей бывает очень трудно, она теперь быстро устает: после переломов обе ноги стали короче... Но она крепится, по-прежнему хохочет и поет.

В полете Хиваз болтает без умолку. Да и на земле тоже.

— Ты заметила, — говорит она, — что на станции вместо четырех прожекторов стало шесть? Это они вчера перетасили с берега. Правильно, конечно: мы уже третью ночь летаем на эту цель... Какая кошмарная погода! — продолжает Хиваз. — Мы, кажется, сегодня не долетим домой: скорость черепашня! Жуткий встречный ветер! — Потом вдруг без всякого перехода: — А хочешь, я спою тебе песню. Новую! Из фильма. Нам показывали в госпитале. Слушай.

Темная ночь... Только пуды свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах. Тускло звезды мерцают...

Пропев два куплета, она ненадолго умолкает. Потом говорит:

— Дальше не помню. Правда, прелесть? Внизу под нами Фонталовская. Мы уже полчаса торчим над ней! Господи, что за скорость! Натка, а тебе не кажется, что нас относит назад, а? Давай спустимся пониже, может быть, там ветер слабее...

Я снижаюсь, но и здесь ветер такой же. Самолет медленно, очень медленно приближается к аэродрому.

— Знаешь, завтра будет дождь. Этот ветер обязательно нагонит плохую погоду. Я теперь заранее чувствую, когда погода изменится: ноги мои начинают ныть... Послушай, а ты не хочешь нарисовать на хвосте самолета какую-нибудь птицу или зверя? Это модно, во всех полках рисуют. Можно белой краской. Ты видишь, как садятся самолеты? Кошмар!..

На земле непрерывно горит посадочный прожектор. С зажженными навигационными огнями «ПО-2» ходят по кругу. На последней прямой снижающийся самолет летит так медленно, что кажется, можно идти рядом с ним обыкновенным шагом, и он не обгонит тебя.

Заходим на посадку и мы. Едва колеса касаются земли, как самолет окружают техники и, удерживая за крылья и стабилизатор, прижимают его книзу, чтобы не перевернуло ветром.

— Полеты запретили! — кричат мне. — Рули на стоянку!

Наконец мой «ПО-2» в безопасности, на стоянке. Весь опутан тросами, закреплен на месте. Тросы натянуты и привязаны к штопорам, ввернутым в землю. От стоянки до крутого берега несколько шагов. Гудит ветер, шумит море...

— Хиваз, где ты? — зову я.

Никто не откликается. Я ищу ее и нахожу в стороне. Согнувшись, она сидит на пустом ящике из-под бомб и плачет.

— Что ты? Что случилось?

— Очень ноги болят. Просто не вытерпела... Я посижу немного, сейчас пройдет.

Когда ей становится легче, мы отправляемся домой.

В комнате жарко. Шелестит сухой камыш в печке. Мы вылезаем из комбинезонов, раздеваемся. Еще не поздно — одиннадцать. Впереди — целая ночь. Нам редко удастся спать ночью.

Вдруг распаивается дверь.

— Кино привезли! «Два бойца» называется. Кто хочет — в клуб!

Хиваз вскакивает и всплескивает руками.

— Ой, знаешь, это же тут, в этом фильме песня! Пойдем, пойдем обязательно!

Темная ночь... Только пули свистят...

Наиевая, она быстро натягивает на себя свитер, который только что сняла.

На улице ветер сбивает с ног. Рядом в темноте стонет, бушует море. И кажется, что это на высоком берегу стонут наши «ПО-2».

ВСТРЕТИМСЯ НА ТОЙ СТОРОНЕ

Темная январская ночь, мутная и сырая. Видимость отвратительная. На земле только изредка мелькнет огонек или зажжется фара машины.

В эту ночь наша артиллерия и авиация обеспечивают высадку морского десанта в Керчи. Задача самолетов «ПО-2» — бомбить вражеские прожекторы и артиллерийские точки на берегу.

Я вглядываюсь в темень ночи — и ничего не вижу, решительно ничего. Куда ни посмотришь — вправо, влево, на землю или вверх — всюду одинаково темно. Голубоватые выхлопы пламени из патрубков освещают впереди небольшое пространство вокруг мотора, и похоже, что в воздухе густая дымка. Да, вероятно, так и есть.

Но едва я долетаю до Керченского пролива, как сразу попадаю в мир огня. Стреляют на земле и в воздухе. Рвутся бомбы, бьет артиллерия, сыплют мины «катюши».

Я лечу над проливом. Вижу, как плывут наши бесстрашные десантники к Керчи. На катерах, на каких-то неповоротливых лодчонках. Плывут прямо к пристани, к самому центру изогнутого полукругом берега. В лоб. А с берега, скрешиваясь, их освещают прожекторы. Бьют по ним минометы, пулеметы. Длинные трассы бегут к ним сразу с нескольких сторон. Катера отстреливаются.

Вот подожгли один катер. Второй, третий... Стелется дым по воде. Жутко смотреть сверху на то, как они горят. Горят и упорно плывут вперед. А ведь там, на катерах, — люди.

Моряки... Они проезжали через наш поселок, веселые, крепкие парни. Заходили к нам знакомиться.

— Сестрички, встретимся на той стороне, в Крыму, — говорили они, прощаясь, и махали бескозырками из машины.

А Володя, молодой, еще безусый паренек, весь в татуировке, никак не хотел уезжать: уж очень понравилась ему Нина — мой

штурман. Он без конца говорил ей что-то, обещая написать письмо, а она посмеивалась и торопила его:

— Иди, иди — вон машина твоя уезжает! Догонять придется!

Володя шел к машине, оглядываясь, и все повторял:

— Там увидимся, на той стороне!

Сначала он говорил это убежденно, но чем ближе подходил к машине, тем неувереннее становился его голос. Забравшись в кузов, он уже нерешительно спрашивал:

— Там, на той стороне, увидимся?..

На следующий день от него пришло письмо. Передал его какой-то артиллерист, приехавший в наш поселок.

— «Братишки» шлют привет всем девчатам. Они готовятся к высадке, — сказал он.

Нина обрадовалась письму, хотела ответить, но адреса не оказалось. Да и какой там адрес, когда моряки готовились с боями высаживаться в Керчи...

И вот они горят. И ничем, ничем нельзя им помочь!

Я не могу оторвать глаз от одного катера. Охваченный огнем, он постепенно отстает от остальных, кренится набок. Что там сейчас происходит? А может быть, на этом катере Володя?

Вспомнилось, как он, стоя в кузове грузовика, мял в руках свою бескозырку, сам этого не замечая, и нерешительно говорил:

«...на той стороне... увидимся?»

Я слышу Нину по переговорному аппарату, но не сразу понимаю, о чем она так взволнованно спрашивает:

— Наташа, они потонут? Неужели потонут?!

— Может быть, как-нибудь спасутся... — отвечаю ей, хотя совершенно ясно, что такой возможности нет.

Прожектор, который держал в своем луче пылающий катер, бросил его и переключился на другой. Наш самолет приближался к прожектору. Под лучом, низко нависшим над водой, плескались волны. В освещенной полосе клубился белый дым. Я всеми силами души ненавидела его, этот длинный скользкий луч, ползавший по заливу.

Внизу, у самого основания луча, ярко блестело зеркало.

— Целся в него!

— Я сначала две. Поберегу остальные, — сказала Ниночка.

Это она о бомбах. Она уже приготовилась нажать рычаг бомбосбрасывателя, как вдруг зеркало погасло. Видно, внизу испугались.

— Вон впереди — пулемет! Как раз строчит по катеру...

Пролетев еще немного, мы ударили по пулемету. Он замолчал. Зато прожектор, тот самый, опять вспыхнул. У нас были еще две бомбы, Нина специально их оставила, и мы, подкравшись к нему по возможности тихо, бросили на зеркало эти бомбы. Луч погас и долго потом не включался.

В других местах — то там то сям — прожекторы зажигались на короткое время, но быстро гасли. На всем побережье методически рвались бомбы. Это действовали наши «ПО-2».

Мы буквально висели над прожекторами, не давая им работать. Тогда немцы решили осветить десант сверху. Прилетели вражеские самолеты, повесили над заливом светящиеся авиабомбы. Стало светло как днем, и весь десант как на ладони...

А катера — все ближе и ближе к городу. Первые уже у самой пристани. Кинжальный огонь. Скрещиваются огненные трассы. Сейчас десантники будут прыгать в воду и высаживаться на берег, штурмом беря пристань. По вражеским позициям пробегает огненная волна: это дают последний залп наши «катюши».

В ту ночь морская пехота захватила часть города и соединилась с нашими войсками восточнее Керчи.

Потом, спустя некоторое время, мы все-таки встретились с моряками. На той, на крымской стороне. Но Володи среди них уже не было...

ЖЕНЯ РУДНЕВА

Впервые я увидела ее в Москве, в здании ЦК комсомола, где заседала отборочная комиссия. Она пришла вместе с другими студентками Московского университета. В то время Женя Руднева уже перешла на четвертый курс.

Меня поразили ее глаза — большие, серо-голубые, умные. Светлая коса вокруг головы, нежное лицо с легким пушком на коже, мягкие, медлительные движения.

Мы потом вместе учились в штурманской группе. На занятиях она всегда задавала вопросы: ей хотелось знать все

до мелочей. И пожалуй, в полку не было штурмана лучше Жени, хотя до войны она не имела никакого отношения к авиации.

Сначала на фронте она была рядовым штурманом. Но уже через год ее назначили штурманом полка. Знания ее были бесспорны, однако на должность эту назначили ее с опаской: а вдруг не сумеет? Не отличалась Женья ни бравым видом, ни военной выправкой. Не умела ни бойко говорить, ни даже быть строгой.

Среднего роста, немного сутуловатая, с неторопливой походкой, она совершенно не была приспособлена к армейской жизни. Военная форма сидела на ней нескладно, мешковато, носки сапог загибались кверху. Да она как-то и не обращала внимания на все это. Занятая своими мыслями, что-то решая, сосредоточенно обдумывая, она, казалось, жила в другом мире...

...Был апрель 1944 года. Под Керчью готовилось большое наступление наших войск. Мы летали каждую ночь. Враг упорно сопротивлялся. Вдоль короткого отрезка линии фронта, которая протянулась от Керчи к северу до Азовского моря, было сосредоточено много зениток и зенитных пулеметов, прожекторов, автоматических пушек «Эрликон».

Когда стреляет «Эрликон», издали похоже, будто кто-то швыряет вверх горсть песка. Каждая песчинка — снаряд. Все они в воздухе взрываются, вспыхивая бенгальскими огнями. Получается облако из рвущихся снарядов. И если самолет попадает в такое облако, то едва ли выберется из него целым: «ПО-2» горят как порох.

Однажды Бершанская поставила нам задачу: бомбить укрепленный район немецкой обороны севернее Керчи. Перед вылетом Женья Руднева предупредила нас:

— В районе цели — сильная ПВО. Остерегайтесь прожекторов. Штурманы, проверьте, пожалуйста, еще раз расположение зенитных точек...

Она собрала штурманов отдельно и что-то объясняла им. Или, может быть, давала задание. Женья никогда не приказывала. Она просто не умела командовать. Распоряжения она давала не по-военному, а тихим, доверительным, совсем домашним голосом. И не было случая, чтобы кто-нибудь не выполнил ее приказа-просьбы...

...Мы с Ниной уже возвращались с боевого задания, когда сзади зажглись прожекторы. Сначала я подумала, что это нас они ловят. Но лучи потянулись в другую сторону и, поща-

рив в небе, замерли, скрестившись. В перекрестье светлел самолет.

И сразу же снизу, прямо по самолету, швырнул горсть снарядов «Эрликон». «ПО-2» оказался в центре огненного облака. Спустя несколько секунд он вспыхнул и ярко запылал. Некоторое время горящий самолет продолжал лететь на запад: видимо, штурман еще не отбомбился по цели. Вскоре на земле появились вспышки — взрывы бомб. А самолет стал падать, разваливаясь на части.

Мы смотрели, как, кружась в воздухе, несутся вниз пылающие куски самолета, как вспыхивают цветные ракеты...

Это был экипаж, вылетевший на цель вслед за нами.

Мы не знали, кто из девушек вылетел за нами следом.

Я старалась не думать о том, что происходит сейчас там, в горящем самолете. Но не думать об этом я не могла... Мне казалось, что я слышу крики... Они кричат... Конечно же, кричат! Разве можно не кричать, когда горишь заживо!..

Весь обратный путь мы молчали. Я летела, как во сне. Иногда приходили сомнения: а может быть, и в самом деле ничего не было? Только страшный сон?.. Я уже видела его однажды. Уже видела...

Как только я села, к нам подбежали:

— Кто прилетел?

На земле уже знали, что сгорел «ПО-2». Это видели и другие экипажи. Оставалось неизвестным — кто сгорел. К каждому самолету, который садился, бежали:

— Кто прилетел?

Все возвращались в свое время. Не было только одного самолета. И тогда стало ясно: сгорели летчик Прокофьева и штурман полка Женя Руднева.

Прокофьева прибыла в полк недавно. Она делала свои первые боевые вылеты. А Женя, как всегда, полетела на задание с малоопытным летчиком. Она считала своим долгом «вывозить» молодых, еще «не обстрелянных». С Женей, штурманом полка, они чувствовали себя уверенней...

В следующем полете меня не покидала мысль о Жене. Казалось просто невероятным, что ее больше нет. Без нее, без Жени, трудно было представить наш полк. Шестьсот сорок четыре раза летала она через линию фронта на боевые задания. И всегда возвращалась...

Мой самолет летел по тому же маршруту, что и час назад. И кругом все оставалось таким же, как и тогда, ничего не изменилось — извилистая черта берега, светлые полосы дорог на земле. Из того же места, где и раньше, из небольшого поселка, стрелял миномет, и красные шары летели на запад, в ту же точку, что и раньше. Ничего не изменилось. Только Жени больше не было... Вероятно, на том месте, где упал самолет, еще остался еле заметный костер. А может быть, он уже догорел...

Женя верила в то, что она «везучая» и с ней ничего не может случиться. Еще вчера как-то между делом она продекламировала стихи Суркова:

Под старость на закате темном,
Когда сгустится будней тень,
Мы с нежностью особой вспомним
Наш нынешний солдатский день...

Мне вспомнилось отступление. Ненастный, дождливый день. Мы собрались в каком-то сарае и ждали, когда кончится дождь, чтобы идти на полеты. Женя сидела прямо на соломе, поджав под себя ноги, прислонившись к стенке сарая и слегка откинув голову.

— ...когда Тристану сказали, что приплыл корабль с черными парусами, он тяжело вздохнул, в последний раз прошептал имя Изольды и умер...

У Жени был нежный и певучий голос. Она могла говорить часами, не уставая. Негромко, неторопливо, иногда умолкая, чтобы мы могли прочувствовать то, о чем она рассказывала.

Шумел дождь, стучал о доски сарая. Протекала дырявая крыша. Веселые струйки воды, танцуя, падали вниз и исчезали в соломе. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели, полулежали на сырой соломе, в промокших комбинезонах, не замечая дождя и холода, забыв о войне и отступлении. Перед нами поблескивало море и вдали на волнах качался корабль...

— Женя, расскажи еще что-нибудь!

— О Нарциссе.

— Нет, лучше сказку...

Женя любила рассказывать. Она знала множество сказок, мифов. Но с особенным удовольствием говорила она о звездах, о таинственной Вселенной, у которой нет ни начала, ни конца. Иногда в полете в свободную минуту она неожиданно обращалась к летчику:

— Посмотри, видишь — справа яркая звезда? Это Бетельгейзе...

И рассказывала об этой звезде, вспоминая древний миф об Орионе.

Жея не сомневалась в том, что после войны снова вернется в университет, чтобы заниматься астрономией, любимой наукой, которой решила посвятить свою жизнь. Войну она считала временным перерывом. На войну она просто не могла не пойти: это был ее долг...

— Наташа, вон костер — видишь? — сказала Нина, когда мы приблизились к цели.

Я и сама увидела его. Я искала глазами это место уже давно. Но был ли это тот самый костер? В стороне, чуть левее, еще один и еще... А где же тот? Или тот уже погас?

Через день началось большое наступление в Крыму. Был апрель. Мы двигались вперед, на запад, пролетая над местами боев, над искромсанной, насквозь простреленной землей. И где-то на этой земле, недалеко от Керчи, среди разбитых танков, машин, среди обломков самолетов, воронок и траншей осталась неизвестная могила наших девушек...

ЛАРИОНОВА

Полетов нет. Дует норд-ост, штормит Азовское море. Ночью слышны глухие удары волн, разбивающихся о берег. Завывает ветер, будто пес скулит во дворе.

В небольшом домике, где размещается наша эскадрилья, тепло. Хозяйка с вечера натопила печь.

Вздыхают во сне девушки. Тоненько попискивают мыши. Осмелев ночью, они лазают по нарам, по одеялам. Мне не спится. Рядом окошко. Я смотрю, как мчатся по небу серебристо-черные тучи. Луна то прячется за ними, то выплывает, яркая, словно новенькая блестящая монета.

И вспомнился кусочек раннего детства. Мне три года. Вечер. Я стою на диване, а мама надевает на меня платье, натягивает чулки. За окном — круглая луна. Такая же, как сегодня. Я смотрю на нее сонными глазами. Мне хочется спать. Но мы собираемся куда-то ехать. Кажется, в другой город. И спать нельзя...

...Стук в дверь. Вбегает дежурный.

— Тревога! Подъем! Штормовой ветер — все на аэродром! Наша хозяйка, Ларионовна, уже встала, будит пас.

— Вставайте, вставайте, девочки, по тревоге вызывают!

Мы вскакиваем, зажигаем свечки, коптилки. Суматоха. Кто-то хватается чужой комбинезон, путает сапоги. Слышен чей-то истошный крик: из рукава комбинезона выпрыгнул мышонок.

Ларионовна смотрит, как мы толчемся в небольшой комнатушке, мешая друг другу, и подсмеивается над нами:

— Вера, Вера, да ты же брюки надела задом наперед!

— А, Ларионовна, какая разница?

Потом она исчезает и, когда мы уже выходим, одетые, на улицу, сует нам в карман лепешки:

— Там проголодаетесь, берите, берите...

К самолетам идем пешком по густой грязи. Машиной не проехать — увязнет. До утра дежури́м на аэродроме. Шквальный ветер раскачивает самолеты. Наши бедные «ПО-2» дрожат и напрягают свои деревянные мускулы, а мы стараемся удерживать их на месте.

Утром ветер немного стихает, и мы бредем через аэродром обратно. От налипшей грязи ноги кажутся пудовыми.

Тащимся молча. Только Вера Велик не в настроении. Всегда спокойная, уравновешенная, она сегодня ворчит, ругает погоду и все на свете. Ругает шутя, для облегчения души. А войдя в дом, вдруг валится на нары и громко плачет:

— А-аа...

Странно смотреть на нее: по лицу катятся слезы, а сама она смеется. Над собой. И мы понимаем — просто она устала. Устала от бессонных ночей, от напряженных полетов с вечера до утра, устала от зениток, от ветра, от густой грязи. Это пройдет, нужно только хорошенько выспаться.

Прибегает шестилетний Витька, сын Ларионовны. Раскрыв рот, удивленно смотрит на Веру.

— Тетя Вера, почему ты плачешь?

Она смотрит на него сквозь слезы.

— Я не плачу, я смеюсь...

— Нет, ты плачешь! Тебя ранили?

Ларионовна забирает Витьку, но он капризничает, сопротивляется.

— Нет, она плачет!

Мать шлепает его и отправляет в чулан.

— Им отдыхать надо, не мешай!

...Пересыпь — небольшой рыбацкий поселок на берегу Азовского моря. Через него идет дорога от Темрюка к Керченскому проливу.

Мы прилетели в Пересыпь осенью, когда наши войска, освободив Таманский полуостров, вышли к морю. В поселке всего две улицы. На окраине — пустырь, кое-где пересеченный неглубокими балками. Здесь, на обрывистом берегу, стояли наши самолеты. Отсюда мы летали бомбить Крым.

Зимой Пересыпь выглядела уныло. Земля только изредка и ненадолго покрывалась снегом. Глухо шумело море, холодное, неприветливое. Мчались на запад низкие рваные облака, над пенистыми гребнями волн с криком носились чайки. Мы спускались с крутого берега вниз, на узкую песчаную полосу у самой воды. Иногда море выбрасывало на берег трупы людей. Кто были эти люди, никто не знал. Мы засыпали их песком и обкладывали камнями.

Полгода, которые мы провели в Пересыпи, запомнились сложными и тяжелыми полетами на Керченский полуостров, непролазной грязью на аэродроме, низкой облачностью и штормовыми ветрами.

Наша эскадрилья занимала крайний домик в поселке. Хозяйка с готовностью освободила для нас все три комнатки и кухню, перейдя с семьей жить в тесный чулан.

На вид ей было лет под шестьдесят. Маленькая, сухонькая, с глубокими морщинами на худом лице и потрескавшимися руками рыбачки, она удивляла своей неутомимостью. Звали ее Домна Илларионовна, но все попросту обращались к ней: «Ларионовна».

Жила она вместе с двумя дочерьми и двумя сыновьями. Муж ее и самый старший сын погибли на фронте еще в начале войны. Дочери, взрослые девушки, были примерно нашего возраста — не старше двадцати — двадцати трех лет. Сын Андрей, двенадцатилетний мальчик, не по годам серьезный, остался калекой — снарядом ему оторвало ногу выше колена.

Больно было смотреть на мальчика, который, согнувшись, прыгал на грубом, самодельном костыле и даже пытался бегать вместе с товарищами. Казалось, он совсем свыкся с тем, что у него нет ноги. Когда он уставал, не успевая за другими мальчишками, то не огорчался, а просто садился на землю, подложив под себя костыль. Отдохнув, вставал и ковылял за ними.

Вместе со своим младшим братишкой Витькой Андриюша всюду ходил за нами. Каждый вечер он шел на аэродром и, опершись на костыль, молча наблюдал, как взлетают и садятся самолеты.

Маленький Витька с черными, как у матери, глазами был нашим любимцем. Мальчишка так привязался к нам, что считал себя полноправным членом полка, и когда, случалось, мы уделяли ему недостаточно внимания, он обижался, надув губы. Он никогда не уставал рассматривать наши ордена, с удовольствием надевал летный шлем и примерял сапоги.

— Вырастет — будет летчиком! — смеялась Ларионовна.

— И буду! — гордо отвечал Витька. — Только я выше всех, выше неба буду летать!

Ларионовна целыми днями была занята работой. Она все успевала, все умела. Дочери ей не помогали. Обе они крепкие, здоровые девушки, до позднего вечера рыбачили в артели, выполняя тяжелую мужскую работу. Домой приходили усталые, злые, часто грубили матери.

Ларионовна никогда не сердилась на них, не ругала: она как будто не замечала их грубости, шутила с ними. Только иногда по лицу ее пробегала тень...

Мы постоянно чувствовали ее заботу. Она любила угощать нас вкусной свежей рыбой, которую специально для нас жарила, стирала наши вещи, когда мы спали днем после ночных полетов. Каждый вечер провожала нас на аэродром, а утром с тревогой в глазах встречала, всматриваясь в наши лица и стараясь угадать, все ли хорошо.

Когда погибла Женья Руднева, Ларионовна весь день тихо плакала где-то у себя в уголке. Теперь она стала неслышно выходить из дому ночью. Накинув платок на плечи, подолгу стояла за воротами, прислушиваясь к гулу моторов. Мягкое рокотание заходящего на посадку самолета успокаивало ее, и она шла спать в свой чулан.

Случилось так, что Ларионовна тяжело заболела воспалением легких. Вернувшись с полетов, мы увидели, что ей совсем плохо. Бледная, похудевшая женщина лежала, безучастная ко всему.

— Девочки, да ведь она умрет, — сказала в ужасе Таня Макарова.

Побежали за полковым врачом. Но состояние Ларионовны было настолько тяжелым, что врач ничем не смогла помочь. Тогда Таня предложила:

— Я слетаю в Фонталовскую. Там хороший госпиталь, попрошу, чтобы помогли.

Через полтора часа самолет привез врача и новые лекарства. Ларионовну спасли.

Она снова хлопотала, маленькая, быстрая. Как-то раз девушки спросили ее, сколько ей лет. Ларионовна смутилась, замялась и сразу перевела разговор на другую тему. Потом замолчала, улыбнулась через силу краешком рта и сказала:

— Мне, девочки, сорок три года. Что, не похоже? — Она грустными глазами, еще совсем молодыми, скользнула по нашим лицам и тихо продолжала, словно извиняясь: — Жизнь моя нелегкая. А тут еще война. Видите: и зубов почти не осталось — фашист прикладом угостил...

Она невесело засмеялась беззубым ртом.

Никогда раньше Ларионовна не рассказывала о себе. И от этих нескольких скупых слов, неохотно сказанных еще совсем не старой женщиной, нам стало не по себе. Мы были подавлены и чувствовали себя так, словно были в чем-то виноваты перед ней.

Потом от ее дочки мы узнали, что при немцах Ларионовна прятала на чердаке раненого моряка, который однажды ночью постучался к ним в дом. Она выходила его. Как-то раз, когда он сидел на чердаке, немцы обыскивали все дома в поселке, и Ларионовна будто случайно подставила немцу сломанную лестницу, когда тот полез вверх. За это она поплатилась зубами, однако второй раз подниматься по лестнице немец не решился.

...В апреле мы покидали Пересыпь. Наши войска вели большое наступление, освобождая Крым. Полк готовился к перелету на новое место.

Стрелой носился по комнатам маленький Витька. Андрюша молча смотрел, как мы укладываем вещи в рюкзаки, убираем в комнатах. Ларионовна тихо наблюдала за нашими сборами, — все занялись своими делами и, казалось, совсем забыли о ней. Но когда стали прощаться, она сразу встрепенулась, засуетилась, стараясь сдержать слезы, набегавшие на глаза.

Девушки окружили ее:

— Как же мы будем без вас, Ларионовна?

— А ничего, ничего... После войны увидимся, — говорила она бодрым голосом, а слезы медленно текли по морщинкам лица, капали на ее сухие, натруженные руки.

Она вдруг вспомнила что-то, побежала в чулан. Потом торопливо стала засовывать к нам в рюкзаки сушеную рыбу.

Подъехал грузовик. Мы уселись в нем и в последний раз, прощаясь с Ларионовной, махнули ей рукой. Свежий весенний ветер дул в лицо. Вдали искрилось море. Прощай, Пересыпь! Впереди нас ждут новые дороги.

Один за другим взлетали наши «ПО-2» и, сделав круг над хутором, брали курс на запад. А у калитки крайнего в поселке домика стояла женщина в темном платке, и сверху видно было, как, запрокинув голову, она провожает взглядом каждый самолет...

ПЫЛАЕТ ВРАЖЕСКИЙ САМОЛЕТ

Третью неделю у меня кружится голова. Вероятно, от переутомления. На земле это не страшно. А в воздухе приходится постоянно держать себя в напряжении. Только ослабишь напряжение — как звезды моментально начинают вращаться вокруг самолета и кажется, будто это сам самолет разворачивается.

Иногда я засыпаю в полете. Это случается, конечно, в спокойной обстановке. Засыпаю на несколько секунд, и в течение этих коротких секунд мне снятся длинные сны... Просыпаюсь зсегда от шума мотора: вдруг начинаю его слышать, вздрагиваю и, открыв глаза, озираюсь, пытаюсь как можно быстрее сообразить, что к чему и где я...

Полковой врач Оля Жуковская выдает нам специальный шоколад «Кола», чтобы мы бодрствовали всю ночь. Мы съедаем его пачками, однако спать все равно хочется.

Но сегодня не поспишь: в Севастополе работает около тридцати прожекторов...

Густая, черная ночь нависла над Крымом. Мой самолет медленно летит во тьме, забираясь все выше, выше. Время от времени далеко впереди зажигаются прожекторы. Там — Севастополь. Ползают по небу светлые лучи, а между ними вспыхивают искорки. Это быют зенитки.

Наконец лучи перестают качаться, скрестившись в одной точке.

— Кто-то из наших попался, — замечает Нина сдержанно и надолго замолкает. Возможно, она думает о том, что и нас ждет та же участь: отступая, враг сосредоточил на небольшом участке, в районе Севастополя, массу прожекторов и зениток.

Наша цель — действующий аэродром под Севастополем. Он работает днем и ночью. Немецкие самолеты совершают рейсы в Румынию и обратно.

К цели подходим на высоте двух тысяч метров. В первом полете нас держали прожекторы. Их было много, Нина насчитала больше двадцати. Мы это учли.

Я заранее убираю газ. Снижаемся. Видим: на аэродроме включены посадочные знаки, рулят самолеты с зажженными навигационными огнями. У нас разгорелись глаза: сейчас мы их накроем! Только бы нас не обнаружили раньше времени.

Меня охватывает азарт.

— Целься получше, Нина! Такой случай еще не скоро повторнется!

Тихо. Кругом непроглядная тьма, а внизу огни самолетов и посадочное «Т» из электролампочек. Такое ровненькое, аккуратненькое «Т». Видимо, там ожидают самолет. Из Румынии.

Мы продолжаем планировать. Посадочные знаки становятся все крупнее, ярче. Я забываю обо всем на свете. Ничего в мире мне сейчас не нужно; единственное мое желание — разбомбить вражеский самолет.

Нина вертится в кабине, нервничает. Но вот она замирает на некоторое время, прицеливается. Я чувствую, как самолет качнуло: оторвались бомбы. Грохот. Взрыв с пламенем. И сразу ослепительный свет: включились прожекторы. Шаря по небу, они ловят нас где-то гораздо выше. И там же, высоко, вспышки и треск зенитных разрывов. А мы низко...

Проносится мысль: сейчас дам газ, нас услышат и сразу схватят! Тогда не выбраться. Стрелка высотомера приближается к тремстам метрам. Мы слишком увлеклись, забыв о высоте. Земля совсем близко! Внизу я вижу шоссе, идущее к аэродрому, вдоль него — деревья...

От множества прожекторов на земле светло.

Больше снижаться нельзя, и я даю полный газ: вот теперь нам достанется! Но внезапно, к моему удивлению, наступает полная тишина. Молчат зенитки, погасли прожекторы. Только на земле пылает самолет.

Совершенно свободно мы уходим в сторону моря. Что же случилось? Оставалось только гадать: то ли немцы приняли наш самолет за свой, когда слышали шум мотора так низко над головой, то ли в самом деле прилетел из Румынии их самолет и они боялись сбить его. Что ж, в любом случае нам повезло.

МОЖНО И В НЕЛЁТНУЮ ПОГОДУ

В нескольких километрах от аэродрома работал приводной прожектор. Каждые пять минут он включался, вращал свой луч, делая два полных оборота, и затем направлял его строго на запад. Когда пучок света разрезал темноту, на аэродроме становилось совсем светло. Луч не уходил ввысь, а упирался в облака. Он был до смешного коротким, этот белый луч. Беспомощно ползая по нижней кромке облаков, он старался найти хоть какую-нибудь щелку. Но щелки не было.

В тот момент, когда луч замер, указывая на запад, послышался рокот мотора, и в свете прожектора мы увидели самолет. Он неторопливо летел к аэродрому.

Это вернулась командир эскадрильи Дина Никулина, которая вылетала на разведку погоды.

Мы сидели на аэродроме в полной боевой готовности. Правда, никто не думал, что придется летать. Погода была явно нелетная, и другие полки в дивизии не работали. Об этом сообщили телефонограммой из штаба. Да и присутствующий на старте представитель из Сталинградской дивизии, новой дивизии, куда недавно вошел наш полк, подтвердил это.

Вскоре Дина стремительной, размашистой походкой подошла к командиру полка.

— Товарищ командир, погода неважная: сильная дымка, сплошная облачность. Высота нижней кромки — триста — триста пятьдесят метров. Но вертикальная видимость достаточно хорошая. Летать можно.

— Можно? — с недоверием в голосе переспросила Бершанская.

Она и сама прекрасно видела, что творится вокруг. В такую погоду могли бы летать только самые опытные летчики, да и то оставалась опасность, что самолет может оказаться поврежденным осколками своих же бомб. И если пять полков в дивизии не летали, то зачем было ей рисковать своими летчиками?

Но Дина ответила:

— Вполне можно летать. Ориентиры просматриваются.

Командир полка и представитель из дивизии переглянулись.

Бершанская знала, что Дина будет докладывать именно так. Потому что не в ее характере было пасовать перед трудностями. Такая уж она, Дина Никулина, командир эскадрильи. Чем сложнее, чем опаснее обстановка, тем сильнее в ней желание бо-

роться и победить. Год назад на Кубани она совершила почти невозможное. Вряд ли кто-нибудь другой смог бы выйти из того безнадежного положения, в котором она оказалась. Внизу — враг, мотор не работает, самолет горит... Из пробитого бака хлещет бензин, заливая глубокую рану в ногу. Штурман Леля Радчикова, тяжело раненная, без сознания. Но Дина не растерялась ни на секунду. Она сумела отчаянным скольжением сбить пламя, дотянуть до линии фронта и в темноте посадить машину у самой обочины дороги, чтобы их быстрее нашли...

Теперь она стояла перед Бершанской и утверждала, что в нелетную погоду летать можно.

— Конечно, трудно, но можно, — сказала она, переводя взгляд с командира полка на представителя дивизии, а потом снова на Бершанскую.

— Видите ли, товарищ майор, — обратилась Бершанская к Дине подчеркнуто официально, — в мужских полках разведчики погоды доложили, что погода нелетная...

Она выдержала паузу и добавила:

— ...и что летать нельзя.

Дина почувствовала, что Бершанская не решается сделать окончательный вывод. Действительно, из шести полков только в женском полку разведчик погоды докладывает, что лететь на задание можно.

— Я дошла до самой цели. Там высота облачности такая же, как и здесь, — настаивала Дина.

Она не хотела отступать. Как раз в это время включился приводной прожектор, и все невольно повернулись, глядя на луч, уткнувшийся в толщу облаков.

— Да-а-а... — неопределенно протянул представитель из дивизии, высокий, сутуловатый полковник.

Очевидно, этим неопределенным «да-а-а» он не только выражал свое удивление, но главным образом хотел дать понять, что он не желает ни во что вмешиваться и тем более — ни за что отвечать.

— Ну что ж, — сказала Бершанская, видимо приняв наконец решение, — будем работать. Я сообщу выше.

Последние слова она произнесла, скорее, для представителя из дивизии. Пусть он не чувствует себя хоть сколько-нибудь ответственным за ее действия.

— Командиры эскадрилий, выделите для полетов наиболее опытные экипажи.

Дина, застегивая на ходу шлем, называла фамилии летчи-

ков своей эскадрильи, которые должны были лететь на задание.

Спустя минуту она уже вырुливала для взлета. За ней, с интервалом в две минуты, стали взлетать остальные.

В воздухе было черным-черно. Лететь приходилось вслепую, ничего не видя впереди. К счастью, мы хорошо знали район Севастополя, и даже редкие ориентиры, которые просматривались вертикально, очень нам помогали.

Мы бомбили огневые позиции на подступах к Севастополю. На земле шла интенсивная перестрелка. Часто наши войска, заслышав рокот «ПО-2», начинали стрелять по вражеским огневым точкам, указывая нам цели. Бомбы рвались на земле с оглушительным грохотом, и самолет подбрасывало взрывной волной.

Погода и в самом деле была не подходящая для полетов. Высота облачности — меньше минимальной, при которой разрешалось бомбить, если считаться с инструкциями. И при других обстоятельствах Дина, вероятно, не решилась бы так смело заявить о том, что летать можно. Но то при других...

А в условиях, когда наш полк перешел в состав Четвертого Украинского фронта, вошел в новую воздушную армию и в новую дивизию, в этих условиях нельзя было не летать. К нам снова присматривались, иногда поглядывали с недоверием.

Встречаясь с нами, летчики мужских полков, входивших в дивизию, хвастались тем, что сражались под Сталинградом: «Мы сталинградцы...», «Когда мы бомбили фашистов в городе...», «Высота? Да мы — бреющим...»

Однако после этой нелетной ночи летчики-мужчины поприехали. Встречая нас, они уже не задирали нос. И говорили другое: «Конечно, у вас же опыт какой! Вам приходилось летать и в горах, и в туманы, и над морем...»

УГНАЛИ В ГЕРМАНИЮ

Просторное село раскинулось на правом, высоком, берегу Днепра. Хатки-мазанки, стройные тополя, колодцы с журавлями.

Отсюда, с крутого холма, далеко виден Днепр. Видно, как изгибается русло реки, как, сделав большую излучину, скрывается за возвышением. А по ту сторону, где берег пологий, тя-

путь бескрайние поля, светлеют хатками села. Простор, какой бывает только в украинских степях!

В этом селе у нас остановка. Полк перелетает из Крыма в Белоруссию, на другой фронт.

В хате, где мы с Ирой остановились, очень чисто и очень тихо. Кроме хозяйки, молчаливой женщины средних лет, — никого. Мерно тикают ходики над столом. Со стены смотрит лихой парень с усами. Рядом — еще фотография: тот же усач и гладко причесанная девушка, очень похожая на хозяйку. Это, конечно, она. Тогда ей было, наверное, лет двадцать. Между этими фотографиями, чуть пониже, третья. На ней та же девушка, только лицо покруглей, да брови над веселыми глазами поразмашистей. В уголках полных губ — еле заметная улыбка. Она? Или дочка, может быть?

Хозяйка неслышно ходит по дому, печально смотрит из-под платка, низко надвинутого на лоб. На худом лице — большие испуганные глаза. Скупое, в нескольких словах рассказывает о себе. Мужа убили на войне. Восемнадцатилетнюю дочку угнали в Германию.

Угнали... Раньше о людях так не говорили. Она произносит это слово привычно просто, как будто только оно и годится.

Молча она достает из комода несколько почтовых открыток. Протягивает нам. Из далекой неметчины, от дочки Нади. А дочка пишет, что с утра до ночи батрачит на ферме под Лейпцигом, что сердце разрывается от тоски по дому, по родному краю. Каждая открытка начинается словами: «Мамо моя ріднесенька!»...

Я невольно поднимаю голову и снова смотрю на фотографию девушки с темными бровями-крыльями. Только теперь мне кажется, что улыбки на ее губах уже нет и в глазах — слезы. И я вдруг живо представляю себе, как она, упав на солому, плачет там, одна, в неволе, вспоминая мать, и эту хату, и Днепр...

Пока мы читаем, женщина выходит из комнаты. Потом возвращается с заплаканными глазами и прячет открытки в комод, бережно завернув их в белый платочек. Садится с нами. Некоторое время мы молчим. Ира и я сидим подавленные, не зная, где найти такие слова, которые могли бы утешить бедную женщину. Нет таких слов. И все же Ира говорит глуховатым, каким-то чужим голосом:

— Еще немножко потерпите. Скоро войне конец. И тогда дочка вернется, все будет хорошо...

Почему-то нам неловко, словно и мы виноваты в том, что фашисты угнали Надю. В комнате невыносимо громко тикают ходики. Я смотрю в окно. Там течет серебристый Днепр, над ним — белесое небо. В конце улицы медленно поворачивается журавль. По тропинке идет девушка в белом платочке с ведрами на коромысле.

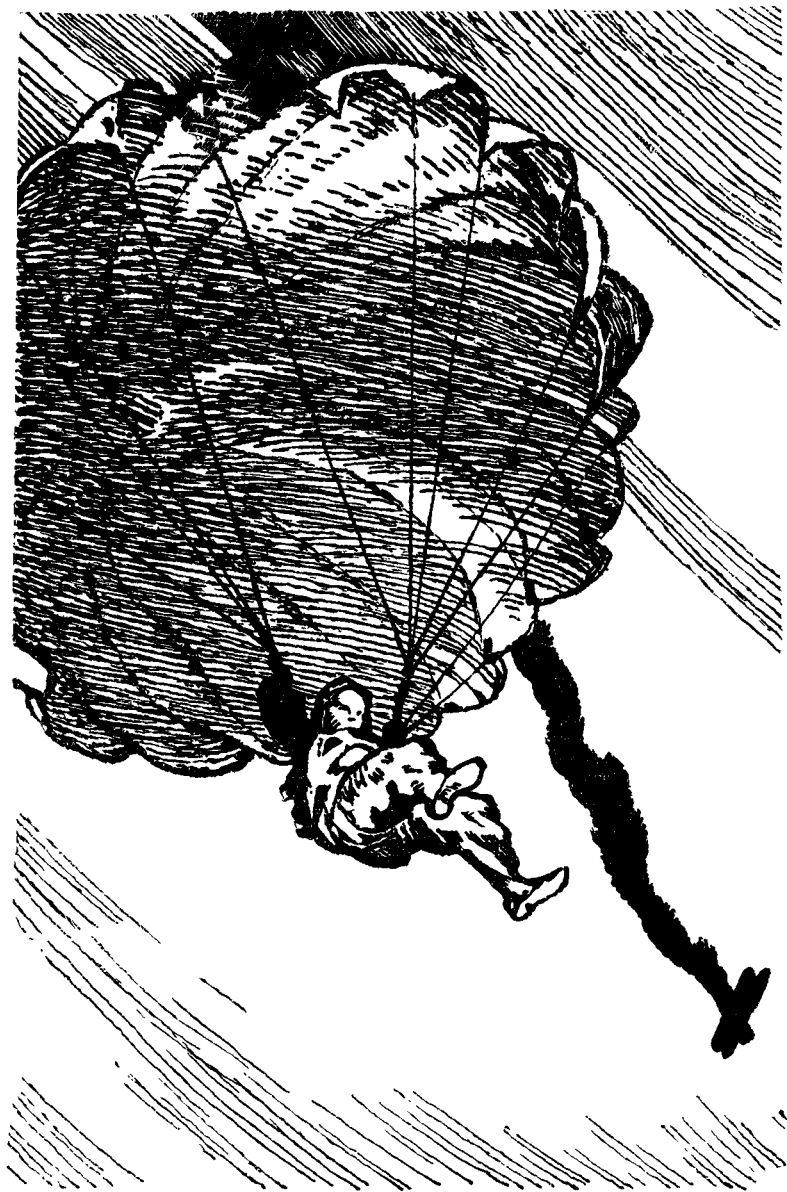
А Надя — под Лейпцигом...

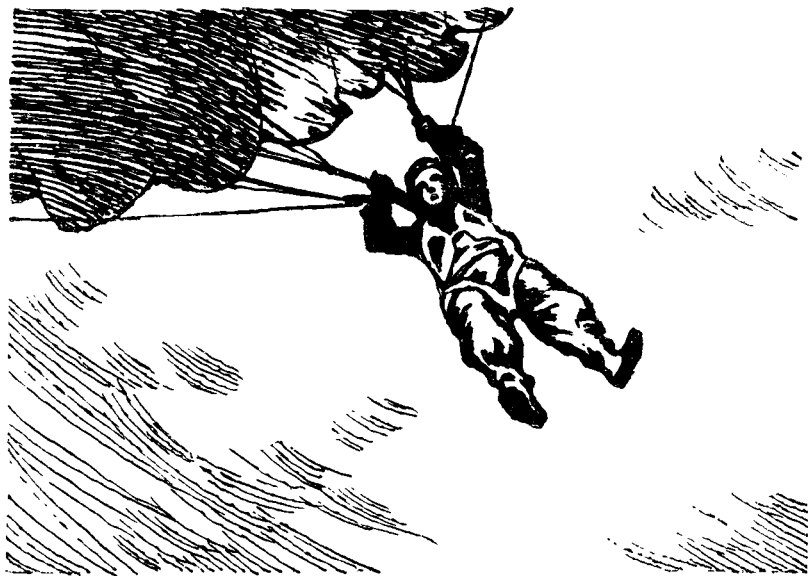
— Все будет хорошо, — повторяет Ира.

Женщина кивает головой, соглашаясь. Но глаз не поднимает. Смотрит вниз, на яркий василек, вышитый на скатерти. Задумчиво гладит пальцем синий цветок, тяжело вздыхает. И все же мы чувствуем, что на душе у нее стало легче. И она благодарна нам.

*ГОД
ПОСЛЕДНИЙ*

ВТОРОЙ БЕЛОРУССКИЙ

Сюда мы прилетели, совершив большой прыжок из Крыма. Мелитополь, Харьков, Брянск... Теперь мы — в составе Второго Белорусского фронта.

Базируемся временно в Сеще. Здесь все взорвано — городок, ангары, склады. Земля изрыта, перекопана. Еще до войны тут был огромный аэродром. Немцы тоже его использовали: это была крупная авиационная база.

Живем в больших землянках, хорошо оборудованных. А поднимаешься по ступенькам вверх — и попадешь в светлый мир берез. Кругом — одни березки. Тонкие, совершенно прямые стволы устремляются к небу.

В Сеще мы сидим неделю в ожидании, когда к нашему полку прикрепят БАО¹ и приготовят для нас площадку поближе к линии фронта.

¹ Батальон аэродромного обслуживания.

Здесь мы встретились с французскими летчиками из эскадрильи «Нормандия». Невысокий француз в щеголеватой летной форме, с небольшими усами и живым лицом улыбнулся и заговорил со мной на ломаном русском языке:

— Мадемуазель лейтенант... на самолет?

Я постаралась объяснить ему, что мы действительно летчицы и бомбим немцев ночью. Он, видимо, знал о нашем существовании, обрадовался, как старый знакомый, и стал быстро рассказывать что-то на своем языке. Потом спохватился и снова перешел на русский, отчаянно при этом жестикулируя.

На прощание он поцеловал мне руку и галантно поклонился, широким жестом выражая свое восхищение: женщины-летчицы! Это великолепно!

Из Сечи мы перелетаем в глухое лесное место—Пустынский монастырь. Здесь действительно пустынно: только лес, мы да еще комары. Отсюда мы делаем свои первые вылеты в Белоруссии. Бомбим врага в районе Могилева, работаем по переправам. На нашем фронте готовится большое наступление.

Ночи здесь удивительно коротки — не дольше трех часов. Поздно наступает темнота, и рано начинается рассвет. Да, собственно говоря, и темноты настоящей, такой, как на юге, нет. В северной стороне небо остается светлым всю ночь, поэтому в воздухе просто сумрачно, как бывает в предрассветный час.

Местность очень отличается от той, к которой мы привыкли, летая на Кавказе, на Кубани, в Крыму. Ни тебе моря, ни берега, ни гор; и только изредка — большая река. Сплошное однообразие — леса и леса, а среди лесов — множество деревушек, озер и мелких речушек. И все они схожи. Сначала ну просто не отличишь!

Мы подробно изучаем район полетов, и каждый кусочек карты оживает, открывает нам свое лицо, свои черты, характерные только для этого района.

Хорошо подготовленное наступление началось в июне. Наши войска вбили клин в немецкую оборону, расширили его и погнали врага безостановочно на сотни километров. Мы едва успевали догонять его.

Второй Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского успешно наступал, расчлняя вражеские войска на отдельные группировки и уничтожая их по частям. Иногда в окружении оказывалось сразу несколько фашистских дивизий. В разгроме таких группировок приходилось участвовать и нам, бомбардировщикам. Во время наступления мы впервые увидели

близко пленных немцев. Колонны и группы пленных, идущих под конвоем на сборный пункт, стали обычной картиной летом сорок четвертого.

Пленных захватывали в бою, но часто они сдавались сами. Даже к нам в полк приходили сдаваться. Прямо на аэродром...

На посадку заходил самолет. Планируя на последней прямой после четвертого разворота, летчик помигал огнями. Это была просьба включить посадочный прожектор.

Дежурная по полетам Надя Попова дала команду:

— Прожектор!

Самолет уже приближался к земле, когда со старта взметнулась вверх красная ракета и Надя крикнула:

— Выключить прожектор!

Она запретила посадку, и самолет, прогудев над стартом, ушел на второй круг. Снова мягкий свет осветил посадочную полосу, и все увидели на ней человека с поднятыми руками, который шел прямо через поле. Видимо, он не понимал, что это опасно. Он направлялся к нам. Мы сразу догадались, что это немец. Шел сдаваться в плен.

Мы видели однажды на посадочной полосе зайца, метавшегося в свете прожектора, видели собаку, бежавшую через поле. Даже корову. Но немца еще не видели.

Ему крикнули, замахав руками:

— Быстро! Schnell!

Уже другой самолет снижался для посадки, и немец, поглядывая на него, побежал, продолжая держать руки поднятыми. Он, запыхавшись, подошел к нам и остановился, растерянно скользя взглядом по нашим лицам. Определив, что старшая здесь Бершанская, немец пробормотал что-то невнятное. Он, конечно, никак не ожидал, что ему придется сдаваться в плен женщинам. Выпучив глаза, стоял как вкопанный.

Командир полка резко повернулась к Наде и приказала:

— Вызовите кого-нибудь из батальона обслуживания. Пусть возьмут его!

Вскоре солдаты, развозившие бомбы, отвели немца в деревню. Это был наш первый пленный.

Но случалось и по-другому.

...Наша летная площадка находилась на окраине деревни. Сразу за ней — большая поляна и густой, высокий лес. Обнаружив в траве землянику, мы рассыпались между деревьями, собирая ягоды. Постепенно зашли мы далеко в лес. Хорошо была слышна перестрелка. За шоссеиной дорогой, пересекавшей лес,

держали оборону немцы, отрезанные от своих основных войск. Стреляли уже часа два. Сначала мы ходили с опаской. Потом, привыкнув к стрельбе, перестали обращать на нее внимание. Но когда начали палить где-то рядом, мы решили все-таки возвратиться в деревню.

Никто не заметил, что с нами не оказалось Ани Елениной. Вскоре в деревню пришел сержант.

— Где тут командир? — спросил он зычным голосом.

Близко находилась начштаба Ирина Ракобольская.

— В чем дело?

— Вот, понимаете, товарищ капитан, поймали в лесу какого-то человека... В нашей форме. Говорит, женщина...

Ракобольская улыбнулась уголком рта и опять продолжала слушать сержанта с серьезным видом.

— Говорит, что из летного полка. И что женщина... — повторил сержант. — А вроде нет...

— Так как же все-таки — женщина или нет? — не выдержала и засмеялась Ракобольская.

Он замаялся. Покашлял в кулак и, поколебавшись, сказал:

— Вот вы похожи, а тот — ну никак!..

— Документы смотрели? Не помните фамилии?

— Нет, не помню. И карта у него... у нее... с пометками.

Он неуверенно произнес последние слова и замолчал, поводя глазами то вправо, то влево. Девушки, проходившие мимо, все, как одна, были в брюках, в гимнастерках. С короткой стрижкой, в пилотках, многие были похожи на парней.

Ракобольская ждала, что же еще скажет сержант.

— Ну? Так что же вы хотите?

Он переминался с ноги на ногу, очевидно поняв, что вышла ошибка.

— Разобраться бы надо... Может, и вправду женщина...

Она весело сверкнула глазами:

— Пойдемте.

Спустя некоторое время начштаба вернулась со своим заместителем Аней Елениной, освободив ее из «плена». Аня, смеясь, рассказывала, что ее приняли за шпиона.

Высокая, худощавая, она была похожа на юношу. Энергичное лицо, на коротких волосах пилотка. И в довершение всего — планшет с картой, которые сразу же вызвали подозрение...

ГЛУПЫЕ, ГЛУПЫЕ ДЕВЧОНКИ...

Небо постепенно бледнело. Тускнела луна, и острые зазубрины ее неровного, будто обломленного края постепенно сглаживались. Последние самолеты, устало рокоча, возвращались с боевого задания.

Выключив мотор, я еще немного посидела в кабине, откинув голову на спинку кресла и закрыв глаза. Вылезать не хотелось: для этого нужно было сделать усилие.

— Наташа, пойдем? — позвала Нина.

Она стояла у самолета и ждала меня. Раз, два... три! Я быстро поднялась с кресла — первое усилие сделано...

Мы направились к старту. Возле небольшого вагончика, который служил нам КП, собрались девушки. Сидели на траве, ждали возвращения последнего самолета.

Нина вошла в вагончик, а я осталась у двери. Поболтать. В раскрытую дверь я видела, как она показывала что-то на карте начальнику штаба Ракобильской. А начштаба смотрела то на карту, то на Нину и кивала головой, изо всех сил стараясь пошире раскрыть слипавшиеся веки.

Девушки переговаривались, обмениваясь впечатлениями от полетов. Некоторые дремали. Самолет, на котором улетели Катя Олейник и Оля Яковлева, задерживался.

Худякова, круглолицая, румяная летчица, сегодня говорила много и громче всех. После трудных полетов она была возбуждена.

— Жигули, это ты во втором вылете бомбила вслед за мной?

— Угу, я.

Жека на мгновение приоткрыла глаза и снова закрыла. Она сидела, удобно поджав колени и опершись о чью-то спину.

— Ну, спасибо тебе. Прямо по пулемету ударила! Я уже думала, не выберусь живая!..

— Угу,— опять сказала Жека, продолжая дремать.

— Проекторы сразу переключились на тебя, а я тут же улизнула.

Жека поежилась, сунула руки поглубже в рукава комбинезона и сидела так, свернувшись шариком, не открывая глаз. Будто хотела сказать: «Да, я ударила прямо по пулемету. И мой самолет схватили. Ну и что? А сейчас не мешайте: мне хочется спать...»

Из вагончика высунула голову начштаба:

— Не видно еще?

С тревогой в глазах она посмотрела на светлое небо, прислушалась. Потом перевела взгляд на сидящих, на спящую Жеку.

— Уже минут на двадцать задерживаются... Может, начнете разруливать по стоянкам?

— Нет-нет, подождем еще. Сейчас вернутся,— уверенно сказала Худякова.

Но Катя Олейник и Оля Яковлева все не возвращались.

Мы прозвали их «Старá» и «Малá». Потому что Катя, девушка с мягким украинским юмором, обращалась к подругам не иначе, как: «А ну, старá, скажи...» или: «Как думаешь, старá...» Штурмана же своего Оленьку называла «Малá». Плотная, большеглазая Катя была всего па два года старше Оленьки, маленькой, изящной девушки с милой, застенчивой улыбкой.

Вдали на дороге показалась машина. Свернув, она помчалась прямо по полю, подпрыгивая и погромыхая. Ехал Ваня, шофер из батальона обслуживания. Он водил машину с таким видом, как будто это был не обыкновенный грузовик, а шикарный лимузин. Резко затормозив, Ваня затем эффектно остановил машину и не спеша вышел с важным видом. Но сразу же щеки его порозовели, и он смущенно сказал:

— Доброе утро.

Ваня — совсем молодой паренек, на вид ему лет семнадцать. Он пошел на фронт добровольно, раньше срока. Вообще-то на машине работал другой шофер, но Ване уж очень правилось приезжать на старт и везти летчик домой после боевой работы. Удивительно хороши были у Вани глаза — темные, глубокие. Так и хотелось смотреть в них. И мы с удовольствием встречали паренька.

— Здравствуй, Ваня! — заулыбались девушки. — Как там завтрак, готов?

— Готов, — ответил он. — Что, не все вернулись?

Быстро пробежав глазами по нашим лицам, Ваня сразу заметил, что нет Оленьки. И он растерянно стал оглядываться вокруг, будто искал поддержки, но спрашивать не решался.

Уже взошло солнце и алым огнем пробивалось сквозь тучи, сгустившиеся у самого горизонта, когда наконец послышалось слабое стрекотание мотора. Летел «ПО-2». Вскоре самолет зашел на посадку. Приземлился он как-то странно: плюхнулся на землю с работающим мотором. Когда самолет подрулил к остальным и остановился, мы увидели, что он весь изрешечен.

Потом уже мы узнали, что за ним гонялся вражеский истребитель. Он сделал несколько заходов, стреляя в «ПО-2». С боль-

гим трудом на бреющем полете Кате удалось уйти от фашиста. А может быть, у того просто кончились боеприпасы. На самолете было перебито управление, но все же Катя привела его на свой аэродром. Буквально «на честном слове и на одном крыле».

«Стара» и «Мала» обе были ранены. В первый момент никто этого не заметил, а сами они постеснялись сразу сказать, считая, что ранены легко.

Когда Ракобольская слушала краткий доклад Кати о выполнении задания, она вдруг, тихо ахнув, прижала руки к груди и воскликнула испуганно:

— Что с вами?

«Стара» стояла, опустив руки, как положено. По правой ее ладони текла кровь и капала на траву. Рукав комбинезона намок.

От неожиданности сама Катя тоже испугалась, побледнела и покачнулась. Вероятно, она тут же упала бы, если б Ракобольская не подхватила ее. Но «Стара» быстро овладела собой и стала успокаивать начштаба:

— Та ничего... Это пройдет. Страшного ничего нет.

Оленька, которая находилась рядом, чувствовала себя неловко, не зная, сказать ли о том, что и она ранена. У нее было задето пулей плечо, и она невольно поднесла руку к тому месту, где темнело пятно и комбинезон был прострелен.

— Где врач? Позовите врача,— уже спокойно приказала начштаба и, еще раз посмотрев на девушек, покачала головой, будто хотела сказать: «Глупые, глупые девчонки...»

Обе, «Стара» и «Мала», стояли с виноватым видом, опустив головы.

НЕМЦЫ СДАЮТСЯ

Они были всюду, немцы, которые затерялись в водовороте военных событий, отстали от своих полуразбитых и отступивших дивизий и полков. Группами и в одиночку они бродили по белорусским лесам и полям, прячась во ржи, в кустарнике.

Наши войска стремительно двигались вперед, отодвигая фронт все дальше на запад, и большинство бродячих немцев, утратив всякую надежду вернуться к своим и боясь умереть с голоду, шли сами сдаваться в плен.

Трудно было представить, что еще недавно эти жалкие люди, оборванные и тощие, считали себя завоевателями.

Крупные группировки фашистских войск, очутившись в окружении, в нашем тылу, еще на что-то надеялись, пытались прорваться к фронту. Они яростно сопротивлялись и не хотели сдаваться. Приходилось применять силу, чтобы заставить их сложить оружие.

Однажды произошел случай, о котором вскоре какой-то поэт написал стихи во фронтовую газету.

...Летная площадка, которую в полку называли «аэродромом», оказалась по соседству с довольно большой группировкой противника.

Весь день шла перестрелка. Немцам удалось перерезать шоссе в лесу, а наши пытались сбить их с этого рубежа. По группировке стреляла «катюша», выбрасывая длинные языки пламени.

Ночью полеты за линию фронта отменили. Часть экипажей получила задание пробомбить лес, где засели немцы. А утром полк перебазировался на новое место, ближе к фронту.

На прежней точке остался один самолет, который требовал основательного ремонта. Вместе с ним техник Оля Пилипенко и пять мужчин — работников полевых ремонтных мастерских.

Расположились они на опушке леса. Работа двигалась довольно медленно: не хватало инструментов.

Старшей по званию и должности была Оля: на погонах у нее светлели две небольшие звездочки. Она несла ответственность за всю группу и руководила ремонтом самолета.

Невысокая, с внимательными серыми глазами и строгим, по добрым выражением лица, она вызывала к себе уважение. Авиационным техником Оля стала еще до войны и хорошо знала свое дело. Ремонтники выполняли ее распоряжения беспрекословно.

Говорила она негромким голосом, нараспев, с чуть заметным украинским акцентом. При этом слегка щурила глаза, словно хотела получше рассмотреть собеседника, и щеки ее розовели. Была она нетороплива и прежде чем принимала какое-нибудь решение, тщательно его обдумывала.

Оля не только руководила ремонтом. Ей, как единственной женщине, приходилось и обед готовить на всех. Она добровольно взяла на себя эту обязанность: у нее получалось и быстрее и вкуснее.

В лесу изредка постреливали. Группировка продолжала держаться. Иногда стрельба усиливалась, и Оля с тревогой прислушивалась, боясь встречи с немцами. Да и каждый знал: случись

врагу прорваться в направлении самолета, вся команда окажется в незавидном положении.

Стоило только Оле обнаружить признаки беспокойства, и рядом с ней оказывался Коля Сухов. Как будто невзначай он говорил:

— Наши раздолбают их. Уже скоро. Их крепко зажали...

Оля смотрела на него и кивала головой. Он был красив, этот совсем еще молодой паренек с худощавым горбоносым лицом и горячими карими глазами. Незаметно он наблюдал за девушкой, и она даже затылком чувствовала на себе его взгляд. Нахмурившись и крепко сжав губы, Оля неожиданно быстро поворачивалась, чтобы поймать взгляд, который жег ее. Но Коля всегда успевал отвести глаза.

Когда Коля Сухов говорил что-нибудь, пожилой усатый Панько считал своим долгом возражать ему. Услышав, что Коля говорит о вражеской группировке, он тоже вступил в разговор.

— Оно, конечно, так, — сворачивая сигарку, сказал Панько, — только наши все ушли вперед, а тут оставили... ну, взвод — не больше.

— Откуда вам знать — взвод или полк?

— А оттуда, что хватит и взвода. Чего ж напрасно людей задерживать в тылу? Немцы и сами...

— Что сами? Что? — начинал горячиться Коля.

— Сами понимают. Вот что. Ну и, того, деваться им некуда.

Так они спорили, доказывая друг другу, собственно говоря, одно и то же. Панько рассуждал медленно, уверенно, а Коля, как всегда, запальчиво, с вызовом.

— Ты, того, помолчи. Сопляк еще, — обычно заканчивал Панько.

Коля обиженно замолкал и уходил в сторону.

Два дня прошли спокойно. Каждый вечер Панько, поужинав и аккуратно вычистив хлебом свой котелок, обращался к Оле:

— Товарищ техник-лейтенант, ну как — будем пугать немчуру?

— Можно, Панько, — отвечала она серьезно, — чтоб сюда не забрели ночью.

Получив разрешение, Панько вставал и брал единственную винтовку. Другого оружия в команде не было. Разве что холодное — ножи, которыми пользовались при ремонте.

Сначала он зачем-то медленно и тщательно осматривал винтовку, как будто сомневался в ее надежности, потом с расста-

повкой делал несколько выстрелов в воздух и укладывался спать. И всем становилось спокойнее: если и бродят поблизости немцы, то, услышав стрельбу, вряд ли пойдут в сторону выстрелов.

На третий день работать начали очень рано. Спешили, чтобы к обеду кончить ремонт.

Коля находился рядом с Олей. Он насвистывал что-то грустное, время от времени поглядывая на девушку.

Будто случайно приблизился к ней и коснулся плечом ее руки. Оля почувствовала, как горячий ток пробежал по телу. Ей было приятно, и она не сразу отодвинулась от Коли. Когда он медленно повернул голову и посмотрел на девушку, брови ее были тесно сдвинуты, лицо пылало и губы дрожали. Она быстро отдернула руку и, волнуясь, сказала сердито, каким-то чужим голосом:

— Видишь, консоль погнута. Исправь!

А сама отошла от самолета, сорвала травинку и стала кусать ее, глядя в сторону.

В это время совсем близко прозвучала дробь пулемета. Все бросили работу и стояли, прислушиваясь. Коля подошел к Панько, который уже держал винтовку наготове. Потянул за ствол, попросил:

— Дай-ка мне. Схожу посмотрю, что там.

Панько, не выпуская винтовки из рук, хмыкнул, поправил зачем-то свои усы и сказал:

— Один? Нет, не дам. Нельзя.

Коля опустил руку.

— Все равно пойду!

Он взял два ножа, сунул их за голенище и выпрямился. Все взглянули на Олю. Нахмурившись, она напряженно думала. Немного поколебавшись, сказала:

— Ладно, сходи. Только шум не поднимай. Узнай, в чем дело, и назад.

И Коля ушел навстречу выстрелам.

Вернулся он не скоро, часа через три, весь исцарапанный, в крови. Гимнастерка на плече была порвана, рука перевязана белой тряпкой.

— Ты что, дрался? Что с рукой?

— Да ничего. Так, поцарапал.

Он рассказал, что немцы пытались прорваться, но их отбросили.

Долговязый молчаливый Макарыч спросил:

— А пемцев ты видел?

Коля презрительно взглянул на него и, обращаясь к Оле, сказал:

— Они тут, за шоссе.

Потом полез в карман и, достав пистолет, протянул ей:

— Вот. Бери.

Оля осторожно взяла, повертела, разглядывая:

— Немецкий?

— Да.

Она опустила глаза и увидела, что у Коли одного ножа за голенищем не хватало.

— Да-а, — протянул Панько. — Трофейный, значит.

— Спасибо, — сказала Оля, — только ты оставь его себе. И больше не ходи. У меня есть свой, в полку он...

В полдень, когда самолет был готов, сели передохнуть и пообедать. Стояла жара. Редкие сосны не защищали от солнца, поэтому обедали под крылом самолета, в тени. Ели гречневую кашу. Оля исподтишка наблюдала за Панько и потихоньку улыбалась. Он ел с аппетитом. Не спеша подносил ко рту ложку, с наслаждением вдыхал запах каши и потом усердно двигал челюстями, хотя в этом не было особой надобности. Усы его шевелились, как у жука. Неизвестно, что ему нравилось больше — каша пахучая, с дымком, или же сам процесс еды.

Вдруг Оля заметила, что Панько перестал жевать и смотрит на дорогу. Она проследила за его взглядом и увидела на дороге немцев. Они шли группой.

— Идут, — сказал Панько, вздыхая, как будто знал, что они придут, и уже давно ждал их. Только вот жалел, что время они выбрали неудачное — обед. И он снова принялся за кашу.

Немцы шли по направлению к самолету. В колонне их было человек шестьдесят. На длинной палке болталась белая тряпка.

— Сдаваться идут, — уточнил Панько, стряхивая крошки хлеба с усов. — А может, того... попугать?

Оля строго посмотрела на него.

— Возьми винтовку и держи ее. Чтоб видели. — И добавила: — Остановишь их по всем правилам...

Группа приближалась. Оля и остальные стоя ждали. Все немного волновались. Сердце у нее защемило: что, если немцы передумают?! Их много, и все вооруженные.

Когда Панько остановил немцев, вперед вышел один из них и на русском языке сказал, что он переводчик.

Оля приказала им сдать оружие, показав место, куда они

должны его сложить. Соблюдая порядок, немцы подходили и бросали в кучу все свое вооружение.

Выпрямившись, как на параде, маленькая, серьезная Оля следила за тем, как растет перед ней грудa автоматов, пистолетов. Один немец положил даже какой-то длинный нож, что-то вроде кинжала.

Переводчик услужливо сообщил, что в группе есть офицеры и большие чины из штаба соединения, которым командовал генерал Фалькнерс.

Сам генерал стоял тут же молча, с непроницаемым лицом. Только один раз, когда он понял, что сдается в плен женщине, лицо его дернулось и рот болезненно скривился. Он бросил на Олю долгий, испытующий взгляд, будто хотел определить совершенно точно, в какой степени унижительно ему, боевому генералу, сдаваться в плен какой-то девчонке.

Оля почувствовала этот взгляд и поняла его значение. Внутренне напрягшись и очень волнуясь, но стараясь казаться спокойной, она посмотрела на генерала и не отвела глаз до тех пор, пока он сам не опустил голову.

Она распорядилась, чтобы пленных отвели в деревню, где находился сборный пункт.

Когда их выстроили в колонну и Панько готов был дать команду трогаться, генерал через переводчика попросил Олю, чтобы там, куда их поведут, сказали, что они сдались добровольно.

Оля кивнула и подозвала Панько:

— Предупредишь там, что они сами пришли.

— Есть, товарищ техник-лейтенант! — неожиданно гаркнул что было силы Панько, вытянувшись перед ней, как перед большим начальством, и стукнув каблуками.

Оля поняла Панько, который хотел показать немцам, что она очень важная персона и сдать в плен ей — это все равно, что по меньшей мере генералу.

Повернувшись по всем правилам, Панько пошел с винтовкой наперевес. Никогда еще он не шагал с таким энтузиазмом. Обычно он ходил вразвалку, с лентой, как ходят пожилые мужики в деревне.

Колонна, сопровождаемая Панько и Макарычем, двинулась к деревне. Оля стояла и молча смотрела ей вслед. Она думала о том, что вечером прибудет самолет и привезет Катю, летчицу. Вместе с ней на отремонтированной машине Оля улетит на запад, туда, где теперь находится полк. И снова начнется обычная

фронтовая жизнь: ночные дежурства на аэродроме, когда за ночь так набегаетесь и устанешь, встречая и провожая самолеты, заправляя их горючим и маслом, что утром ноги гудят... А днем, после нескольких часов сна, опять на аэродром — готовить машины к боевым вылетам. Ну что ж, такая работа у техника!

Она оглянулась. Вдали стоял Коля и наблюдал за ней. С улыбкой она пошла к нему навстречу. На ходу нагнувшись, сорвала несколько красных полевых гвоздик.

— Ну, вот мы и расстанемся сегодня. Возьми, Коля.

НИТОК НЕ ХВАТАЕТ...

На волейбольной площадке шумно и весело. Играют две команды — эскадрилья на эскадрилью.

— Жигули! Давай гаси! — кричат болельщики.

— У-ух! Есть!

Жека Жигуленко, или «Жигули», — главная фигура на площадке. Высокая, сильная, она легко «гасит» мячи через сетку, будто гвозди вбивает.

Волейбол — наше очередное увлечение.

Мы долго увлекались шахматами. Особенно наша эскадрилья. Только появится свободное время — уже сидим за доской.

На турнирах, которые мы устраивали, неизменно побеждала летчица Клава Серебрякова. Мы звали ее Клава-джан: что-то было в ней грузинское. Может быть, темперамент. Играла она весело. Сверкая густо-синими глазами, низким, хриловатым голосом отпускала шуточки и потом вместе со всеми смеялась. Говорила она нарочно с грузинским акцентом.

— Слушай, кацо, а зачем ты коня кушаешь? Appetit сильный, да? Удержаться не можешь, да?

Ее противник недоуменно поднимал глаза, а Клава продолжала:

— Ты еще сильнее подумай. А подумашь — не будешь кушать...

Бывало, когда противник уж очень долго думал, Клава-джан брала свою гитару и от нечего делать на ходу сочиняла:

У меня миленка два:
в том полку и в этом.

Одного люблю зимой,
а другого — летом.

Все у нее получалось здорово. Она все успевала: и обыгрывать нас, и петь, и острить.

На задание я летала,
повстречала самолет.
В нем я милого узнала:
эффективный был полет!

Со временем увлечение шахматами прошло. Нет, мы продолжали играть, но это уже не было болезнью. Играли тихо, турниров не устраивали. И по-прежнему победителем выходила Клава-джан.

Новое увлечение охватило всех поголовно. Вышивание. Мы где-то доставали цветные нитки, делились ими, обменивались. Нитки присылали нам из дому в конвертах родные, знакомые.

В ход пошли портянки, разные лоскутки. Рвали на куски рубашки — ничего не жалко! Вышивали лихорадочно. С нетерпением ждали, когда выдастся свободная минутка. Можно было подумать, что в этом — смысл жизни!

Некоторые умудрялись вышивать на аэродроме, под крылом самолета, в кабине. Даже в столовой после полетов можно было слышать:

— Оля, ты уже кончила петуха?

— Понимаешь, осталось вышить два пера в хвосте: синее и оранжевое. А ниток не хватает.

Оля вытаскивала из кармана комбинезона кусок материи и аккуратно его раскладывала.

— Вот смотри. Если вместо синих взять зеленые...

И обе самым серьезным образом обсуждали петушиный хвост.

Этой болезнью заразились все, в том числе и командир полка. Вышивали болгарским крестом, гладью, разными стежками... Какие-то цветы, геометрические фигуры, головки зверей и даже целые картины.

И вдруг все прошло. Перестали вышивать. Стали играть в волейбол. В каждой эскадрилье своя команда. Итого — четыре. Всю осень, пока наш полк базировался в польском имении Рынек, шли ожесточенные бои между командами. Мы недосыпали днем, вставали раньше времени и бежали на волей-

больную площадку, чтобы успеть сразиться перед тем, как идти на полеты. Уставали до чертиков, но остановиться не могли...

И так всегда. Обязательно какое-нибудь увлечение. Даже в самые тяжелые периоды боевой работы...

ИЗ-ЗА ПРУДА ВСТАВАЛО СОЛНЦЕ

В деревне была всего одна улица, широкая, ровная. Эту улицу и решила использовать командир полка как площадку для полетов.

Мы собрались небольшой группой и тихо переговаривались, прислушиваясь к низковатому голосу Бершанской. Таня и Вера, уже одетые для полета, стояли перед ней с планшетом в руках. Они должны были лететь первыми.

— Задание ясно?

— Ясно, — ответили сразу обе и приготовились идти.

— Будьте осторожны, — продолжала командир полка, не торопясь отпускать их.

Она стала разглядывать карту, вложенную в планшет. На лбу резкая вертикальная складка. Глаза сощурены в узкие щелки.

«Зачем карта? — подумала я. — Вон цель, за речкой. Отсюда рукой подать». Я посмотрела в ту сторону, где за небольшой белорусской деревушкой синела полоска леса. Там, в лесу, сосредоточились остатки фашистских войск, так называемая группировка. Гитлеровцы отказались сложить оружие, надеясь прорваться к фронту, к основным силам. Наша задача: заставить их сдаться.

— Бомбить лучше серией. С одного захода. — Бершанская не отрывала глаз от карты.

Таня кивнула. Вера немного удивленно смотрела на командира полка: зачем это объяснять, они же не новички...

Бершанская помолчала, все еще не отпуская их.

«Почему она тянет? — не понимала я. И тут же догадалась: — Боится за них... Боится, что не вернутся!»

У нее были основания беспокоиться: бомбить днем на самолете «ПО-2» крайне опасно. Незадолго до получения задачи мы наблюдали, как связной самолет из дивизии, пролетая над лесом, был обстрелян и сбит. Раненый летчик с трудом

дотянул до нашего аэродрома. Из задней кабины вынули тело убитого штурмана...

Бершанская наконец подняла глаза.

— Выполните задание — и быстрее домой!

Она пристально посмотрела на Таню. Потом на Веру. В зеленых щелках — тревога. Брови сурово сдвинуты. Словно приказывала: «Вернуться!»

Таня поняла, улыбнулась.

— Все будет в порядке, товарищ командир!

— Идите.

Девушки направились к самолету.

Бершанская смотрела им вслед. Выражение ее лица изменилось. Складка на лбу разошлась, губы страдальчески дрогнули. Да, ей, командиру, стоило огромных усилий и мучений поступать так, как она поступала, но другого выхода не было.

Таня Макарова и Вера Белик — лучший в полку боевой экипаж. У каждой из них было около семисот боевых вылетов. Девушки подружились сразу, как только их назначили летать вместе. Третий год они не расставались ни на земле, ни в воздухе.

Командир полка смотрела, как шли они рядом, высокие, тоненькие. Сколько раз она провожала их в полет, посылая на опасные задания, ждала: вернутся ли? Они возвращались. Оттуда, где гром зениток, вспышки разрывов, слепящий свет прожекторов. Из черноты ночи. А теперь — днем...

Таня шла небрежной, танцующей походкой и тихонько напевала какую-то песенку. Вера шагала серьезная, сосредоточенная.

— Давай, Макар, веселее! — пошутил кто-то из девушек. — В полный голос!

Сделав вид, что сейчас громко запоем, Таня остановилась и оглянулась на Бершанскую. Потом, широко улыбнувшись, развела руками: начальство смотрит...

Пока самолет готовили к вылету, мы столпились около Тани. Стояли и болтали о чем-то постороннем, не имеющем никакого отношения к полету.

Тем временем Вера забралась в кабину и что-то проверяла, переговариваясь с девушками-вооруженцами, которые подвешивали бомбы. Она, как всегда, тщательно готовилась к вылету, не забывая ни одной мелочи.

Наверное, вот так же серьезно она готовилась бы к лекциям... До войны Вера училась в педагогическом институте. Она любила

детей и собиралась вернуться из Москвы в родную Керчь, чтобы там преподавать физику в школе.

Мы стояли и слушали Таню. С лица ее не сходила улыбка, как будто она и не думала о предстоящем полете.

Высокая, слегка сутуловатая, с узкими плечами и нежным овалом лица, Таня напоминала цветок на длинном стебле. Казалось, ее слабым рукам не удержать штурвал самолета...

Но мы знали ее как отличного летчика. Смелого. Со своим летным почерком. Пожалуй, никто в полку не летал так умело и красиво, как она.

С детских лет Таня была влюблена в небо. Еще подростком, длинноногой девчонкой она бегала смотреть воздушные парады в Тушино. А в семнадцать лет уже умела управлять самолетом. Потом она стала летчиком-инструктором...

Таня всегда немного стеснялась того, что была слишком женственной, никак не похожей на летчика. И чтобы скрыть это, старалась напустить на себя бесшабашно-веселый вид, говорила подчеркнуто грубоватым тоном. Однако это ей не помогало.

...Посмеиваясь, Таня продолжала рассказывать, а Вера, занятая своими штурманскими делами, изредка бросала ей реплики.

— Татьяна, скоро ты кончишь треп? Иди лучше самолет проверь.

— Работай-работай, Верок, я тебе полностью доверяю...

Волновалась ли Таня перед опасным вылетом? Глядя на нее, трудно было определить это. Внешне она оставалась спокойной, только, может быть, смеялась громче, чем обычно...

Наконец Вера вылезла из кабины и подошла к пей.

— Бомбы подвешены. Все готово.

— Ну валяй садись, — застегивая шлем, сказала Таня.

Они не спеша уселись в кабинах. Запустив мотор, Таня улыбнулась нам ободряюще (что носы повесили?) и послала воздушный поцелуй.

Самолет взлетел. Мы наблюдали за ним.

Набрав метров триста — четыреста, Таня взяла курс на лесок. Оттуда по самолету открыли огонь. Мелкие вспышки окружили его, оставляя в воздухе светлые дымки. Таня маневрировала, меняя курс. Мы молча следили за поединком.

Застрочил зенитный пулемет. «ПО-2» оказался прямо над ним. От самолета отделились бомбы, и серия взрывов взметнулась над лесом. На несколько мгновений самолет словно повис,

застыв на месте. И потом сразу свалился на крыло, понесся к земле...

Таня! Танюша!..

Конец был близок. Еще секунда — и машина врежется в лес. Немцы прекратили огонь, уверенные в успехе.

Но нет, самолет не сбит! На небольшой высоте Таня выровняла его и бреющим полетом, чуть не касаясь верхушек деревьев, ушла в сторону аэродрома.

Промчавшись истребителем над нашими головами, самолет круто развернулся и зашел на посадку.

Девушки сели. Мы бросились к ним: живы, целы. Каждой хотелось крепко обнять их.

У Веры глаза стали влажными. Лицо ее порозовело, и она нагнулась, делая вид, будто ищет что-то в кабине. Таня отмахивалась с обычной своей шутливой грубоватостью.

— Да ну вас! Чего пристали? Как мухи... — говорила она, и видно было, что полетом она довольна.

— Танечка, мы так боялись за вас!

— Вот еще! Подумаешь, дело какое — сбросить пару-другую бомб. В первый раз, что ли?

Спрыгнув на землю, Вера медленно обошла самолет, осматривая его.

— Татьяна, ты посмотри, как они испортили машину, — огорченно протянула она и прикоснулась к пробитому крылу так осторожно, будто боялась причинить ему боль.

— Ерунда! Все эти дырки можно заклеить за пять минут. Потопали докладывать.

И девушки направились к командиру полка.

Второму экипажу не пришлось лететь: немцы выбросили белый флаг.

...А потом был август 1944 года. Белорусские леса, приступы малярии и фашистские группировки — все это осталось позади. Мы летали в Польше и с нетерпением ждали, когда нам дадут задание пересечь границу Германии.

Первым экипажем, который бросил бомбы по фашистам на их собственной земле, в Восточной Пруссии, были Таня и Вера.

Жили мы тогда в польском имении «Тик-так». Это мы дали ему такое название. Кто-то пустил слух, что в подвале тикает мина. Скорее всего никакой мины не было, потому что на стенах дома мелом были выведены надписи: «Разминировано». Но проверить было некому, и на всякий случай нас выселили из шикарного белого дома с колоннами.

Стояло теплое лето. Мы разместились в тенистом парке, который спускался к пруду. Спали прямо под кленами.

А дом стоял себе и не взрывался...

Мой мешок, набитый сеном, лежал под развесистым кленом. Рядом расположились Таня и Вера. Каждое утро после ночных полетов, перед тем как уснуть, мы смотрели, как над прудом поднимается ослепительно красное солнце. Лучи его золотистыми снопами пробивались сквозь кроны деревьев и тонули в воде.

Однажды, вернувшись с полетов, я бросилась на постель не раздеваясь. Из-за пруда вставало солнце. Я долго смотрела на него. Смотрела и не видела...

Рядом с моей лежали две свернутые постели, и два рюкзака сиротливо прижались к дереву.

Утром от наземных войск сообщили, что недалеко от передовой нашли остатки самолета и два обгоревших трупа. Уже несколько дней ночью на нашем участке фронта действовали вражеские истребители. Они охотились за самолетами «ПО-2».

В ту ночь с Таней собиралась лететь штурман полка. Время от времени она летала со всеми летчиками по очереди. А Веру назначили в другой экипаж. Однако обе девушки почему-то запротестовали. Они настояли на своем и полетели на задание вместе.

Мне всегда кажется, что и Таня и Вера тогда чувствовали: кто-то из них должен погибнуть. И не хотели разлучаться...

Похоронили их под кленами в имении «Тик-так», недалеко от польского города Остроленка.

ЗАДАНИЕ — ДОСТАВИТЬ БОЕПРИПАСЫ

Небольшой прусский городок примыкает вплотную к железной дороге. Мы поселились в просторном доме с множеством комнат. Рассказывают, что здесь была школа разведчиц. Действительно, в нескольких комнатах стоят деревянные койки с матрацами. В библиотеке много политической литературы, особенно на русском языке. Маркс, Ленин, история Коммунистической партии...

В городке еще свежи следы наступления. Вчера здесь прошли наши танки и пехота. Городок совершенно пуст, ни одного жителя. Двери покинутых домов распахнуты, окна разбиты. Кое-где лежат убитые.

В стороне от городка имение. Вокруг главного здания разбросаны группами мелкие постройки. В загородке надрывно ревут недоенные коровы...

Весь день с короткими перерывами идет снег.

Вечером отправляемся на полеты. Идем, еле волоча ноги: снег сырой, липнет к унтам. Дороги к аэродрому нет. Да, собственно, и аэродрома-то нет. Обыкновенное поле, на котором расчищена довольно узкая взлетно-посадочная полоса.

Наши «ПО-2» переведены с колес на лыжи. Еще ни разу на фронте нам не приходилось летать с лыжами: две зимы мы воевали на юге. А я и вовсе никогда не пробовала взлетать или садиться на самолете, оборудованном лыжами, и поэтому ощущала некоторую неуверенность.

В этот день, собираясь на полеты, я старалась делать все так, как делала вчера, позавчера. И ничего по-другому. Так было спокойнее, хотя некоторое чувство тревоги все-таки оставалось...

Сегодня боевая задача—доставить боеприпасы группе наших войск, которая оказалась отрезанной от основных сил. Наступая, эта группа вырвалась далеко вперед. Боеприпасы у них подходили к концу.

Погода нам явно не благоприятствует. Валит густой снег. Временами он прекращается, из-за туч выскальзывает месяц.

Меня назначили разведчиком погоды. Я должна определить, можно ли пройти к цели. Если можно, то дойти до нее и выполнить задание: сбросить ящики с боеприпасами в строго определенное место.

Бершанская сказала, подозревая нас с Ниной:

— Задание важное. Люди сидят без патронов. Если через полчаса не вернетесь, значит, буду считать, что к цели пробиться можно. Начну выпускать остальные самолеты.

Перед полетом у меня кошки скребли на сердце: смогу ли взлететь на лыжах? Ведь в первый раз, да к тому же на каждом крыле — по четыре тяжелых ящика.

Самолет долго скользил по снежному полю, но так и не оторвался. Вернее, просто я не сумела его оторвать от земли. Рассердившись на себя (в душе я чувствовала, что так и будет), я зарулила назад и снова начала взлет. Теперь у меня уже был некоторый опыт. Набрав достаточную скорость, я поддержала ручку управления посильнее — и самолет оказался в воздухе.

И вот мы летим. Нина вертится в кабине, что-то проверяя, прилаживая. Ящики с патронами связаны системой веревок, концы которых находятся в кабине штурмана. Система, прямо сказать, ненадежная, и, видимо, Нина сомневается, сработает ли она как следует.

Сначала Нина не говорит мне о своих сомнениях. Но потом не выдерживает:

— Знаешь, Наташа, по-моему, они не упадут.

— Кто?

— Да ящики эти. Тут все запуталось.

— Подожди, надо еще долететь.

Под нами проплывает прусская земля. И как-то особенно остро чувствуешь, что она чужая. Совсем чужая. Мрачно темнеют лесные массивы. Враждебно притаились внизу села, хутора. С темными дорогами, расходящимися в разные стороны, они напоминают черных пауков.

Снова пошел снег. Некоторое время мы летим вслепую. Видимости никакой. Мелькает мысль: а не повернуть ли назад? Но я знаю: снег — это временно, облачность не сплошная. Значит, можно пробиться.

И действительно, вскоре мы выскакиваем из полосы снега. Впереди в форме подковы темнеет лесок — мы летим точно по маршруту. Дальше — развилка реки, за большой излучиной — наши. Они нас ждут. Им нужны патроны.

Внезапно ровный гул мотора прерывается. Короткие хлопки... перебои... Высота уменьшается... Сердце екнуло: неужели садиться?

Я двигаю рычагами. Подкачиваю бензин шприцем. Только бы не заглох мотор... Вытянуть бы...

Самолет планирует, теряя высоту. Мотор фыркает и — умолкает... Неужели совсем?! Снова короткое фырканье... Ну, миленький, давай, давай! Не подведи!

Постепенно он «забирает». Я прислушиваюсь: работает нормально. Видимо, в бензопровод попало немного воды.

Летим дальше. Низко нависла облачность. Сейчас опять пойдет снег. Успеем ли?

Наконец под нами река. Пересекаем развилку. На земле треугольник, выложенный из костров. Снизившись до ста метров, пролетаю над огнями. У костров на светлом снегу фигурки людей. Они машут руками, шапками. Я мигаю бортовыми огнями, приветствуя их.

— Приготовься, Нинок, буду заходить.

— Давай.

Спустившись еще ниже, я лечу немного правее костров на высоте двадцать — двадцать пять метров. Нина дергает систему веревок. Никакого результата: ящики преспокойно лежат на крыле.

Захожу еще раз — снова то же самое.

Черт возьми! Как же их сбросить? Приземлиться тут негде. Я еще раз внимательно просматриваю площадку. Нет, она совсем не пригодна для посадки: мала, изрезана оврагами, много деревьев.

— Что будем делать? — спрашиваю я.

— Заходи еще... Только сделай побольше круг.

На этот раз она вылезла из кабины на крыло.

Я осторожно веду самолет, делая развороты «блинчиком». Высокая фигура Нины маячит справа сбоку. Мне становится не по себе: вдруг поскользнется, свалится... или ветром снесет...

Но я молчу, чтобы не отвлекать штурмана. Сижу, боясь шевельнуться, и чувствую каждое ее движение. И мне кажется, что это я сама стою на мокром и скользком крыле, вцепившись рукой в борт самолета.

Мне становится жарко. Так жарко, что я стягиваю теплые краги. Поглядываю на Нину. Она сталкивает по одному все ящики сначала с правого крыла, потом, перебравшись на другую сторону, с левого. Ящики тяжелые, и сталкивать их приходится свободной рукой и ногами.

А я все кружусь и кружусь над кострами. Наконец ящики на площадке. Все восемь. Нина влезает в кабину.

— Ну вот и все. Теперь домой.

Она говорит это так, будто только и занимается, что каждый день вылезает в полете на крыло и сталкивает ящики...

Мы делаем последний круг, прощальный. Мигаем навигационными огнями. Нам снова машут там, внизу.

Но вот костры на земле тускнеют. Их заволакивает пеленой. Пошел снег...

На обратном пути я говорю своему штурману:

— Нинка, а ты молодец!

Мы никогда не хвалим друг друга, у нас это не принято. И она обиженно, но в то же время радостно отвечает:

— Ну вот еще... Чего это ты выдумала?!

ОСТОРОЖНО, ТУТ МИНЫ!

Зимой сорок четвертого готовилось наступление наших войск под Варшавой. Нам приходилось летать много. В долгие зимние ночи, когда в пятом часу вечера уже темно, а рассвет наступает только в девять, мы порядком уставали от полетов.

В то время мы уже брали с собой парашюты. Правда, сначала неохотно. Уж очень они обременяли нас. Полетаешь всю ночь, часов четырнадцать подряд, а утром не можешь из кабины выбраться. Просто сил не хватает. Забросишь ногу за борт, приподнимешься слегка — и вываливаешься из самолета как мешок... А тут еще парашют с собой тащить!

Но все-таки парашюты брали не зря.

Однажды от наземных войск сообщили, что в районе передовой упал горящий самолет. В ту ночь не вернулись с боевого задания командир третьей эскадрильи Леля Санфинова и штурман эскадрильи Руфа Гашева.

На следующий день мы узнали, что одна из летчиц погибла. Из полка на передовую поехала машина и привезла мертвую Лелю и живую Руфу.

Лелю похоронили, а Руфу, которая никак не могла прийти в себя после случившегося, отправили в санаторий. Только вернувшись оттуда, она смогла рассказать нам подробно обо всем, что пришлось ей пережить.

...В ту декабрьскую ночь Леля и Руфа, уже сделав два вылета, поднялись в воздух в третий раз. Для Руфы это был восьмьсот тринадцатый боевой вылет. Железнодорожная станция Насельск, которую они бомбили, находилась севернее Варшавы.

Прицелившись, Руфа сбросила бомбы. Самолет обстреляли. Развернувшись, Леля взяла курс домой.

— Обстрел прекратился, — сказала Руфа.

Далеко впереди поблескивала лента реки Нарев. Линия фронта была уже близко, когда Руфа вдруг увидела, что горит правое крыло. Сначала она не поверила своим глазам.

— Леля! Ты видишь?

Леля молча кивнула. У Руфы неприятно засосало под ложечкой: внизу чужая земля, враг... Вспомнилась Кубань и тот полет, из которого они с Лелей не вернулись. Это было полтора года назад. Сейчас Руфа опять переживала тревожно-гнетущее чувство, как и в тот раз, когда остановился мотор и они летели в темноте, теряя высоту, и знали, что не долетят, не перетянут

через линию фронта. Тогда все кончилось благополучно. А теперь? Что ждет их теперь?

Огонь быстро расползлся в стороны, подбираясь все ближе к кабине. Леля тянула время: видно, надежда долететь до линии фронта не покидала ее. Но вот уже медлить нельзя. Руфа услышала голос командира:

— Руфа, быстрее вылезай! Прыгай!

Машинально ощутив парашют, Руфа начала выбираться из кабины. Все еще не верилось, что придется прыгать. Обеими ногами она стала на крыло — в лицо ударила горячая волна, всю ее обдало жаром. Она успела лишь заметить, что Леля тоже вылезает, и тут же ее сдуло струей воздуха...

Падая, она дернула за кольцо. Но парашют почему-то не раскрылся, и Руфа камнем понеслась в черную пропасть. Ее охватил ужас, и она, собрав все силы, рванула кольцо еще раз. Тут ее сильно трянуло, и над головой раскрылся белый купол.

Приземлилась Руфа благополучно. Отстегнув лямки, высвободилась из парашюта и отползла в сторону. Сначала в темноте трудно было что-нибудь разобрать. На земле стоял сильный грохот; казалось, стреляют сразу со всех сторон. Хотелось поскорее куда-нибудь спрятаться. Она нашла воронку от снаряда и залезла в нее.

Первое, что увидела Руфа, оглядевшись, был «ПО-2», плававший на земле. Он показался ей живым существом, боевым товарищем, принявшим смерть без крика, без стонов, как и подобает настоящему воину.

Несмотря на холод, ей было жарко, лицо горело. В висках стучало, и почему-то назойливо лез в голову веселый мотив из «Севильского цирюльника».

Нужно было успокоиться, сосредоточиться. Вынув пистолет, Руфа положила руки на край воронки, опустила на них голову и прижалась лбом к холодному металлу. Мысли постепенно пришли в порядок. Прежде всего она должна определить, где восток, — там линия фронта. Но как? Звезды не просматривались: было облачно. Значит, по приводным прожекторам. Их было несколько, и все они работали по-разному. Сообразив наконец, где находится передовая, она поползла в ту сторону.

Где-то неподалеку изредка вспыхивали ракеты, и тогда Руфа замирала на месте. А в голове молотом стучала одна и та же мысль: «Леля! Где Леля? Что с ней? Удачно ли приземлилась? Может быть, она ушиблась, сломала ногу и лежит одна беспомощная? А может быть, ее схватили немцы?» И снова Руфа

вспомнила Кубань, когда они вместе ползли, перебираясь через линию фронта. Вместе...

Вдруг рука ее наткнулась на что-то холодное, металлическое. Осторожно Руфа ощупала предмет. Он имел цилиндрическую форму. Мина! Что же делать? Здесь было минное поле. Она огляделась вокруг, но в черной тьме не увидела ничего. Только сзади, на небольшой горке, где она приземлилась, белел парашют.

Так ничего и не придумав, она снова двинулась вперед, шаря перед собой рукой, а потом палкой, как будто это могло спасти ее. Через некоторое время перед ней возникла стена из колючей проволоки. Руфа попыталась подлезть под проволоку, но у нее ничего не получилось. И тут при свете вспыхнувшей ракеты она увидела совсем близко небольшую группу людей — человека три-четыре, которые быстро шли, пригнувшись к земле, по направлению к белевшему в темноте парашюту. Руфа приникла к земле: свои или немцы?

Когда они прошли, она снова сделала попытку пробраться через проволоку. Долго возилась, исцарапала руки и лицо, порвала комбинезон. Наконец ей удалось преодолеть препятствие.

Спустя некоторое время ей показалось, что впереди разговаривают. Она подползла поближе, прислушалась и вдруг совершенно отчетливо услышала отборную русскую ругань, которая в эту минуту прозвучала для нее как чудесная музыка. Свои! Она встала во весь рост и крикнула:

— Послушайте, товарищи!..

В ответ закричали:

— Давай сюда, родная!

И сразу же другой голос:

— Стой! Осторожно: тут мины!

Но Руфа уже была в траншее. Только тут она почувствовала, как устала. Ноги заledenели: унты были потеряны. На одной ноге остался меховой носок, другого не было. Его потом нашли и передали Руфе солдаты, ходившие к парашюту искать ее.

В траншее Руфу окружили бойцы, дали горячего чаю, кто-то снял с себя сапоги и предложил ей. Потом ее повели на командный пункт.

Долго шли по извилистой траншее, пока не уткнулись в блиндаж. Руфа двигалась как в тумане. В насквозь прокуреном помещении было много народу. Здесь ее расспрашивали, она отвечала. Качали головой: чуть бы раньше прыгнуть — и снесло бы прямо к немцам. Ширина нейтральной полосы, на

которую она приземлилась, была не больше трехсот метров. Отсюда, с земли, все видели: как загорелся самолет, как падал.

Ей хотелось спросить о Леле, но она не могла решиться. «Почему они не говорят о ней ни слова? Почему?» — думала Руфа. И, словно угадав ее мысли, кто-то произнес:

— А подружке вашей не повезло — подорвалась на минах.

Это было сказано таким спокойным, ко всему привыкшим голосом, что Руфа не сразу поняла. А когда смысл этих слов дошел до ее сознания, внутри у нее будто что-то оборвалось...

Она автоматически продолжала отвечать на вопросы, но все окружающее перестало для нее существовать. Все, кроме Лели. «Подорвалась... Леля подорвалась...»

— Она тоже шла через минное поле. Но там были мины противопехотные. А вы наткнулись на противотанковые, потому и прошли.

«Да-да... Я прошла. А вот Леля...»

Потом Руфу куда-то повезли на машине. Машина подъехала к землянке. Руфа оказалась перед генералом, который задал ей несколько вопросов. Она односложно отвечала, ничего не понимая, не чувствуя, как каменная. Генерал протянул ей стакан:

— Пей!

Это был спирт. Покачав головой, Руфа отказалась.

Тогда он решительно приказал:

— Пей, тебе говорят!

Она выпила спирт, как воду. Потом пришла медсестра, дала ей снотворное, но Руфа не уснула. Она знала: на рассвете Лелю должны вынести с минного поля. Уставившись стеклянными глазами куда-то в угол, она сидела и ждала рассвета. И опять в ушах звучал все тот же веселый мотив...

Часто приходила медсестра, что-то говорила. В памяти у Руфы оставалось только то, что касалось Лели. Утром Лелю должны были принести. За ней пойдут саперы... А может быть, она жива? Наступило утро, Лелю нашли, принесли. Руфа вышла из землянки посмотреть на нее. Леля лежала на повозке, и казалось, что она спит, склонив голову на плечо. Видно было только лицо, все остальное было прикрыто брезентом.

Перед Руфой на повозке лежала Леля. Она была мертва. Ей оторвало ногу и вырвало правый бок. Все это Руфа уже знала. Но ничто не шевельнулось в ней. Она равнодушно смотрела на подругу, как будто это была не она, а грудa кампей.

Вскоре приехали летчицы из полка. Обнимали, утешали Руфу, старались отвлечь от мыслей о Леле. Когда сели в машину,

Руфа сняла сапоги — передать солдату. Ей укутали ноги, и в течение всего пути она сидела молча, не проронив ни слова.

Спустя час показался аэродром, и на нем — замаскированные самолеты «ПО-2». Машина въехала в большой тенистый парк и остановилась у дома, где жили летчицы. Руфа сразу же встрепелась, заспешила и, выпрыгнув из машины, босиком побежала в свою комнату. Ей казалось, что настоящая Леля там, живая...

Два дня она лежала с открытыми глазами на койке и никак не могла уснуть. Возле нее дежурили, давали ей порошки. Она послушно принимала их, но сон не приходил.

Лелю решили похоронить в Гродно, на советской территории. Когда Руфа узнала, что Лелю увезут, то ночью пошла проститься с ней. Девушки-часовые пропустили Руфу в клуб, где лежала Леля. Медленно подошла она к гробу и упала...

Очнулась она у себя в комнате. В тот же день ее отправили в санаторий, где она пробыла почти месяц. Первое время Руфа не могла ни спать, ни есть, ни на что не реагировала, словно совсем выключилась из жизни. Врачи говорили, что у нее психотравма.

Целые дни она проводила у камина одна. Уставившись в одну точку, молча смотрела, как полыхает огонь. Она не могла оторвать глаз от пляшущих языков пламени. Ей все казалось, что она сидит в самолете, а пламя ползет по крылу, приближаясь к кабине...

Все, что случилось в ту ночь, никак не могло улечься в голову, стать прошлым. Отдельные моменты пережитого вдруг живо всплывали в памяти, только Руфа никак не могла связать их вместе, и это было мучительно.

Но однажды, когда она, как обычно, сидела, тупо уставившись в огонь, обрывки воспоминаний как-то сами собой соединились, и ей стало легче. Вечером она уснула и впервые за все это время проспала до утра.

А через несколько дней Руфа вернулась в полк. Сначала она опасалась: а вдруг после всего пережитого она будет бояться летать? Ведь иногда случается такое. Но все обошлось. Она снова начала летать на боевые задания с хорошей летчицей Надей Поповой. Энергичная и веселая, Надя много шутила и смеялась, пытаясь развлечь Руфу. На Лелю она ничем не была похожа, но в полете Руфа часто называла ее Лелей...

— Рр-раз — взяли!

— Еще — раз!

Самолет медленно, по-черепашьи двигается вперед. Я стараюсь, чтобы колеса не сползли с досок в густую глубокую грязь. Мотор работает на полной мощности. Техники тянут самолет, поднимая его на собственных спинах, утопая в черном месиве грязи. Перекладывают доски, когда по ним уже проручила машина.

Девушки забрызганы грязью, лица красные, еле дышат. Я сижу в кабине, но мне кажется, что я вместе с ними тащу самолет...

Здесь, в польском городке Слупе, нас застала распутица. Февраль, но снега почти нет. Днем на нашем аэродроме непролазная грязь. И только к середине ночи немного подмораживает.

Задача — бомбить крепость Грауденц, что на Висле. Крепость упорно держится.

Летать с раскисшего аэродрома невозможно. А надо! И мы летаем. Несмотря ни на что. Соорудили небольших размеров деревянную площадку, из обыкновенных досок. С нее самолеты взлетают, на нее садятся. Правда, приходится летать с боковым ветром — деревянную полосу не повернешь в нужном направлении. Но не это самое сложное.

Проблема — подрулить к старту. Колеса увязают в густой грязи по самую ось. Даже на полном газу самолет нельзя сдвинуть с места. Единственный выход — подкладывать под колеса доски...

Медленно, с трудом я наконец подруливаю к деревянной полосе и останавливаюсь на самом краю твердой площадки. Девушки-вооруженцы на руках подносят «сотки». Бомбы тяжелые, девушки кряхтят. Подвесить стокилограммовую бомбу нелегко. Но они наловчились: две-три девушки, стоя на корточках, на коленях, быстро поднимают «сотку», подводят ее к замку и подвешивают под крыло, закрепляя винтами. Потом другую... Когда бомбы подвешены, они уходят за новыми: уже подруливает следующий самолет.

Девушки-вооруженцы... Им здорово достается. Руки у них шершавые, потрескавшиеся. Зимой примерзают к металлу. Бывают ночи, когда каждая из них поднимает в общей сложности больше двух тонн бомб. Спать им приходится мало: днем они го-

товят взрыватели к бомбам, проверяют вооружение, чистят пулеметы, ходят в наряд. И питаются они не так, как летчики. Но никто из них ни на что не жалуется: война...

Почему-то они, как на подбор, все небольшого роста, тихие, скромные девочки. Техники — те погорластее. Если нужно, отругают летчика так, что только держись...

До утра мы летаем, бомбим крепость. А утром, пошатываясь от усталости, плетемся с аэродрома. Техники и вооруженцы еле ноги волочат.

На шоссе нас ждет машина. Трудно, ох как трудно поднять погу, чтобы влезть в нее!

Возле столовой нас встречает начштаба Ракобольская. Она, улыбаясь, подходит к Ире, ко мне и говорит:

— Поздравляю вас. Сегодня в газетах Указ о присвоении звания Героя Советского Союза девяти нашим девушкам. В том числе и вам.

Мы знали, что еще в октябре прошлого года нас представили к этому званию, но все равно растерялись. Как-то совсем неожиданно получилось. Ира покраснела и, поблагодарив ее, ничего не сказала. К этому времени счет боевых вылетов у Иры Себровой перевалил далеко за девятьсот. Она держала первенство в полку. Но не любила моя Ира, когда ее как-то отмечали, выделяли среди других...

Пока у нас в полку было пять Героев: Дуся Носаль, Женя Руднева (обеим это звание присвоено посмертно), Маша Смирнова, Дина Никулина и Дуся Пасько. Теперь еще девять.

...Из Слупа полк перелетел в город Тухоля. На домах, в окнах — польские национальные флаги. Красно-белые. Красное с белым всюду: в петлицах пиджаков, на шляпах жителей...

Большой зал местного театра. Здесь у нас торжество. Для вручения наград приехал командующий фронтом маршал Рокоссовский. Когда он, высокий, худощавый, вошел в зал, Бершанская громко и четко отрапортовала ему. Маршал, немного растерянный, тихо поздоровался с нами и, услышав общий громовой ответ, смутился. Затем он произнес небольшую речь и начал вручать Золотые Звезды и ордена.

Высокую награду получили Ира Себрова, Женя Жигуленко, Надя Попова, Руфа Гашева, Катя Рябова и я. Трем девушкам это звание было присвоено посмертно: Оле Санфировой, Тане Макаровой и Вере Белик.

Посмертно. Сколько могильных холмов осталось на нашем пути!.. На Кубани, в Белоруссии, в Польше... У многих из тех,

кто уже не вернется с войны, могил не осталось — у тех, кто сгорел в воздухе вместе с самолетом.

И когда мы почтили их память вставанием, я подумала о том, что высокое звание Героя принадлежит не только тем, кого отметили, но и многим из тех девушек, которые не вернулись. Они погибли героями.

СНЕГ

Идет снег. Уже много часов. Крупные тяжелые хлопья падают на землю.

Давно рассвело, а в небе все еще темно. Как будто рассвет только начинается. Если запрокинуть голову и смотреть вверх, то кажется, что ничего больше не существует на свете, только хлопья снега, несущиеся вниз. И — тишина. Та особенная зимняя тишина, какая бывает, когда неслышно падает снег. Когда тебе нетерпимо хочется услышать, как он шумит...

Я жду, чтобы снег прекратился. Нужно лететь на поиски. Жду терпеливо, погруженная в тишину. А он все падает, падает. Оседает на крыльях самолета, на брезентовых чехлах, которыми закрыты мотор и кабины. И нет ему конца. Как будто небо опрокинуло на землю весь свой снежный запас.

Иногда я подхожу к самолету и раздраженно смахиваю крагами слой снега с крыла. Но темная блестящая поверхность его сразу же тускнеет, покрываясь сначала легким пушком прикоснувшихся первых снежинок, затем становится белой. Новый слой снега нарастает на крыле. Он такой нежный, пушистый, этот белый снег... Но я смотрю на него с ненавистью.

Раздражение быстро проходит, если постоять, глядя вверх на снежишки. Кружась в несложном танце, они несутся вниз легко и весело, не думая о том, что их там ждет внизу. Не все ли равно... Им весело, они кружатся и кружатся... Я смотрю на них, и тревожные мысли проходят.

Ночью полеты были прерваны. Мы бомбили порт Гдыню, и вдруг пошел снег. Сначала слабый. Многие успели долететь до своего аэродрома. Потом повалил густой-густой. Четыре самолета не вернулись.

Иры моей нет. И Клавы-джан тоже. А прошло уже много времени. Где они?

Я мягко ступаю унтами по свежему снегу. Десять шагов в одну сторону, десять в другую. Иногда останавливаюсь, чтобы

посмотреть вверх. И снова хожу. Где они? Может быть, сели в поле... А может быть... Нет, лучше смотреть на снег. Смотреть долго, запрокинув голову, чтобы видеть только небо.

Проходит еще немного времени. Небо заметно светлеет. И снег стал падать реже. Кажется, он перестает...

Сейчас придет Поля Гельман, штурман. Мы полетим с пей искать девушек.

Еще издали я увидела ее смешную маленькую фигурку. Она спешит, семеня ногами, переваливаясь с боку на бок. В меховом комбинезоне, в мохнатых унтах, она похожа на колобок. Сбоку, где-то ниже колен, болтается планшет. Он мешает ей идти, сползает вперед, и она без конца поправляет его. Поля всегда спешит и всегда опаздывает. К этому все уже привыкли. Но сегодня она не опоздала.

Запыхавшись, еще на ходу она спрашивает:

— Летим? А где механик?

— Сейчас придет. Она у соседнего самолета.

Мы смотрим на карту. Прикидываем, где могли сесть самолеты.

Вероятно, восточнее Вислы. Никакой летчик не станет держать западный курс, когда не видно земли и когда он не знает, где находится.

Наконец снег прекратился, и мы вылетаем на поиски. Внимательно просматриваем землю в предполагаемом районе посадки. Всюду белым-бело от снега, но самолетов не видно. Проходит час, два и больше — мы ищем до тех пор, пока не подходит к концу запас горючего. И только тогда возвращаемся. Другие два самолета, вылетавшие на поиски, тоже прилетели ни с чем.

Оказалось, пока мы искали пропавших, они сами вернулись. Все, кроме одного самолета.

Ира встретила нас так, будто все было нормально, ничего страшного и не могло произойти.

— Зачем бросаться в панику, искать? Подождали бы немного. Легко сказать — подождали бы...

Потом Ира рассказала, что на рассвете, когда горючее подошло к концу, она попробовала посадить самолет. Видимость была очень плохая. Несколько раз вслепую она заходила на посадку. Правда, на небольшой высоте темные массивы леса все-таки просматривались. Каждый раз, когда она пыталась садиться, у самой земли перед самолетом вырастало какое-нибудь препят-

ствие: столбы, деревья, постройки... Только на пятый раз ей удалось посадить самолет.

Три самолета вернулись. А четвертый потерпел аварию. Сильно пострадала Клава Серебрякова, Клава-джан. У нее было несколько тяжелых переломов обеих ног. Тося Павлова, ее штурман, отделалась сравнительно легко: сломала руку.

ПРИШЛА ПОБЕДА!

Брунн — чистенький, тихий немецкий городок, расположенный к северу от Берлина. Мы живем неподалеку от городка, в имении. В двухэтажном доме много старинной мебели, но все в беспорядке сдвинуто, перевернуто. Два рояля. Весь чердак доверху забит нотами. Бетховен, Вебер, Моцарт...

Дом спрятан в зелени. Цветут липы, сирень. В большом парке прекрасное озеро. Говорят, владелец имения, барон, и его семья утопились в этом озере. Не успели уехать.

За последнюю неделю наш Второй Белорусский фронт продвинулся на сотни километров. Он наступал так стремительно, что едва ли еще несколько дней назад барону приходила мысль о бегстве. Вероятно, он надеялся, что Одер — надежная преграда для советских войск...

Наш аэродром — зеленое поле на окраине городка. Но летаем мы с «подскока» — площадки, которая значительно ближе к фронту.

Близится конец войны: противник всюду капитулирует. Летать почти некуда. Осталась только группировка в районе порта Свиномюнде, откуда немецкие войска удирают пароходами через Балтийское море. Мы бомбим порт.

Ночи темные, туманные. Большая влажность, ведь море рядом. Свиномюнде — к северо-востоку от нашего аэродрома. Так что в самом конце войны на наших компасах стоит не западный, а почти восточный курс...

Взят Берлин. Это значит — конец войне. Почему-то трудно в это поверить. Так долго, так бесконечно долго она тянется.

Конец войне! Это так грандиозно и замечательно, что кажется просто неправдоподобным. Немцы капитулируют. Но еще держится группировка фашистских войск на севере. А может быть, завтра нам уже не придется бомбить?

Как бы там ни было, а на новой точке, где мы сейчас стоим,

нас, как обычно, заставили знакомиться с районом боевых действий. Задание — полет по треугольнику днем. Мы с Ирой взлетели парой. И, как-то не сговариваясь, поднявшись в воздух, решили отклониться от заданного маршрута. В сторону Берлина, конечно.

Очень любопытно взглянуть на Берлин сверху. Днем. Представится ли еще когда-нибудь такая возможность? Какой он, Берлин, «логово фашистского зверя», как называют его в газетах, столица поверженной Германии?

Мы летим на небольшой высоте. Под крылом пригороды Берлина. Ровные, светлые шоссе-ные дороги. Особняки в подстриженных садах. Много зелени. Все аккуратно, геометрически точно. Здесь нет разрушений, изрытой трапшеями земли. Никаких следов войны. Так по крайней мере кажется, если смотреть сверху, с птичьего полета. Да, вероятно, так и есть — ведь наши войска заняли этот район с ходу.

Подлетаем поближе, и перед нами открывается огромный, серый, полуразрушенный город. Он весь дымится, кое-где еще догорают пожары. Небо почти сплошь затянуто дымом, и солпце с трудом пробивается сквозь дымную завесу. Светит слабым желтоватым светом, как при солнечном затмении. В воздухе пахнет гарью.

Мы низко парой пролетаем над рейхстагом, где развевается наш советский флаг, над Бранденбургскими воротами. Наверное, смешно выглядят наши «ПО-2», две маленькие пчелки, над серой громадой города, раскинувшегося на многие километры.

Делаем большой круг и, выбравшись из дыма, летим домой. Снова ярко светит солнце. Майское солнце, такое же, какое светило нам тогда, в Энгельсе, при отлете на фронт. Такое — и не такое. Новое — солнце Победы...

О том, что должен быть приказ Верховного главнокомандующего, мы узнали восьмого мая. Приказ, после которого наступит мир!

И все-таки Победа пришла внезапно.

Мы прыгали, кричали, целовались. В парке под цветущими липами накрыли праздничные столы и выпили за мир. Вечером где-то далеко, в Москве, Родина салютовала победителям. Мы устроили свой салют: стреляли вверх цветными ракетами, палили из пистолетов, кричали «ура»...

В этот день мы надели платья. Правда, форменные, с пого-

нами. И туфли. Не сапоги, а туфли, спитые по заказу. Их привезли на машине. Полный кузов — выбирай! Настоящие туфли, коричневые, на среднем каблучке... Конечно, не ахти какие, но все же туфли. Ведь войне конец!

Пришла Победа. Это слово звучало непривычно. Оно волновало, радовало и в то же время, как ни странно, немножко тревожило...

Мир... Он нес с собой большое, хорошее. Мир — это было то, ради чего мы пошли на фронт, за что погибли наши подруги, это была новая жизнь, которую мы еще так мало знали. Пожалуй, большинство из нас основную часть своей сознательной, по-настоящему сознательной, жизни провели на войне. Где будет теперь наше место?

Четыре года... Мы ушли в армию, когда нам было девятнадцать, даже восемнадцать. За эти годы мы повзрослели. Но, в сущности, настоящая жизнь, с ее повседневными заботами и тревогами, для нас еще не начиналась. Никто из нас толком не знал, что его ждет впереди. Одни мечтали учиться. Вернуться в институты, к прерванной учебе. Другие хотели летать...

С наступлением мира всех потянуло домой. Сразу. Захотелось остро, до боли в сердце, туда, где нас ждали, где все — такое знакомое, близкое, свое, где Родина...

Люди по-разному представляют себе Родину. Одни — как дом, в котором они родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие — как березку над рекой в родном краю. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду...

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина — это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

Родина...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н а ч а л о

Идем на войну	7
Нужны ли солдату косы?	9
Присяга	10
Чрезвычайное происшествие	11
«Морзянка»	14
Контрольный полет	16
Марина Раскова	19
Первые вылеты	23
В грозу	26
Бомбит Ростов	27
Не видеть бы этого	28
Трудными дорогами	30

Н а д х р е б т а м и и д о л и н а м и

Горит всю ночь	41
Григ	43
Терек	44
На рассвете	45
Первые ордена	46
Когда тебя ждут...	48
Тишина	50
Гадание	52
Убитый немец	54
Валенки, валенки...	55
Гусак	57
Юлька	59
Они с крестами	61
Цветут яблони	63
А речка маленькая...	65

«Г о л у б а я л и н и я»

Убита над целью	71
Расскажи, как цветет миндаль	75
Через линию фронта	80
Разве же я дам тебя в обиду!	85
Иринка моя, Иринка...	87
Гвардейское знамя	91
Мне снятся сны	92

Талисман	94
Сентябрь	101

Морские ветры

Десант	105
Вынужденная посадка	108
Я прилечу к тебе...	112
Цель — Багерово	113
Темная ночь...	119
Встретимся на той стороне	121
Жеся Руднева	123
Ларноновна	127
Пылает вражеский самолет	132
Можно и в нелетную погоду	134
Угнали в Германию	136

Год последний

Второй Белорусский	141
Глупые, глупые девчонки...	145
Немцы сдаются	147
Ниток не хватает...	153
Из-за пруда вставало солнце	155
Задание — доставить боеприпасы	159
Осторожно, тут мины!	163
На Висле	168
Снег	170
Пришла Победа!	172

Для старшего возраста

Наталья Федоровна Кравцова

ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА

Ответственный редактор В. М. Писаревская, Художественный редактор Л. Д. Бирюков. Технический редактор Н. Д. Лаукус. Корректоры А. Н. Гриберман и Н. А. Сафронова.
 Сдано в набор 20/IX 1973 г. Подписано к печати 26/XII 1973 г. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1391. Цена 48 коп.
 Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М., Черкасский пер., 1.
 Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Scan Kreyder - 24.04.2018 - STERLITAMAK

